

ISSN 0131-7652
E-ISSN 2686-7605

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 3 2021 г.

«КАЧЕЛИ» НЭПА

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

3 (561) 2021

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

3 (561) 2021

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jae Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, Member of BoD, Siberian Generating Company; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Akademgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

ANO Editorial Office of ECO journal
Prospekt Akademika Lavrentyeva 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

4 О природе цикличности

Тема номера: «Качели» нэпа

- 8 КИЛИН А.П.
Частнопредпринимательский уклад
в отечественной экономике
1920-х гг.: взгляд через век
- 35 КОКОУЛИН В.Г.
Восстановление и развитие
промышленности
Новониколаевска-Новосибирска
в годы Новой экономической
политики
- 59 ФЕЛЬДМАН М.А.
Могла ли экономика нэпа стать
основой Индустриального проекта?
- 81 КЛИСТОРИН В.И.
К столетию Новой экономической
политики. Интервью с Г.И. Ханиным

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ

РЕАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

- 88 АЛЕКСЕЕВ А.В.
Стратегия развития
обрабатывающей промышленности:
иллюзия прорыва
- 106 НИКОЛЬСКИЙ А.Ф.
Что такое «сверхкомбинат»?

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- 122 СЕМЕНОВ Е.В.
Несостоявшаяся реформа науки
- 140 ШМАТ В.В.
Знания, инновации, «цифра»,
или от фабулы к сюжету?

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 167 ЕФИМОВ В.М.
Схоластическая риторика
как метод производства текстов
в сообществе экономистов-
теоретиков

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 On the Nature of Cyclicity

Cover Story: NEP's Seesaw

- 8 KILIN, A.P.
Private Entrepreneurship
in Russian Economy in 1920s:
a View after a Century
- 35 KOKOULIN, V.G.
Restoration and Development
of the Industry of Novonikolaevsk-
Novosibirsk in the Years of the
New Economic Policy
- 59 FELDMAN, M.A.
Could the NEP Economy Become
the Basis of an Industrial Project?
- 81 KLITORIN, V.I.
On Centenary of the New Economic
Policy. Interview with G. I. Khanin

ASPECTS OF REAL ECONOMY

- 88 ALEKSEEV, A.V.
The Development Strategy for the
Russian Manufacturing Industry:
An Illusion of a Breakthrough
- 106 NIKOLSKY, A.F.
What is Super-Combine?

DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION

- 122 SEMENOV, E.V.
Failed Reform of Science
- 140 SHMAT, V.V.
Knowledge, Innovation, "Digit",
or from Fabula to Story?

DEBATS

- 167 YEFIMOV, V.M.
Scholastic Rhetoric as a Method
of Producing Texts in the Community
of Theoretical Economists

О природе цикличности

Год прошедший и год нынешний отмечены юбилейными датами с начала беспрецедентных в мировой экономической истории событий, оказавших колоссальное влияние на развитие России в прошлом столетии. До сих пор мы явственно ощущаем их отголоски и пользуемся их плодами. Речь идет о 100-летию Плана ГОЭЛРО¹ (январь 1920 г.) и Новой экономической политики (январь 1921 г.).

Реализация первого из них заложила основу материально-технологической инфраструктуры, которая не только позволила провести беспрецедентную по масштабам индустриализацию экономически отсталой аграрной страны, но и предопределила на многие годы вперед (и до сих пор определяет) пространственную структуру многих секторов национальной экономики.

Нэп, с точки зрения влияния на социально-экономическое развитие страны, как представляется автору, был еще более значим. Полное пренебрежение законами экономического бытия в годы Гражданской войны, принудительное изъятие не только излишков, но и самого необходимого у производителей продовольствия (продразверстка) поставили советскую Россию на грань краха. Поэтому решение политического руководства страны отказаться от этого курса трудно отнести к разряду «стратегических маневров» или, тем более, спланированных и просчитанных (по результатам и последствиям) шагов.

Тем не менее результаты, казалось бы, простого по форме и способам реализации шага – введения продналога вместо продразверстки – оказались ошеломляющими. Крестьянство отреагировало с присущей ему «социальной ответственностью» – проблема голода отошла на второй план (увы, ненадолго) (статья А.П. Килина). Нормализация товарно-денежных отношений распространилась с аграрного сектора на экономику в целом. Стали восстанавливаться торговля, кустарные промыслы, легкая промышленность. Государственный бюджет стал наполняться обеспеченными реальными активами финансами.

Конечно, при взаимодействии рыночной стихии с идеологическими приоритетами государства проблем было более чем предостаточно: общехозяйственные кризисы, безработица, инфляция, отсутствие у предпринимателей стремления к инвестированию

---

¹ История ГОЭЛРО. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/3039>

в базовые отрасли, расточительное потребление «хозяев новой жизни» и проч. (статья В. Г. Кокоулина).

В то же время, несмотря на невзгоды и лихолетье, не прекращался процесс научного осмысления происходящего и выработки на этой основе предложений и подходов, направленных на реальное улучшение жизни людей, укрепление экономической мощи страны (статья М. А. Фельдмана). За предшествующие нэпу годы (включая не один десяток предреволюционных лет) был накоплен колоссальный интеллектуальный потенциал – как в части понимания направлений развития различных сфер и сторон социально-экономической жизни страны (от водных путей и энергетики до развития лесного хозяйства²), так и с точки зрения формирования когорты высококлассных и преданных делу специалистов. Накопленные знание и умение изучать и анализировать экономическую действительность и вырабатывать на этой основе эффективные решения присутствовали не только в Центре, но и на местах.

Порой при решении конкретных вопросов на местах не нужно было дожидаться директив и указаний о подходах к взаимодействию государства и рынка. Так, например, в 1926 г. в Иркутской губернии при подготовке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства специалисты отмечали, что «...вполне понятно, что и перспективы сельского хозяйства будут различны в зависимости от степени удовлетворения нужд области в развитии транспорта и промышленности и в зависимости от размеров агрономических и других видов помощи населению»³. Тем самым, вполне очевидно, что рынок и рыночные методы предполагалось развивать преимущественно в аграрном секторе, в то время как основные усилия

---

² См., к примеру: *Родевич В. М.* Обзор произведенных до 1923 года исследований рек России // Российский гидрологический институт. Петроград. 1923. 32 с.

«Результаты бывшего казенного лесного хозяйства к 1914 году» // РСФСР Комиссарият земледелия / Под ред. В. В. Фааса. Петроград. 1919. (URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007963149/). В предисловии к сборнику, включающему 41 таблицу с пояснениями, отмечалось: «Еще в 1912 году в Лесном Департаменте возникла мысль представить в ряде наглядных диаграмм и картограмм положение русского казенного лесного хозяйства. Война застала этот труд в период окончания, но, по техническим условиям, печатание книги могло быть закончено лишь к концу 1917 года, а появление ее в свет оттянулось, по различным причинам, до конца 1918 года».

³ *Миротворцев К. Н.* Краткий очерк состояния земледелия и скотоводства Лено-Байкальской области в связи с географическими и экономическими условиями края // Проблемы капитального строительства Восточной Сибири // Сб. статей под ред. И. Ф. Трелина и А. И. Горавского. Вып. 1. Сельское хозяйство. Промышленность. Электрификация. Иркутская Плановая Комиссия. Иркутск. 1926. С. 3-56. [С. 40].

государства планировалось направить на развитие инфраструктуры, промышленности и науки.

Более того, признавалось и учитывалось влияние рыночной конъюнктуры на экономические результаты «...в целях регулирования цен рынка, а также в целях удачной продажи необходимо на рынке появиться тогда, когда он голоден, а не тогда, когда рынок уже насыщен и приходится напрашиваться к покупателю со своим товаром»⁴.

Знание данных специалистов было весьма далеко от того, что Ф. Хайек впоследствии назовет «рациональным конструктивизмом», а, скорее, было тем, что может быть отнесено к «разуму, применяемому должным образом»⁵. В понимании специалистов начала 1920-х годов государство и рынок могли вполне гармонично взаимодействовать, дополняя друг друга. В числе приоритетов государства – инфраструктура и тяжелая промышленность, в то время как в числе приоритетов рыночного сектора – сельское хозяйство, легкая промышленность и сфера услуг.

К сожалению, как показали последующие события, начиная со второй половины 1920-х гг. к носителям такой точки зрения прислушивались все меньше. И в силу их малочисленности, и в силу неподготовленности к восприятию альтернативных взглядов «класса новых собственников» – представителей нарождающихся «распределительных коалиций»⁶ (партийных бюрократов и карьеристов). Результатом поспешности и насилия над экономической действительностью в ходе коллективизации и форсированной индустриализации стали обнищание села и колоссальные людские жертвы. Трудно согласиться с определением данного подхода к решению насущных экономических проблем как «чрезмерно оптимистического»⁷. Скорее, речь должна идти об отсутствии морали в самом широком ее понимании – и у тех, кто такие решения готовил, и у тех, кто их реализовывал.

Удовлетворительное решение проблемы непротиворечивого, гармоничного взаимодействия государства и рынка чрезвычайно сложно

---

⁴ Шнехт Ю.Г. К вопросу о перспективном плане электростроительства Лено-Байкальской области // Сб. статей под ред. И.Ф. Трелина и А.И. Горавского. Вып. 1. Сельское хозяйство. Промышленность. Электрификация. Иркутская Плановая Комиссия. Иркутск. 1926. 197 с. С. 173-189. [С. 168].

⁵ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости. 1992. 304 с. [С. 18].

⁶ Олсон М. Возвышение. Экономический рост и упадок. Стагфляция народов. Социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР. 1998. 432 с.

⁷ Зоркальцев В. И. Экономика СССР и Великая Отечественная война (с использованием материалов лекций Б. П. Орлова). Иркутск: Институт систем энергетики им. Л. А. Мелентьева СО РАН. 2009. 36 с.

на практике и требует не только знаний, но и доверия в обществе и совсем другой роли «носителей» знания в этих процессах. Ни в период нэпа, ни позднее так и не было найдено приемлемое решение этой проблемы. И сегодня она все еще остается ключевой с точки зрения выбора пути и подходов экономического развития России.

Конечно, это не только российская проблема. Например, в основе успехов Китая лежит не только знание особенностей функционирования и развития современной экономики, но и понимание важности учета национальных особенностей, и признание того факта, что «...конкуренция является основополагающим элементом рыночной экономики, она приводит к активности, а активность – к прогрессу. Возникающий беспорядок можно устранить с помощью реформ системы, управления, совершенствования законов и порядков, что является обязательным для нас в строительстве социалистической рыночной экономики. Поэтому нельзя относиться к конкуренции по принципу “рассердившись на блох, да всю шубу в печь”. Разве не бывает беспорядочной конкуренции при монопольной системе?»⁸.

В России в конце 1920-х гг. (и в последующем – в период «судьбоносных реформ» 1990-х гг.) было решено избрать путь мнимой «простоты» и «реализуемости» грандиозных планов ускоренной индустриализации (в 1990-х – ускоренной приватизации). В первом случае мы получили в результате колоссальные жертвы и, действительно, высокие темпы индустриализации, во втором – обнищание населения и проедание ранее созданного национального достояния (В.И. Клисторин. Интервью с Г.И. Ханиным).

Любая экономическая реформа, в сколь сложных условиях она бы ни проводилась, сколь непростой была бы внешнеполитическая обстановка, не может игнорировать необходимость создания и поддержания не только приемлемых условий членам общества, но и формирование условий и возможностей для реализации активности и потенциала человека. Реформы и «инициативы сверху» не имеют под собой основания, если не способствуют движению в этом направлении. В противном случае цикличные «качели» реформ и колоссальные потери становятся неизбежными. Наверное, нам уже пора бы научиться на собственных прошлых ошибках.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

---

⁸ Ли Ланьцин. Прорыв. Как открывались ворота страны: 30-летию начала реформ в Китае посвящается. М.: Издательство МГУ. 2010. 472 с. [С. 382].

Частнопредпринимательский уклад в отечественной экономике 1920-х гг.: взгляд через век

А.П. КИЛИН, кандидат исторических наук. E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru
ORCID: 0000-0003-1655-8730
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

Аннотация. Новая экономическая политика могла бы стать типичным примером регулирования многоукладной экономики, не реализуйся она государством «диктатуры пролетариата», лидеры которого декларировали примат плана перед рынком и уничтожение частной собственности. Частный сектор хозяйства был легализован, но поставлен в неравные условия с государственным и связанным с ним секторами, рамки допустимого для предпринимательской деятельности постоянно суживались, ее субъекты дискриминировались. По сути, нэп выполнял функцию своеобразного «шлюза», предоставляя ограниченную возможность адаптации существующих укладов к реалиям централизованного планового управления. Экономические акторы, находясь на различных позициях в политическом и социальном спектрах общества, эмпирически определяли допустимую степень соблюдения и возможного нарушения установленных законов и норм. Особую роль в этих процессах играл частнопредпринимательский уклад, охватывавший широкие слои населения и выступавший индикатором границ допущения рыночных отношений. На излете 1920-х гг. данный уклад получил свое законченное «ликвидационное» определение как нежелательного «замкнутого круга частного сектора хозяйства». Реализованное стремление государства получить контроль над всеми видами ресурсов, сконцентрировать их в своих руках и направить на приоритетные направления развития (модель мобилизационной экономики) повлекло за собой не столько ликвидацию предпринимательства, сколько трансформацию его в своего рода «неформальный уклад» советской экономической системы. Получивший институциональное закрепление в отечественных социально-гуманитарных науках, но интерпретированный с различных позиций в течение XX века укладный подход позволяет проанализировать объективность существования социально-экономической многоукладности 1920-х гг. и причины и динамику ее инкорпорирования советской мобилизационной системой

Ключевые слова: новая экономическая политика; уклад; укладный подход; многоукладность; частнопредпринимательский уклад; «замкнутый круг частного сектора хозяйства»; частная торговля; государственное регулирование; мобилизационная экономика

Предпосылки введения нэпа

Придя к власти, большевики легитимизировали пропагандистские лозунги, выдвинутые ими накануне революции, и стремились

форсировать процессы экономических преобразований, начатые не ими. Усиление государственного регулирования и подчинение хозяйственной политики интересам войны – этот курс был взят руководством страны еще в 1914 г.

Экстремальный характер производства и распределения военного времени подрывал основы экономики, что не помешало интерпретировать эти формы как прообраз «коммунистического завтра». В «военном коммунизме» «военного» было намного больше, чем «коммунистического», но радикализация модели хозяйствования преследовала цель продемонстрировать стремительное продвижение вперед, причем не только российским, но и иностранным гражданам. Внешнеполитическая задача заключалась в том, чтобы спровоцировать представителей «мирового пролетариата» на более решительную и реальную поддержку «рабоче-крестьянского государства», в том числе за счет активизации революционного движения в своих странах.

Было очевидно, что политические цели и экономические условия не соответствовали друг другу. Протяженность страны, несовершенная инфраструктура, асимметрия регионов, многоукладность, дефицит ресурсов (в том числе инвестиционных), технологическая отсталость не только сохраняли свое значение, но и усугублялись. Необходимо было привести политические и экономические системы в соответствие друг другу, то есть, в марксистской терминологии, синхронизировать базис и надстройку. В реалиях экономики 1920-х годов для сохранения властью «командных высот» потребовался маневр, получивший название «новая экономическая политика».

Задачей данной работы является рассмотрение частнопредпринимательского уклада как одного из системообразующих для экономики 1920-х гг., на основе системного анализа и через оптику укладного подхода.

Актуальность исследования

Отвечать на сакраментальный вопрос: «Как нам обустроить Россию?» можно по-разному, в том числе опираясь на анализ истории отечественного частного предпринимательства и закономерности функционирования многоукладной экономики.

Советская экономика с доминированием государственной формы собственности не представляла из себя монолита,

а складывалась из разнообразных хозяйственных форм и практик. Отношения между ее акторами могли быть как гармоничными, так и конфликтными, основанными как на принципах кооперации, так и конкуренции, осуществляться в легальной или нелегальной форме. В данной связи целесообразно использовать для анализа хозяйственных практик такую категорию, как «уклад».

В экономическом плане на макроуровне необходимо проанализировать механизмы взаимодействия различных хозяйственных укладов; на региональном уровне актуальным является рассмотрение процесса включенности экономики региона в систему межрегиональных и национальных (страновых) хозяйственных связей; учет и регулирование различных моделей регионального развития в соответствии с набором различных укладов в том или ином экономическом районе позволяют максимально полно использовать потенциал территории (сырьевой, человеческий, логистический, технологический, культурный). На микроуровне в фокусе укладного подхода оказываются процессы, реализованные в рамках «замкнутого круга частного сектора хозяйства».

Вопрос о сущности экономики социализма, являясь дискуссионным на протяжении всего советского периода [Рубин, 1929; Островитянов, 1962], не утратил своей актуальности и сегодня [Гловели, Гребнев, 2013; Воейков, 2014]. С удовлетворением можно констатировать, что в новейший историографический период вновь пробудился интерес к укладной теории, и ее применяют не только при изучении истории раннесоветского общества [Килин, 2018; Раннесоветское общество..., 2018; Рыбина, 2015; Суворова, 2013], но и дня сегодняшнего. Более того, экономисты рассматривают многоукладность как необходимое условие для поступательного экономического развития России [Многоукладность России, 2009]. Очевидным признаком дееспособности теории является наличие у нее оппонентов, которые настойчиво опровергают ее положения и присваивают ей звучные эпитеты [Гаврилов, 2003].

Уклад как категория

Определение понятия «уклад» не относится к легкоразрешимым проблемам. Во-первых, оно претерпело определенную эволюцию; во-вторых, различные авторы могут использовать

для определения этого явления разные термины («габитус» – П. Бурдьё, «народно-хозяйственная категория» – А. В. Чаянов). Нет консенсуса и в отношении как набора укладов, характерных для той или иной эпохи, так и их обозначения.

Анализируя генезис категории, А. А. Куракин отмечает: «В обыденном языке понятие “уклад” характеризует упорядоченность жизни, то, что происходит изо дня в день... применяется, в основном, к социальной жизни на микроуровне и зависит от способа анализа социальной реальности... Концепцию укладности, укладный подход можно обозначить как переход от общей аналитической схемы к набору производных аналитических схем или блоков более низкой степени общности» [Многоукладность России, 2009. С. 39–40].

Эту проблему на этнографическом материале отразил в своих работах Ю. И. Семенов, анализируя процесс формирования крестьянских общин в России и за рубежом [Семенов, 1976]. «Производственные отношения того или иного типа могли образовывать целостную систему, т.е. определенный общественно-экономический уклад, причем совершенно не исключена возможность наличия в одном и том же социальном организме одновременно нескольких укладов общественного производства. Как правило, ...один из них был господствующим, доминирующим, а остальные – подчиненными. Господствующий уклад является основой социального организма и определяет его тип, его принадлежность к той или иной общественно-экономической формации» [Семенов, 1976. С. 18].

Проследивая генезис термина в отечественной экономической теории, в частности, в рамках формационного подхода, А. А. Куракин отмечает, что этот термин использовался в значении «подформация» и, как правило, для характеристики экономик переходного типа [Многоукладность России, 2009. С. 42].

Стремясь к универсализму, А. А. Куракин декларирует приоритет структурного функционализма, который внепространственен и внеисторичен. «Концепцию укладности, укладный подход, можно обозначить как переход от общей аналитической схемы к набору производных схем более низкой степени общности, каждая <из которых> привязана к некоторому исторически и пространственно-определенному типу исследуемого объекта. По сути, происходит классификация эмпирических объектов

на уровне теории. Уклад не представляет собой... самостоятельной теории. Он может быть использован лишь как продолжение существующих теорий... В зависимости от теории получаются разные уклады: социально-экономические, культурные, политические и т.д. (и разные варианты этих укладов)» [Многоукладность России, 2009. С. 63–65].

От столь общей формулировки перейдем к конкретизации. По мнению Т.Е. Кузнецовой и Л.В. Никифорова, уклад определяется формой собственности, способом экономического оборота и характером существующих в обществе социальных взаимодействий. При этом они отмечают, что «понимание уклада не может ограничиваться только экономической средой, но экономическая составляющая является основой развития уклада, фактором его воспроизводимости». Особо подчеркивается фактор сосуществования, взаимодействия различных укладов: «Такая трактовка категории “уклад” соответствует реальным общественным отношениям, при которых взаимодействие укладов означает их конкурентное противостояние при равных возможностях развития, а не идеологически управляемое вытеснение одного уклада другим» [Многоукладность России, 2009. С. 18–19]. Очевидно, что проблема «равенства возможностей» является весьма актуальной, а ее решение дает ключ к пониманию политики государства в отношении частного капитала в годы нэпа, а также позволяет оценить степень рыночности современной отечественной экономики.

В свою очередь З.В. Рыбина предлагает следующее определение: «Экономический уклад – это условия хозяйствования, жизнеобеспечения и жизнеустройства определенной части населения, определяемые системой социально-трудовой деятельности этого населения или его местом в общественном разделении труда; формой собственности на предметы и средства труда, а также рабочую силу» [Рыбина, 2015. С. 44].

Таким образом, можно говорить о формациях как о моделях социально-экономического развития, а об укладах – как категориях более низкого порядка, результатах этого моделирования, сочетающих в себе как теорию, так и эмпирику. Такая интерпретация уклада согласуется с процессом моделирования, когда первоначальная идея модифицируется под воздействием объективных

условий и порой превращается в свою противоположность, как это произошло с «советским социализмом».

Элементы системы

Концепция многоукладности для руководства советской России не была исключительно теоретической проблемой. В работах В. И. Ленина содержится не только определение состава многоукладной экономики России, но и оправдание многоукладности, описание объективных условий, которые приводят к такому состоянию. «Мы наблюдаем, по меньшей мере, пять различных систем или укладов, или экономических порядков, – писал он. – Считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое – патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе – мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье – капиталистическое, – это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое – государственный капитализм, и пятое – социализм»¹.

Отметим, что оценка сущности тех или иных укладов ставилась под сомнение современниками. Так, будучи высланным из советской России в 1922 г., один из последовательных критиков централизованной советской экономики Б. Д. Бруцкус в начале 1930-х гг. писал: «Иностранные наблюдатели обычно называют государственные предприятия “государственно-капиталистическими” и, соответственно, всю советскую экономику в годы пятилетки государственным капитализмом. Мы считаем эти ярлыки обманчивыми, так как получение прибыли ни в коей мере не движущая сила советской системы» [Бруцкус, 1995. С. 118]. Бруцкус при этом проницательно добавлял, что государственные национализированные предприятия внутри «были скорее бюрократическими, чем капиталистическими» [Бруцкус, 1995. С. 118].

---

¹ Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП (б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 158; В. И. Ленин об укладах в 1918 г. см.: Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 295–296.

При анализе современной ситуации экономисты выделяют другой набор укладов, что обусловлено как более широким толкованием этого термина, так и более сложными хозяйственными связями и множественностью факторов, влияющих на хозяйствующие субъекты. Если государственный, частнопредпринимательский, кооперативный и семейный уклады можно признать традиционными, то сельский, городской и неформальный уклады расширяют горизонты наших представлений, а диаспорный уклад воспринимается как экзотичный.

В своей рецензии на коллективный труд «Многоукладность в России» (2009) И. В. Троцук прокомментировала позиции его создателей: «Авторы предлагают следующую типологию укладов: сельский (соответственно, может быть и городской), рыночный (в качестве примера выступает частнопредпринимательский) и нерыночный (например, семейный), государственный, неформальный... диаспорный и кооперативный (имеющий в российском обществе давнюю и весьма успешную историческую традицию, но принявший в советский период ложный, дефективный, а в постсоветский период – квазигосударственный, а потому неэффективный номинальный характер)» [Троцук, 2010. С. 510–514].

Полагаем, что использование не «ленинской», а предложенной отечественными экономистами шкалы укладов, позволит более детально и пристально взглянуть в нэп, рассмотреть его как более сложную систему взаимодействия и взаимовлияния не только «классических», но и «нетрадиционных» укладов, таких как диаспорный, неформальный, семейный и т.п.

Несомненную ценность данный подход приобретает при изучении торгового предпринимательства, представленного мелкими и мельчайшими формами хозяйствования, являющегося сектором услуг, а не производства, имеющего региональную, а порой и этническую специфику. Так, деятельность торговых предпринимателей в определенных сегментах рынка (торговля фруктами, рыбой, халяльным или кошерным мясом) близка как к частнопредпринимательскому, так и к диаспорному укладам.

Структурные взаимосвязи системы

В соответствии с принципами системного подхода эффективность действия системы определяется не только качеством

и количеством составляющих ее элементов, но и характером взаимосвязей между ними. Очевидно, что соотношение различных укладов в нэповской экономике было непропорционально и конфликтно. Де-факто доминировал мелкотоварный уклад, представленный крестьянскими хозяйствами, кустарными промыслами и частной торговлей; в идеологическом и политическом плане перевес сил был на стороне государственного уклада (тресты и синдикаты).

Диспропорции со временем не сглаживались, а лишь усиливались. Обобществленный сектор хозяйства (состоящий из государственного и кооперативного укладов), уступая частному сектору в количественном плане, получал преимущества с учетом доктринального классового подхода. Отметим, что кооперация, первоначально относимая В.И. Лениным к государственному капитализму, позднее была включена в обобществленный сектор, для придания ему большего веса в сравнении с частным сектором хозяйства.

Унификация систем производства и распределения на коллективных началах должна была привести к совершенствованию или упрощению организационно-правовых форм хозяйствования, а в конечном счете – к ликвидации многоукладности в экономике. Игнорировался тот факт, что многоукладность является следствием объективных предпосылок, и преодолеть эти различия не удалось ни одной стране в мире. Вопрос: следует ли их преодолевать и насколько это возможно в принципе?

Конкурентное взаимодействие различных укладов обеспечивает экономике определенную динамику. Необходимость поддержания конкурентоспособности не отрицалась и при социализме, более того, абсолютизировалась во внешнеполитическом контексте («догнать и перегнать»). Внутри страны термин был заменен на иной – «соревнование», с эпитетом «социалистическое». Соревновательность, состязательность, конкуренция были объективной реальностью в раннем СССР, и, как считалось, должны были сохраняться и при социализме, но в особой, неантагонистической форме.

Отметим, что понятия «рынок», «рыночные отношения» в годы нэпа воспринимались современниками «диалектически». И. Мингулин писал: «Рынок и рыночные отношения имеют в начале развития товарного производства одни законы, а при

развитом капитализме – другие; совершенно иными они являются при монополистическом капитализме и абсолютно новыми при нашем строе... При диктатуре пролетариата мощным фактором выступают наши общественные отношения, т.е. диктатура рабочего класса над всеми экономическими и политическими отношениями и классами... Это развитие рыночных условий выражается в известной уменьшающейся роли стихийных элементов на рынке – “стихийное начало” все больше ограничивается» [Мингулин, 1927. С. 14].

«Стихия рынка» выступала здесь в качестве основного его недостатка, служила атрибутивным признаком и основным фактором устрашения для советских граждан. При этом элементы «стихийности» легко обнаруживались и в системе централизованного планирования. Планы в советской экономике подвергались серьезным изменениям под воздействием «идеологической конъюнктуры» и противоречили экономическим расчетам [Гершенкрон, 2015. С. 275–276].

Абсолютизируя план и дискриминируя рынок, строители советского общества обосновывали целесообразность широкого применения административных, директивных методов воздействия на экономику страны в ущерб косвенным методам и экономическим рычагам регулирования. В конечном итоге это привело к формированию мобилизационной экономики советского образца.

Анализируя ситуацию в России в 2000-е гг., Т.Е. Кузнецова и Л.В. Никифоров апеллируют к историческому опыту. «Как показал опыт советского строительства, наблюдается прямая связь между характером экономического оборота и многообразием или ограниченностью форм собственности. При плановом, жестко регулируемом хозяйстве количество официально разрешенных форм собственности ограничено. Связь между отношениями собственности и действующим экономическим оборотом фактически отметил еще В.И. Ленин..., соединив в своем понимании экономических укладов и их структуры обе эти характеристики. Для “социалистического уклада” характерны отсутствие частной собственности на средства производства и нерыночный экономический оборот» [Многоукладность России, 2009. С. 20].

В наследство от царизма новому строю достались не только феодальные пережитки, но и ряд экономических законов, которые

нашли себе применение. Многоукладная экономика рассматривалась и как единый хозяйственный механизм, и как система, функционирующая на основе различных экономических законов, противоречащих друг другу, но вынужденных сосуществовать в одном правовом и хозяйственном поле. Такая модель порождает вопрос: действовали ли эти законы изолированно друг от друга, распространяясь лишь на «свои» хозяйственные уклады, либо оказывали воздействие, в том числе «тлетворное», на «чужие», вовлекая их в сферу своих интересов?

Г. А. Дихтяр рисует картину своеобразного «правового плюрализма» в экономике переходного периода: «Наряду с появлением и развитием экономических законов социализма в переходный период еще продолжали действовать такие экономические законы капитализма, как закон прибавочной стоимости, закон конкуренции и анархии производства. Однако действие этих законов в переходный период нельзя отождествлять с их действием в условиях капитализма. Сфера их применения в переходный период становится весьма ограниченной: они действовали, притом далеко не в полную силу, в рамках капиталистического уклада, занимавшего сравнительно небольшое место... В конечном итоге объективный ход экономического развития приводит к тому, что экономические законы капитализма полностью отмирают вместе с самим капиталистическим укладом. Единственными экономическими законами остаются экономические законы социализма» [Дихтяр, 1961. С. 45].

Укладный подход позволяет увидеть многообразие процессов жизнедеятельности, разнообразит палитру хозяйственных практик, перемешивает различные социальные группы и формирует множество идентичностей. «Важной стороной развития уклада является его относительная открытость, динамизм и перекрестное состояние его субъектов... В каждый из укладов вмещаются различные стороны жизнедеятельности, как отдельных групп людей, так и отдельного человека. Это означает, что один и тот же человек может быть отнесен к различным укладам в зависимости от того, как им самим ранжируется окружающая его среда, какую сторону жизнедеятельности он определяет для себя в качестве главенствующей. Отсюда говорить о принадлежности различных социально-экономических групп и личностей к какому-либо укладу достаточно сложно, поскольку один и тот же субъект может

олицетворять собой несколько укладов, поэтому затруднительна структуризация укладов с точки зрения их количественного наполнения» [Многоукладность России, 2009. С. 19–22].

Эта позиция согласуется с пониманием классов в концепции социального поля П. Бурдьё, очень хорошо представленным у В.И. Ильина. В отличие от субстанциалистской традиции, где человек всегда остается представителем своего класса, в логике П. Бурдьё (структуралистско-конструктивистской), «индивид следует логике классового поля, лишь находясь в нем» и может дрейфовать между полями, строить свою жизненную стратегию, ориентируясь на другой класс [Ильин, 2000. С. 205].

Такая постановка проблемы ставит перед исследователем вопрос о механизме выработки жизненной стратегии индивида, предполагает анализ процесса формирования его идентичности (множества идентичностей), особенно в переходные и далекие от равновесия исторические периоды. В годы нэпа значительную часть граждан СССР, если не всех, можно было причислить к маргиналам. Это относится и к представителям партийной и хозяйственной номенклатуры, которые были дезориентированы новыми условиями и с отвращением вглядывались в «гримасы нэпа».

В качестве примера формирования множества идентичностей можно привести рабочих на предприятиях Урала, особенно в малых городах и рабочих поселках, которые «в свободное время» занимались сельскохозяйственной деятельностью и по этой причине маркировались как «полурабочие-полукрестьяне». Они были вовлечены как в государственный уклад, если предприятие находилось в государственной собственности, так и в госкапитализм, если работали на частном предприятии, а также в патриархальный или семейный уклад, занимаясь обработкой земли или кустарным производством на дому или на стороне (отходничество). Реализуя на рынке свою кустарную продукцию, либо товар, полученный на заводе в качестве натуральной оплаты труда, рабочие были вовлечены в частнопредпринимательский уклад. Будучи представителями определенного этноса, они активно вовлекались в диаспорный уклад, например, когда речь шла о занятии традиционными промыслами или специфическими видами торговли.

Многоукладность придает уникальность и своеобразие региональной экономике, свидетельствует о наиболее полном использовании имеющихся ресурсов, формирует адекватную

сложившимся хозяйственным и культурным практикам конкурентную среду, которая обеспечивает динамизм региональному развитию. В.П. Тимошенко активно применяет метод моделирования при исследовании как внешней, так и внутренней, прежде всего региональной политики СССР [Тимошенко, 2010]. Он обозначил модель регионального управления, которая была реализована в 1920-х гг., как «территориально-рыночную» или «регионально-корпоративную» и рассмотрел механизмы ее функционирования на примере Уральской области (1923–1934 гг.) [Тимошенко, 2005].

И.Б. Орлов, выявляя региональную специфику в процессе реализации нэпа, рассмотрел предпосылки этого многообразия [Орлов, 2006. С. 33–34, 36]. Одной из них должна быть названа специфика модели многоукладной экономики региона, которая выражалась в различном наборе хозяйственных укладов, в количественных и качественных параметрах их взаимодействия [Килин, 2018. С. 63–64].

«Частнопредпринимательский» или «частнокапиталистический»?

Терминологические проблемы в условиях многообразия методологических подходов приобретают особую актуальность. С одной стороны, как уже отмечалось, современные трактовки укладной теории с ее «шкалой укладов» позволяют дать адекватную картину многообразия хозяйственных практик 1920-х гг. С другой стороны, необходимо констатировать, что вопросы терминологии, проблемы типологизации и классификации предпринимательских слоев в период нэпа активно обсуждались современниками событий, даже притом, что они находились в жестких идеологических рамках.

Почему мы отдаем предпочтение определению «частнопредпринимательский уклад» перед «частнокапиталистическим»? Очевидно, по причине того, что он включал в себя разнообразные формы хозяйствования: иностранные концессии, ремесленные мастерские, крестьянские хозяйства (производящие товарную продукцию), частную торговлю и т.п. Разумеется, не всех субъектов частнопредпринимательской деятельности можно отнести к «капиталистам». Это убедительно иллюстрирует классификация частной торговли государственными фискальными органами.

Основным видом налога был промысловый налог, состоявший из патентного и уравнительного сборов. Патентный сбор уплачивался посредством выборки (выкупа) промыслового патента на занятие торговлей². Классификация торговых заведений проводилась по различным основаниям: временным, территориальным, в зависимости от характера торгового помещения, а также используемой рабочей силы и количества работающих, от ассортимента реализуемых товаров и размера операций. Как и в других ситуациях, в процессе реанимации товарно-денежных отношений при разработке сетки разрядов использовали дореволюционный опыт. «Революционность» в данном случае проявилась в том, что первый разряд в соответствии с новой классификацией был самым низким, тогда как в прошлом – самым высоким, т.е. – «кто был всем – стал ничем».

В пропагандистских кампаниях частный торговец – это нэпман, нэпач, буржуй, спекулянт или иной «нехороший человек», который является эксплуататором и на законных основаниях лишен права избирать и быть избранным («лишенец»).

В действительности все было не столь однозначно. Предполагалось, что самых мелких торговцев, предпринимателей I разряда, следует относить не к частнокапиталистическому сектору, а условно приравнивать к самодельным производителям. Это в большей степени приближало их к патриархальному или мелкотоварному укладу. С.Г. Струмилин предложил для категории мелких торговцев использовать термин «торговый пролетариат» [Антонов, 1928. С. 41].

На практике в огромной своей массе мелкой торговлей занимались люди, вынужденные искать средства к существованию в условиях безработицы или лишившиеся источника дохода в результате несчастного случая, неурожая, потери кормильца и т.п. Нередко торговля являлась дополнительным источником дохода, помимо основной деятельности (сельское хозяйство, ремесло, работа на заводе или фабрике, государственная служба и пр.). Это положение достаточно убедительно иллюстрируют материалы личных дел граждан, лишенных избирательных прав за занятие торговлей

---

² Промысловый налог. Обложение патентным сбором. М., 1926. С. 3; См.: О введении в действие Положения о государственном промысловом налоге. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 24 сентября 1926 г. (с изм. и доп., внесенными Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 15.10.1926). Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. № 243).

[Килин, 2018. С. 527–562]. Однако на практике было невозможно отделить эту группу от профессиональных торговцев, как мелких, так и крупных, практикующих метод рассеянных, рассредоточенных форм предпринимательства. Отнести эту разноликую массу к «капиталистам» было сложно даже «историкам-марксистам».

Граждане, которые занимались предпринимательством довольно продолжительное время и на профессиональной основе, отдавали предпочтение «золотой середине». Промежуточный III разряд позволял оптимально согласовать интересы частника и государства. Его рамки давали достаточно свободы для торговца, в том числе из-за отсутствия ограничений по ассортименту. Это было важно, так как в стремлении максимально ускорить товарооборот и быстро реагировать на запросы рынка частнику приходилось диверсифицировать свою деятельность как по ассортименту, так и по видам торговли. Налоги, как бы они ни были тяжелы, позволяли при благоприятных условиях получать прибыль.

Средняя категория торговцев («средняки») оказалась самой устойчивой и постоянно пополнялась за счет крайних разрядов. Это были, с одной стороны, наиболее удачливые предприниматели I и II разрядов, а с другой – торговцы, решившие свернуть торговлю IV и V разрядов (по определению авторов сводок ОГПУ³ – «вылезают в лотки»⁴). Вполне вероятно, что под прикрытием III разряда скрывали подлинные объемы своей торговли крупные предприниматели, использовавшие рассеянные формы предпринимательства.

Несмотря на относительную устойчивость этой категории, в определении «классовой сущности» середняков не существовало единой точки зрения. Оценка базировалась не столько на экономических, сколько на идеологических установках, и в рамках проведения очередной кампании границы этой социальной группы могли меняться. Напомним, что аналогичные проблемы были и в отношении оценки сельских производителей, так как категории «кулак» и «средняк» отнюдь не были строго формализованными.

В отношении «торговцев-средняков», торгующих по патенту III разряда, дискуссия не была особо активной, а диапазон мнений

---

³ Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР (ОГПУ)

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. Л. 143

в исследовательской среде был незначителен. Ю. Ларин однозначно относил их к частнокапиталистическому сектору. И. Мингулин предлагал более детализированный подход, отмечая, что «вряд ли можно соглашаться с отнесением всех торговых заведений III разряда к капиталистическому кругу предпринимателей» [Мингулин, 1927. С. 134]. С.Г. Струмилин подтверждает эту точку зрения расчетами. Так, например, средний дневной оборот заведения III разряда, по его оценке, составлял 52 руб. (в ценах 1925/26 г.). «Величина явно ничтожная для капиталистического предприятия. Личные расходы владельца такого среднего заведения равны 99,2 руб. в месяц, а вместе с “накоплением” – 143,2 руб. Ясно, что в лице владельца среднего торгового заведения мы имеем перед собой типичного мелкого буржуа, а его “накопление” есть не что иное как откладывание на черный день за счет жизненного уровня... Мы считали бы экономически справедливым отнести к капиталистическому кругу не более половины торговых заведений III разряда» [Струмилин, 1930. С. 134].

Под воздействием сторонников более радикальных «левых» взглядов С.Г. Струмилин скорректировал свою позицию: «Поскольку нас интересуют судьбы частного капитала, мы ни в коем случае не должны возводить в ранг опасных нам капиталистов тех наиболее мелких торговцев с лотков или из ларьков и киосков, которые едва ли оправдывают своей торговой выручкой даже полную оплату своего труда. Мы думаем, что и добрая половина торговцев мелочной торговли III разряда лишь с очень большой натяжкой может быть отнесена к разряду капиталистической торговли. Но, во избежание излишних споров, отнесем условно все частные торговые заведения III разряда к категории извлекающих прибавочную ценность, т.е. капиталистических по своей природе» [Струмилин, 1930. С. 260–261].

Таким образом, в отношении трех, самых многочисленных разрядов⁵ торговли возникают сомнения относительно их

---

⁵ Разумеется, здесь тоже была региональная специфика. Так, на Урале частное предпринимательство в сфере ремесленного производства, частной торговли и кредита, было не столь широко распространено, как в иных регионах страны. Отчасти это объясняется отраслевой структурой регионального хозяйства. Если рассматривать соотношение по разрядам внутри частной торговли Урала, то в 1926/27 г. 75% приходилось на предприятия I и II разрядов, остальное на III, крупные же предприятия в частном секторе были представлены десятками, если не единицами [Антонов, 1928. С. 44].

капиталистической природы. По этой причине определение «частнопредпринимательский уклад» является для нас предпочтительным, по сравнению с «частнокапиталистическим».

«Замкнутый круг частного сектора хозяйства»

Идеологами «советского социализма» многоукладность экономики воспринималась как неизбежное зло, которое в процессе построения нового общества должно быть изжито. При этом уклады делились на «чистые» – обобществленный сектор экономики и «нечистые» – не обобществленный. Последний выделялся как благоприятная среда для возвращения мелких собственников, сторонников контрреволюции, некая пятая колонна мирового капитализма. Борьба с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» – наиболее показательный пример.

Под «замкнутым кругом» понимается сформированная внутри частнопредпринимательского уклада система хозяйственных связей, состоящая из производителей, посредников и потребителей, обеспечивающих целостность производственного процесса, а также сбыт произведенной продукции, участники которой стремились дистанцироваться от государственного, «социалистического» уклада. Этот термин имеет конкретно-историческую привязку и получил наибольшее распространение в конце 1920-х гг., в связи с проведением серии показательных судебных процессов [Гринвальд и др., 1930] против представителей частнопредпринимательского уклада и тех государственных служащих, которые, по мнению следствия, обеспечивали частнику режим наибольшего благоприятствования в хозяйственной и налоговой сферах. По определению Ю. Ларина – это были «агенты и соучастники частного капитала в госаппарате» [Ларин, 1927. С. 9].

«Замкнутый круг» можно рассматривать в нескольких аспектах, которые позволяют продемонстрировать как заложенный в частнопредпринимательском укладе потенциал, так и противоречивость политики государства в отношении частного сектора хозяйства. 1. «Круг» – это естественный и органичный результат развития частнопредпринимательского уклада в рамках экономики переходного периода, один из элементов многоукладной экономики нэпа. 2. Изолированность «круга» можно оценивать как реакцию частного сектора на давление со стороны государства, направленное на его ликвидацию и огосударствление экономики.

3. Борьба с «кругом» лежит, прежде всего, в экономической плоскости, поскольку он выступал в роли антагониста «социалистического» уклада и препятствием для реализации форсированной модернизации. 4. Одновременно борьба велась в политической сфере, поскольку в нем видели опору как для внутренней, так и для внешней «контрреволюции», как препятствие в процессе формирования «нового», «советского», «обобщественного» человека [Слёзкин, 2019. С. 753] – целиком и полностью зависящего от государства (забегая вперед, отметим, что это не решило проблем эгалитаризма, поскольку на смену частнопредпринимательскому «кругу» пришел иной «круг» – партийной и хозяйственной номенклатуры). 5. Деятельность субъектов в пределах «круга», изначально вполне легальная, по мере усиления нажима на частника, все больше смещалась в нелегальную плоскость, трансформировалась в неформальный хозяйственный уклад, служила основой для теневой экономики. 6. Полагаем, что «круг» можно рассматривать как некий образец при формировании государственной хозяйственной системы, построенной на принципе автаркии, поскольку, следуя общему правилу («принцип единства и борьбы противоположностей» в логике Г. Гегеля), чем острее антагонизм, тем больше сходных черт появляется у сторон конфликта.

Эволюция частного капитала в СССР современникам нэпа виделась следующим образом: «1) от обслуживания государственного хозяйства к преимущественному сосредоточению операций в области хозяйства негосударственного; 2) при отступлении частного хозяйства в целом перед хозяйством государственным (и кооперативным) – внутри частного хозяйства относительный рост значения и доли хозяйства капиталистического; 3) тенденция капиталистов к созданию замкнутого частнокапиталистического хозяйственного круга, по возможности нерегулируемого государством; 4) отсутствие прочной почвы для длительного успеха этой тенденции и вытекающее отсюда несомненное крушение попыток самостоятельного и независимого хозяйственного маневрирования капиталистов в СССР» [Ларин, 1927. С. 286].

Ю. Ларин описывает технологию «самостоятельного и независимого функционирования капиталистов» как «своего рода попытку создать экономическое “государство в государстве”, создать такую цепь связей, при которой некоторые хозяйственные

процессы, от истоков возникновения до конечного потребления, целиком были бы организованы капиталистически. Одни частники производят какие-то товары, другие частники у них эти товары покупают и продают потребителю, третьи частники их же кредитуют. Распространена, например, такая цепь: сначала заготовка сырья капиталистами; потом переработка его на капиталистических фабриках или кустарями, которых капиталист снабжает сырьем; затем идет организация капиталистами торговли соответствующими изделиями. И во главе всего этого – капиталистический кредит, который финансирует и играет решающую роль» [Ларин, 1927. С. 292].

По нашему мнению, основную роль в организации и «запуске» «замкнутого круга» играл все же не частный кредит, а частный торговец. Кроме того, мы полагаем, что самой трудной задачей в условиях переходной экономики была организация эффективного взаимодействия между производителями и потребителями, не только в производственной цепочке, но и в пространственном аспекте, а экономические связи и логистика были «ахиллесовой пятой» обобществленного сектора. При этом необходимо учитывать специфику экономики нэпа и рассматривать каждого актора, вовлеченного в хозяйственную деятельность, не в одной, а в нескольких ролях. Как правило, производитель становился торговцем, а торговец ростовщиком, при этом все они являлись частными потребителями.

Вольный рынок постоянно находился в зоне особого внимания ОГПУ. Так, в информационной сводке Челябинского окружного отдела за сентябрь 1924 г. отмечается: «Галантерейная торговля, по преимуществу, в руках частных торговцев, причиной этого то, что галантерейные товары в большинстве случаев производятся кустарями или же привозятся контрабандным путем из-за границы. Государственные и кооперативные организации галантерею приобретают у частных торговцев оптовиков. В августе месяце Челябинским ЦРК [Центральный рабочий кооператив – А.К.] куплен у частного торговца в Москве галантереи на 400 червонцев, лишь только потому, что такого ассортимента товаров нет ни в Облсоюзе, ни в Центросоюзе»⁶. Как отмечалось в материалах Народного комиссариата торговли РСФСР в январе–октябре

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 80. Л. 161

1926 г., разница в ценах на дефицитные товары внутри страны и за границей достигала 500%, по этой причине «контрабанда всегда будет иметь место и будет находить пути проникновения»⁷.

Частник стремился к автономии, но полная независимость была недостижима, так как он попадал в сферу влияния фискальных, контрольных и правоохранительных органов, пользовался услугами государственных монополий (транспорт, связь, почта). Одновременно сила рынка втягивала в орбиту частного представителя государства, и таким образом «замкнутость» круга оказывалась условной, более того, само его существование было невозможно без коррупции. Парадокс ситуации заключался в том, что стремление частного «уйти от государства» как системы приводило его к «особым отношениям» с отдельными представителями власти.

Эти специфические экономические связи были продемонстрированы особенно наглядно на судебном процессе в г. Астрахань (1928–1929 гг.). Разоблачение сотрудников губернского финансового отдела исполкома и городского торгового отдела, обвиненных в «сращивании» с частным капиталом, получило эпитет «астраханщина» [Гринвальд и др., 1930] и обернулось масштабной кампанией, которая прокатилась по всей стране и ознаменовала собой очередное наступление на частный капитал.

Так, в Свердловске, в рамках борьбы с «астраханщиной», были вскрыты злоупотребления в фискальной сфере [Килин, 2018. С. 422–455]. Материалы ревизии финансовых отделов свидетельствовали о том, что часть мелких торговых и кустарно-ремесленных предприятий попадала в своеобразную «слепую зону», становясь «невидимыми» для налоговых органов. В результате проверки в Свердловском округе Уральской области, которая проводилась в сентябре 1929 г., выяснилось, что в 1928/1929 г. «не обследованы и, следовательно, не обложены соответствующими налогами 458 предприятия и владельцы этих предприятий и 137 кустарей, применяющих наемный труд»⁸. В отчете ситуация объясняется стремлением налоговиков оптимизировать свою деятельность, облагать налогами, прежде всего крупные предприятия.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А 410. Оп. 3. Д. 54. Л. 12 об.–13

⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 381. Л. 69 об.–70.

В информационной сводке окружного отдела ОГПУ о политическом и экономическом состоянии Ишимского округа за сентябрь 1924 г. описывается деятельность так называемого «лжекооператива», в которую вовлечены торговцы, ремесленники и представители власти. «Ястребов под фирмой Товарищество “Личный труд”, в каком-то якобы они членами не состоят, а состоят у Иванова сын, у Ястребова – зять, а торговать они еже-базарно торгуют, скупая сырье и хлеб. Иванов и Ястребов имеют большой посев посредством наемного труда, например, Иванов держит 2–3 батрака, Ястребов тоже. Развитию деятельности Товарищества “Личный труд” и упомянутых кулаков способствует фининспектор Галл, который хорошо знает, что таковые не имеют патента и прав на торговлю, а все же каждый базар торгуют в лавке. Вышеупомянутый инспектор не принимает никаких мер <...> Беспатентная покупка кож и сырья, щетины, шерсти и хлеба всех культур как на базаре в с. Ильинском, так и в окрестностях. [Они] скупают большое количество данного сырья и отправляют в г. Ишим, и сдавая в Ишиме Хлебопродукту, Кожсиндикату, Промкомбинату, а больше всего в г. Петропавловск <...> Данное товарищество имеет несколько тысяч рублей собственного капитала и форменным образом конкурирует с местной кооперацией. (Сообщено Уполномоченному по Петуховскому району и сообщено в ОкрФО)»⁹.

Применительно к частникам уместно говорить и об использовании методов конспиративной работы с целью «сокрытия доходов», о чем свидетельствует одна из сводок Челябинского окружного отдела ОГПУ за декабрь 1924 г.: «Необходимо отметить, что приезжающие торговцы-хлебники прибегают к всевозможным хитростям, дабы не быть замеченными, как-то: не останавливаются в Советских номерах, а проживают в частных квартирах, у бывших местных торговцев, через которых стараются вести закупки. В случае же проверки документов квартирными старостами называют себя безработными, умышленно переодеваясь в рваную одежду и т.п.»¹⁰.

На наш взгляд, функционирование «замкнутого круга частного сектора хозяйства» демонстрирует наличие объективных предпосылок для существования и сохранения на достаточно отдаленную

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 71. Л. 167

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 80. Л. 303

перспективу частнопредпринимательского уклада в экономике страны, а также его эффективность в хозяйственном плане. При этом никакой угрозы государству он представлять не мог как в силу сложившейся институциональной среды, так и автаркичности, замкнутости формируемой им хозяйственной системы.

Инкорпорирование многоукладности мобилизационной экономикой

Свертывание нэпа, которое носило длительный и нелинейный характер, привело к формированию мобилизационной экономики, изучению различных аспектов которой отечественные исследователи уделяют значительное внимание [Гончаров и др., 2013; Социальная мобилизация, 2018]. Мы солидарны с мнением Д. Хесслер, которая предостерегает от оценок нэпа как тупикового этапа в развитии советского государства и утверждает, что нэп был скорее мостом между социалистическими устремлениями революционной эпохи и «реальным социализмом» более поздних лет [Hessler, 2004. P. 336].

Мобилизационная экономика была нацелена на реализацию сверхзадач, далеко отстоящих от бытовых потребностей рядового советского человека. На разрыв между ростом выпуска промышленной продукции и ростом потребления, которые являлись признаком «экономики инвестиций», обращал внимание А. Гершенкрон [Гершенкрон, 2015. С. 268–269.]

Мобилизационная модель предполагает максимальную концентрацию усилий и ресурсов на преодолении реальных или мнимых трудностей, отдельных прорывных направлениях, что часто сопровождается большим количеством жертв. Помимо людей, к числу жертв этой модели можно отнести и экономические законы, которые по большей части базируются на рыночных началах.

Если рассматривать многоукладность как атрибутивное свойство российской экономики, то ожесточенная борьба с ней выглядит бессмысленной, а результаты этого противостояния могут быть весьма скромными. При этом сама по себе многоукладность не гарантирует экономический рост, поскольку, как уже отмечалось, важен характер взаимодействия различных укладов, единство правил игры и качество институциональной среды.

Данный тезис подтверждается исследованием, которое А. Маркевич и М. Харрисон провели, анализируя динамику

макроэкономических показателей СССР 1920–1930-х гг. «Вначале восстановление экономики шло быстрыми темпами, однако довольно скоро рост замедлился и не поднимался выше 10%. В апреле 1929 г., когда большевики официально утвердили “оптимальный” вариант первой пятилетки, средние доходы на душу населения по-прежнему оставались ниже довоенного уровня. Перевалить через эту отметку советский ВВП на душу населения смог лишь в 1934 г. ...Хотя рассматриваемый период не очень длинен, наши данные не подтверждают мнение о том, что нэп представлял собой эффективную политику, результатом которой стало возникновение эффективных институтов, послуживших основой долгосрочного развития советской экономики» [Маркевич, Харрисон, 2013. С. 29].

Таким образом, нэп следует считать органичным и закономерным этапом формирования *мобилизационной экономики социализма*. В этот период происходила адаптация новой политической системы к экономическим реалиям, осуществлялась «проба сил», определялась та мера, в пределах которой можно нарушать экономические законы. Сегодня большинство исследователей сходятся во мнении, что предпосылки «кризисов нэпа» возникали в результате государственной политики, в ходе реализации экономических экспериментов. При этом «притирка» или адаптация осуществлялась не только государством, но и акторами различных укладов, существовавших в тот период в хозяйстве страны. Они пытались определить границы, в рамках которых могли бы сохранить свою автономию, выжить и разработать механизмы сосуществования с агрессивно наступающим «социалистическим» укладом. Можно утверждать, что именно в годы нэпа закладывались основы теневой экономики социализма.

Советская экономика по своей природе была мобилизационной и наиболее явственно проявляла свои атрибутивные, родовые черты в экстремальных условиях военного времени. Изменению подвергались отчасти методы, но в большей степени – интенсивность их применения. Мобилизационный характер был заложен в годы Первой мировой войны, усилился в годы Гражданской, проходил «обкатку» в период нэпа и был запущен с новой силой в годы первых пятилеток, достигнув своего наивысшего подъема в годы Второй мировой войны. Именно этот период рассматривается сегодня как государственнообразующий и «скрепный»,

поскольку позволил продемонстрировать преимущества иной, отличной от рыночной или капиталистической модели хозяйствования.

Изучение частного предпринимательства на основе укладного подхода является весьма продуктивным, поскольку открывает возможность анализа не только экономических, но и социокультурных аспектов проблемы, в том числе нашедших свое отражение в региональной специфике. Данный подход позволяет рассматривать мелкие и мельчайшие, порой весьма специфические формы хозяйственной деятельности в наиболее полном и объемном виде, добываясь своеобразного «стереоэффекта», изучать не только частнопредпринимательский, но и диаспорный, семейный, неформальный уклады. В рамках этого подхода целесообразно анализировать формы и методы торговли, особую роль торгового посредника в рамках «замкнутого круга частного сектора хозяйства»:

После ликвидации нэпа многоукладность экономики СССР сохранилась не только в форме двух легальных укладов – государственного и колхозно-кооперативного, но и в форме нелегального или неформального уклада, который существовал на протяжении всего «советского периода» и был легализован в середине 1980-х гг. Источником его существования выступали государственный и колхозно-кооперативный секторы как в части ресурсов, так и в силу ограниченности своих возможностей и дефектов планирования, порождавшие товарный дефицит как атрибут советской экономики.

Литература

Антонов Д. Уральский торговый аппарат // *Хозяйство Урала*. 1928. № 5–6. С. 35–45

Бруцкус Б. Советская Россия и социализм. Статьи. Санкт-Петербург: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1995. 232 с.

Воейков М. И. Политическая экономия: очерки и этюды. / М. И. Воейков; Ин-т экономики РАН. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. 307 с.

Гаврилов Д. В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // *Урал индустриальный*. Бакунинские чтения: материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002 г. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2003. С. 5–22.

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А. А. Бельх; пер. с англ. А. В. Бельх. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 536 с.

Гловели Г. Д., Гребнев Л. С. Политэкономия СССР: критические очерки. М.: Институт экономики РАН, 2013. 72 с.

Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 128 с.

Гринвальд Я., Ханкин И., Чилим И. Класс против класса. Экономическая контрреволюция в Астрахани. / Под ред. и пред. В. Филова. Саратов: Государственное издательство, Нижне-Волжское отделение, 1930. 240 с.

Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 472 с.

Ильин В. И. Социальное неравенство / В. Ильин. М.: Ин-т социологии РАН, 2000. 280 с.

Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: Научная монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.

Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.: Государственное издательство, 1927. 312 с.

Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. / Андрей Маркевич, Марк Харрисон; авторизованный пер. с англ. Е. Артемовой. М.: Мысль, 2013. 111 с.

Мингулин И. Пути развития частного капитала. М.–Л.: Московский рабочий, 1927. 164 с.

Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы: [сборник] / Российская акад. наук, Ин-т экономики; [отв. ред. Т. Е. Кузнецова]. М.: Ин-т экономики, 2009. 286 с.

Орлов И. Б. Нэп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 33–54.

Островитянов К. В. Строительство коммунизма и товарно-денежные отношения / Акад. К. В. Островитянов; Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М.: Госполитиздат, 1962. 151 с.

Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / Коллектив авт.; под общ. ред. Л. Н. Мазур; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 468 с.

Рубин И. И. Очерки по теории стоимости Маркса: С новым дополнением к статье «Ответ критикам» / И. И. Рубин. 4-е изд. – М.: ГИЗ, 1929. 374 с.

Рыбина З. В. Роль общественно-экономических укладов в формировании социальной структуры общества // Дискуссия. 2015. № 3. С. 39–44

Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства: Сборник статей / Отв. ред. А. И. Першиц; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1976. С. 7–86.

Слэзкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции / Ю. Слэзкин. М.: Издательство АСТ: CORPUS., 2019. 976 с.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): / [Н. Б. Арнаут, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др.; отв. ред. С. А. Красильников]. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2018. 591 с.

Струмилин С. Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во, 1930. 534 с.

Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М.: АИРО-XXI, 2013. 304 с.

Тимошенко В. П. В составе Уральской области: предпосылки применения территориально-рыночной модели регионального управления, условия реализации, результаты (1923–1929 гг.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 81–95.

Тимошенко В. П. Формирование советской модели внешнеэкономической политики // Уральский исторический вестник. 2010. № 3(28). С. 84–93.

Троцук И. В. Уклады разные нужны, уклады разные важны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 510–514.

Hessler Julie. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton: Princeton University Press. 2004. 366 p.

Статья поступила 11.01.2021.

Статья принята к публикации 25.01.2021.

Для цитирования: *Килин А. П.* Частнопредпринимательский уклад в отечественной экономике 1920-х гг.: взгляд через век // ЭКО. 2021. № 3. С. 8-34. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-8-34.

Summary

Kilin, A.P., Cand. Sci. (Hist.), Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

Private Entrepreneurship in the Russian Economy in the 1920-s: a View a Century Later

Abstract. The new economic policy could be a typical example of a mixed economic system (“mnogoukladnost”) if it were not implemented in the state of the “dictatorship of the proletariat”, whose leaders declared the primacy of ‘plan over market’ and set themselves the goal of destroying private property. The private sector of the economy was legalised; however, it was placed in unequal conditions, the limits of what was allowed were constantly changing and business entities were discriminated against. Being a model of the transition period, the NEP served as a “gateway” providing a limited opportunity to adapt existing economic orders (“uklad”) to the realities of centralised planned management. Economic actors, being in different positions in the political and economic spectrum of society, determined the degree of permissible and possible violations of economic laws that allowed the emerging economic and political systems to be kept in relative equilibrium (or protected from collapse). A special role in these processes was played by the private entrepreneurship system, which covered a wide range of population and was an indicator of the degree of market relations acceptance. As a result of displacement of the private sector at the end of the NEP, this way of life received its most complete expression in the form of a “closed circle of the private sector of the economy”. The economic, political and propaganda struggle against the “circle” that unfolded in the late 1920s resulted in a series of public trials. The desire of the state to gain control over all types of resources, to concentrate them in its own hands and to direct them to priority areas of development became obvious. The “informal order (“uklad”)” of the Soviet period, fed by a chronic commodity shortage, was an inevitable consequence

of this policy. The social construction of the new society was aimed at formation of a “socialised” person, deprived of economic and political subjectivity (autonomy of the individual). These processes form the attributive properties of the mobilisation economy model. Its formation, which began during the Civil War and passed through the “gateway” of the NEP, received its logical conclusion during the first five-year plans. Thus, the economic order (“uklad”) approach allows us to analyse the laws of existence of the NEP mixed economic system and its role in the formation of the mobilisation economy of the USSR.

Keywords: *new economic policy; economic order (“uklad”); economic order approach; mixed economic system (“mnogoukladnost”); private entrepreneurship system; “closed circle of the private sector of the economy”; private trade; state regulation; mobilisation economy*

References

- Antonov, D. (1928). Ural trading apparatus. *Khozyaistvo Urala*. No. 5–6. Pp. 35–45 (In Russ.).
- Brutskus, B. (1995) Soviet Russia and Socialism. Articles. Saint-Petersburg, Publ. AOZT «Zhurnal “Zvezda”». 232 p. (In Russ.).
- Dikhtyar, G.A. (1961). *Soviet trade in the period of socialism building*. Moscow, Publ. Akademii nauk SSSR. 472 p. (In Russ.).
- Early Soviet society as a social project, 1917–1930*. Monograph: in 2 parts. Vol. 1. The Country of the Soviets: space, Power, Economy. (2018) Yekaterinburg, Publ. Ural’skogo universiteta. 468 p. (In Russ.).
- Gavrilov, D.V. (2003) *The dissident “theory of multiplicity”: the test of time for reliability and viability*. Materialy V regional’noi nauchnoi konferentsii Ural industrial’nyi. Bakuninskie chteniya. Yekaterinburg, Publ. Gumanitarnogo universiteta. Pp. C. 5–22. (In Russ.).
- Gershenkron, A. (2015). *Economic backwardness in historic perspective*. Nauch. red. A.A. Belykh; per. s angl. A.V. Belykh. Moscow, Izdatel’skiy dom “Delo” RANHiGS. 536 p. (In Russ.).
- Gloveli, G.D., Grebnev. L.S. (2013). *Political Economy of the USSR: critical essays*. Moscow, Publ. Institut ekonomiki RAN. 72 p. (In Russ.).
- Goncharov, G.A. et al. (2013). *Mobilization model of development of Russian society in the twentieth century: monograph*. Chelyabinsk, Publ. Entsiklopediya. 128 p. (In Russ.).
- Grinvald, Ya., Khankin, I., Chilim, I. (1930). *Class versus class. Economic counter-revolution in Astrakhan*. Saratov, Publ. Gosudarstvennoe izdatel’stvo, Nizhne-Volzhscoe otdelenie. 240 p. (In Russ.).
- Hessler, Julie (2004). *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton: Princeton University Press. 366 p.
- Il’in, V.I. (2000). *Social inequality*. Moscow, Publ. Institut sotsiologii RAN. 280 p. (In Russ.).
- Kilin, A.P. (2018). *Private trade and credit in the Urals during the NEP years: economic, political and social aspects: scientific monograph*. Yekaterinburg, Publ. Ural’skogo universiteta. 606 p.
- Larin, Yu. (1927). *Private capital in the USSR*. Moscow, Publ. Gosudarstvennoe izdatel’stvo 312 p. (In Russ.).

Markevich, A., Kharrison, M. (2013). *World War I, Civil War and Reconstruction: Russia's national income in 1913–1928*. avtorizovannyi per. s angl. E. Artemovoi. Moscow, Publ. Mysl'. 111 p. (In Russ.).

Mingulin, I. (1927). *Ways to develop private capital*. Moscow – Leningrad, Publ. Moskovskii rabochii. 164 p. (In Russ.).

Mixed economic system (“mnogoukladnost”) of Russia: historical roots, state and prospects. (2009). Moscow, Publ. Institut ekonomiki RAN. 286 p. (In Russ.).

Orlov, I.B. (2006). *The NEP from a regional perspective: from averaged estimates to diversity*. In: NEP: Economic, political and socio-cultural aspects. Moscow, Publ. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. Pp. 33–54. (In Russ.).

Ostrovityanov, K.V. (1962). *The construction of communism and commodity-money relations*. Moscow, Publ. Gosudarstvennoe politicheskoe izdatel'stvo. 151 p. (In Russ.).

Rubin, I.I. (1929). *Essays on Marx's Theory of Value: With a new addition to the article “Response to Critics”*. 4th edition. Moscow, Publ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 374 p. (In Russ.).

Rybina, Z.V. (2015). *The role of socio-economic structures in the formation of the social structure of society*. In: Diskussiya. No. 3. Pp. 39–44. (In Russ.).

Semenov, Yu.I. (1976). *The primitive commune and the neighbouring farming community*. In: The formation of Classes and the State: A collection of articles. Moscow, Publ. Nauka. Pp. 7–86. (In Russ.).

Slezkin, Yu. (2019). *The house of government. The Saga of the Russian Revolution*. Moscow, Publ. Izdatel'stvo AST. 976 p. (In Russ.).

Social mobilisation in Stalinist society (late 1920s-1930s). (2018) 2nd edition. Moscow, Publ. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 591 p. (In Russ.).

Strumilin, S.G. (1930). *Essays on the Soviet economy: resources and prospects*. 2nd edition. Moscow, Publ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 534 p. (In Russ.).

Suvorova, L.N. (2013). *NEP's mixed economic system: between the state and the market*. Moscow, Publ. Assotsiatsiya issledovatelei rossiiskogo obshchestva. 304 p. (In Russ.).

Timoshenko, V.P. (2005). *Inside Ural oblast: prerequisites to the implementation of regional market type of region government, conditions, realisation, results (1923–1929)*. Ural'skiy istoricheskii vestnik. No. 12. Pp. 81–95. (In Russ.).

Timoshenko, V.P. (2010). Formation of the Soviet model of foreign economic policy. In: *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3 (28). Pp. 84–93. (In Russ.).

Trotsuk, I.V. (2010). Different economic orders are needed, different economic orders are important. In: *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*. No. 2. Pp. 510–514. (In Russ.).

Voeikov, M.I. (2014). *Political Economy: essays and studies*. Saint-Petersburg, Publ. Aleteiya. 307 p. (In Russ.).

For citation: Kilin, A.P. (2021). Private Entrepreneurship in the Russian economy in the 1920-s: a View a Century Later. *ECO*. No. 3. Pp. 8-34. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-8-34.

Восстановление и развитие промышленности Новониколаевска-Новосибирска в годы Новой экономической политики

В.Г. КОКОУЛИН, доктор исторических наук. E-mail: kwladislaw@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6375-0173
Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы восстановления и развития промышленности в Новониколаевске (Новосибирске) в годы Новой экономической политики (1921–1929 гг.). Отмечается противоречивая политика власти по отношению к разным формам собственности в промышленности (государственной, кооперативной, частной) в этот период. Анализируются основные проблемы, которые не позволяли повышать производительность труда – безработица, условия труда и уровень заработной платы, отношение рабочих к политическим и экономическим мероприятиям власти. Автор приходит к выводу, что сворачивание нэпа было развитием одной из тенденций, которые были присущи этой политике.

Ключевые слова: Сибирь; Сибревком; Новониколаевск; Новосибирск; новая экономическая политика; нэп; государственная промышленность; кооперативная промышленность; аренда; безработица

Проблема восстановления промышленности после кризисов различной природы – одна из актуальных тем, которая привлекает внимание исследователей разных научных специализаций. Историки, экономисты, социологи и правоведы анализируют источники и темпы восстановления; изменения в законодательстве, необходимые для ускоренного восстановления и развития тех или иных отраслей промышленности; соотношение частного, кооперативного и государственного секторов в экономике восстановительного периода; роль государства; соотношение государственных и рыночных методов; экономические результаты и социальные последствия реформирования системы и т.д. Особый интерес в настоящее время представляют те модели, которые сочетали методы государственного регулирования и рыночные механизмы, в частности эпоха новой экономической политики (нэпа), охватывавшая 1921–1929 гг.

Интерес к периоду нэпа проявлялся в нашей стране неоднократно. Каждый раз, когда начинались масштабные реформы, тема нэпа выходила на первый план. Так было в период хрущёвской оттепели, так было и в эпоху перестройки. В 1990-е гг. всплеск интереса к этой теме по разным причинам стал угасать [Ханин, 2009]. В 2000-е гг. он возобновился, но количество публикаций, и главное – глубина анализа данной проблематики, пока остаются незначительными.

Публикации по этой теме можно условно разделить на две группы. Первая охватывает работы, в которых анализируются управленческие и правовые механизмы регулирования разных форм промышленности в период нэпа [Воронин, 2019; Гуменюк, 2018; Железнякова, 2005; Каташев, 2014; Новиков, Землянская, 2008; Юматова, 2009; Юрлов, 2012; и др.]. Вторая группа посвящена социальным проблемам этого периода и истории повседневности [Красильникова, 2006; Тарасенко, 2013; и др.].

Интерес к проблемам восстановления российской промышленности в годы нэпа проявляется и в зарубежной историографии. Так, архитектору первой системы государственной промышленности в России вице-президенту ВСНХ Г.Л. Пятакову посвящена статья Андреа Грациози [Graziosi, 1991].

Появлению обобщающих работ по истории развития промышленности в годы новой экономической политики в настоящее время препятствует слабая изученность региональных аспектов данной тематики. Имеющиеся исследования по отдельным губерниям и даже регионам посвящены принципиально различным аспектам нэпа и не могут сопоставляться друг с другом. В связи с этим актуальной является задача первичного обобщения материалов на примере как отдельных губерний, так и губернских и уездных городов.

Данная статья посвящена вопросам восстановления и развития промышленности, а также условиям труда и положению рабочих в «столице Сибири» – Новониколаевске (с 1926 г. – Новосибирске) в контексте экономических реформ и преобразований, которые проводили центральные органы власти и Сибревком.

Формы собственности и развитие промышленности

Новониколаевск до Первой мировой войны насчитывал всего 62 тыс. жителей. В городе было 21 промышленное предприятие,

на которых работали 1 100 человек. Поскольку город оказался на пересечении железнодорожных и водных путей, по которым доставляли зерно с Алтая, то естественно, что ведущей отраслью довоенной промышленности была мукомольная. Начало Первой мировой войны несколько изменило структуру городской промышленности. Мукомольные предприятия перестали быть ведущими, их потеснили мыловаренный завод и мясохладобойня, построенные военным ведомством для снабжения действующей армии.

К началу революции 1917 г. в городе действовало 254 промышленных предприятия, городская электростанция, насчитывавшая к 1917 г. 973 абонента, городской перевоз через Обь, кирпичный завод и скотобойня. Число промышленных предприятий несколько сократилось к 1918 г., но катастрофического провала за годы революции не произошло^{1,2}.

Стремительная деградация промышленности и разрыв экономических связей начались в годы Гражданской войны в Сибири. Переход к мирному строительству в городе после её окончания оказался более сложным и трудным, чем можно было предположить. Сопровождавшая войну экономическая разруха привела к опасной социальной напряжённости. Спасаясь от голода, городские рабочие, не имевшие подсобного хозяйства, ушли на заработки в деревню, а те, кто остался на производстве, страдали от отсутствия одежды и обуви, топлива и продовольствия. Преодолеть топливный кризис привычными методами трудовых мобилизаций уже не представлялось возможным. В 1920 г. была проведена национализация всех промышленных предприятий города, причём некоторые предприятия пришлось вскоре закрыть из-за того, что оборудование устарело и пришло в негодность.

Следует напомнить, что политика национализации проводилась большевиками в Советской России, начиная с весны 1918 г. Первоначально в руки Советской власти перешли брошенные прежними владельцами заводы и фабрики, но затем в условиях разгорающейся Гражданской войны большевики взяли курс на централизацию управления экономикой и национализацию крупнейших предприятий основных промышленных отраслей. В Новониколаевске весной 1918 г. для борьбы с саботажем

---

¹ Весь Новониколаевск: адресно-справ. кн. с крат. историей и пл. города на 1924–1925 гг. Новониколаевск, 1925. 220 с.

² Весь Новосибирск: справ. кн. Новосибирск, 1931. 251 с.

владельцев предприятий местный исполком Совета национализировал мельницы, бани, кинематографы, аптеки, телефонную станцию и другие предприятия [Кокоулин, 2010. С. 104–105]. В недолгий период власти в городе А.В. Колчака национализация была формально отменена, однако некоторые предприятия так и оставались бесхозными или перешли к новым владельцам. После восстановления власти Советов в городе в декабре 1919 г. большевики вернулись к прежней политике по отношению к промышленным предприятиям. Эта деятельность регулировалась как постановлениями Сибревкома, который был высшим органом власти в Сибири, так и ВСНХ, который 29 ноября 1920 г. постановил национализировать все промышленные предприятия, находившиеся в частном владении отдельных лиц или обществ.

Однако это не помогло выйти из экономического кризиса. Выпуск промышленной продукции в Новониколаевске, как и по всей стране сократился в разы, падала производительность труда, сокращалась численность промышленных рабочих.

Введение в марте 1921 г. новой экономической политики меньше всего было связано с проблемами развития промышленности. Изначально эта политика была рассчитана на восстановление производительных сил деревни и улучшение положения крестьянства, а промышленность оставалась на втором плане.

Так, в основных резолюциях X съезда, который вводил нэп в стране («О замене развёрстки натуральным налогом», «О кооперации», «О пересмотре финансовой политики», «Об улучшении положения рабочих и нуждающихся крестьян») речь шла о том, что размер продналога должен уменьшаться по мере того, как «восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства нормальным путём, т.е. в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты», улучшение положения рабочих путём натурализации заработной платы будет проводиться только в «важнейших центрах Республики»³.

В написанной в апреле 1921 г. работе «О продовольственном налоге (значение новой политики и её условия)» В.И. Ленин высказался более конкретно о состоянии и перспективах развития промышленности: «Нужда и разорение таковы, что восстановить

---

³ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчёт. М., 1963. С. 608–610.

сразу крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми и т.п. <...> Значит, необходимо в известной степени помогать восстановлению *мелкой* промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, – которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы» [Ленин, 1977. С. 220–221]. При этом руководитель советского государства ссылаясь на опыт развитых стран, которые вынуждены были идти этим же путём после Первой мировой войны.

Введение новой экономической политики на местах оказалось непростым делом, поскольку приходилось не только спешно перестраивать хозяйственные отношения, но и сочетать с новыми рыночными реалиями «диктатуру пролетариата» (которая формально оставалась конституционным государственным строем, пока в Конституции 1936 г. ее не сменил социализм). Тем более что многие хозяйственные и партийные руководители считали нэп кратковременным этапом, после которого произойдёт возврат к привычным не рыночным методам руководства промышленностью, сложившимся в период «военного коммунизма». Именно поэтому они не спешили расставаться с последними.

Что касается Сибири, то ключевую роль в восстановлении и развитии промышленности играл Сибревком – своеобразный дубликат Совнаркома в Сибири [Жокоулин, Лихоманов, 2017]. В июле 1921 г. Сибревком принял постановление о возможности передачи промышленных предприятий кооперативным организациям, частным лицам и концессий иностранным подданным. В постановлении об изменении политики в промышленности в условиях нэпа, принятом 26 августа того же года, Сибревком наделял государственные предприятия правами, «позволяющими им проявлять коммерческую гибкость и успешно конкурировать с частными предприятиями». Конкретизированы эти положения были в тезисах Сиббюро ЦК РКП(б) о формах организации промышленности в условиях нэпа⁴.

---

⁴ Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 г.: Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959.

Рассмотрим, как проявлялась эта политика на примере Новониколаевска, поскольку он был столицей Сибири после того, как в 1921 г. в город были переведены из Омска общесибирские административные органы.

В Новониколаевске в начале 1921 г. было три вида предприятий: государственные, полугосударственные-полукустарные и кустарные. Характерно, что именно последние в условиях новой экономической политики имели преимущество в получении кредитов от государства, однако за ними устанавливался жёсткий контроль вплоть до мелочной регламентации того, какие изделия и в каком количестве они должны были производить. Всё это тормозило их самостоятельное развитие.

После объявления нэпа в городе, как и во всей стране, был пересмотрен список национализированных предприятий. В государственной собственности из двухсот с лишним предприятий было решено оставить лишь 46, на которых числилось 3 300 рабочих. Затем этот список вновь сократился: часть предприятий была сдана в аренду. Арендаторами могли быть государственные или кооперативные организации, но допускалась и сдача в аренду частным лицам. Последнее, впрочем, было явлением достаточно редким, поскольку после Гражданской войны и аннулирования сибирских (колчаковских) денежных знаков средств у частных лиц на аренду предприятий просто не было.

Самыми крупными госпредприятиями в городе были мукомольные (17 мельниц с 700 рабочими) и три кожевенных завода. Следует напомнить, что реально «продразвёрстка» в Сибири собиралась вплоть до осени 1921 г. и монополию Сибпродкома на зерно и кожу никто до этого времени не отменял. Сибпродком же был чрезвычайным органом, подчинённым не Сибревкому, а напрямую Наркомпроду. Сибревком формально мог принять решение о передаче этих предприятий в аренду, но фактически это было невозможно, поскольку обеспечить их сырьём ни кооперация, ни частник не могли. Была предпринята попытка передать их в ведение Новониколаевского губпродкома (соответствующее решение было принято в сентябре 1921 г.), но и это не помогло наладить работу этих предприятий, и в ноябре 1921 г. из-за недостатка топлива и отсутствия зерна две мельницы пришлось полностью закрыть, а остальные продолжали влечить жалкое

существование. Кожевенные предприятия также не работали – не хватало топлива и не было сырья⁵.

В итоге из-за невозможности организовать нормальную работу многих национализированных предприятий было решено сдавать в аренду всем желающим всё, что возможно. К концу 1921 г. Новониколаевским губсовнархозом было передано арендаторам 67 предприятий: 11 кожевенных заводов, две шорных мастерских, 11 мельниц, две кофейных фабрики, два маслобойных завода, шесть колбасных мастерских и т.д.⁶ Но наладить работу некоторых так и не удалось. И даже в течение 1922 г., когда ситуация с топливом и сырьём стала выправляться, количество работающих предприятий всё равно не достигало общего количества сданных в аренду (в конце 1922 г. работало 60 предприятий, а в апреле 1923 г. – 64). Правда, количество рабочих за это же время несколько сократилось – с 1960 до 1887, что косвенно свидетельствует либо о том, что наряду с началом работы некоторых предприятий другие ее прекращали (лишь число вновь заработавших превышало количество прекративших работу), либо о простом уменьшении численности рабочих на действующих предприятиях. К сожалению, состояние источниковой базы не позволяет сделать однозначные выводы. Также незначительно увеличилось количество арендованных предприятий (с 9 до 10 с 243 рабочими), на которых средства производства оставались в государственной собственности, и частных (с 1 до 2 с 19 рабочими), на которых средства производства принадлежали самому владельцу предприятия⁷.

Точное количество работающих предприятий установить в настоящее время достаточно трудно из-за несовершенства статистики начала 1920-х гг. и плохой сохранности документов. Однако можно утверждать, что работала примерно половина из всех предприятий, имевшихся в городе в начале 1921 г.

Разумеется, количество предприятий и даже рост их числа ещё не дают возможности утверждать, что началось восстановление промышленности. Если посмотреть на «внутреннюю кухню» работы предприятий, картина будет весьма далека от идиллической.

---

⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1120, оп. 1, д. 159, л. 24; д. 426, л. 8.

⁶ Советская Сибирь (Новониколаевск). 1922. 4 янв.

⁷ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1133, оп. 1, д. 342, л. 10.

Что касается частных предприятий, то основной задачей их владельцев было получение максимальной прибыли с минимальными затратами, и в плане организации труда на них фиксировались вопиющие факты. Вот что писала в феврале 1923 г. «Советская Сибирь» об одном из них: *«Частновладельческая табачная фабрика “Заря” оборудована примитивно устроенными машинами, да и те не в порядке. В результате – в помещении фабрики табачной дым стоит “коромыслом”, лица и платья рабочих жёлтые, насквозь пропитанные табачной пылью. Работают на фабрике одни китайцы как наиболее приспособленные к табачному производству. Вентиляция не действует»*⁸. Разумеется, использование труда тех, кого сегодня называют «гастарбайтерами» при значительной безработице было связано исключительно с тем, что те не объединялись в профсоюзы, чтобы требовать улучшения условий труда и повышения заработной платы, в отличие от местных рабочих.

Однако списывать всё на алчность частных владельцев нельзя. Власти порой так относились к ним, как будто они были даже не экономическими противниками или конкурентами, а «классовыми врагами», которые только и стремятся к тому, чтобы «навредить» социалистическому государству. А всякие попытки добиться справедливости буквально тонули в «бюрократическом болоте».

Это ярко иллюстрирует один из случаев, который произошёл в Новониколаевске с братьями Шейными, которые владели масляным заводом, приобретённым ими в 1916 г. и переоборудованным для производства мыла. Завод был небольшой: помимо самих братьев и их семей, на нём работало всего шесть наёмных рабочих. Вся работа выполнялась вручную. Завод работал без перебоев и при Временном правительстве, и при Советской власти, и при Временном Сибирском правительстве, и при Колчаке. Продолжил он работать и после окончания Гражданской войны. Но 23 декабря 1919 г. был «взят на учёт» (не национализирован, а лишь поставлен под контроль государственных органов) без всякого изменения во внутреннем распорядке работы. Вместе с заводом были взяты на учёт запасы сырья. Дальнейшие отношения были взаимовыгодными: губсовнархоз отпускал заводу по твёрдым ценам сырьё, а взамен получал по твёрдым ценам

---

⁸ Советская Сибирь (Новониколаевск). 1923. 23 февр.

мыло. Если что-то производилось дополнительно, то прежние владельцы могли распоряжаться и продукцией, и прибылью самостоятельно. Точных данных о зарплате рабочих и доходах братьев Шеиных нет, но и фактов недовольства рабочих размером зарплаты тоже не зафиксировано. Однако положение бывших владельцев завода оставалось неопределённым: они не могли распоряжаться заводом по своему усмотрению – продать его или перепрофилировать – для этого требовалось решение местных хозяйственных органов. И уверенности в завтрашнем дне они не чувствовали – власть могла передать руководство заводом кому угодно.

Вот как они сами описывали своё положение в письме, направленном 12 марта 1922 г. в РКИ, президиум ВСНХ и Новониколаевское губернское экономическое совещание: *«Теперь при господстве в области экономической политики власти новых начал трудно даже представить себе всю ту массу неясностей и недоразумений, которые имели место до изменения экономического курса. Часто совершенно неясными были даже отношения друг к другу органов власти, декреты центра частью не доходили, поступающие приходили с неимоверным опозданием и частью даже важнейшие из них не были известны не только рядовым гражданам, но даже и учреждениям областного масштаба»*⁹.

Чтобы хоть как-то закрепить свой фактический статус руководителей завода и обезопасить себя от разного рода неожиданностей, связанных с возможной сдачей завода в аренду кому-то другому, Шеины обратились в губсовнархоз с просьбой сдать им завод в аренду. Губсовнархоз запросил Сибпромбюро, но последнее почему-то решило сдать завод с запасами сырья и мыла не его бывшим владельцам, а некоему М. Н. Савчику, который вскоре распродал сырьё и готовый товар и прекратил работу завода. Шеины обратились в Сибпромбюро с просьбой расторгнуть договор аренды, ссылаясь на действующее законодательство, согласно которому в аренду должны были сдаваться только национализированные предприятия, а не частные. Но президиум Сибпромбюро, заявив, что завод уже сдан в аренду и вернуть его невозможно, рекомендовал Шеиным обратиться в суд¹⁰.

⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1138, оп. 1, д. 9, л. 45.

¹⁰ Там же, л. 4–49.

Как ни странно, на государственных предприятиях дела обстояли не лучше, хотя, казалось бы, власть должна была позаботиться о важных с её точки зрения предприятиях, которые сдать в аренду было нельзя. Так, на механическом заводе «Труд» постоянно возникали проблемы, связанные с нехваткой денежных средств для уплаты налогов и взносов и выплаты зарплаты. Об этом сообщил на заседании Закаменского райкома РКП(б) 30 июня 1922 г. управляющий завода П. Н. Караваев, а 31 сентября райком вновь обсуждал ситуацию на заводе. Хотя зарплата рабочим все эти месяцы платилась исправно, управляющий заявил, что хронический дефицит денежных средств сохраняется, и если средства найдены не будут, завод просто придётся закрыть. Также он пожаловался на то, что по требованию рабочих был уволен единственный технический руководитель.

Райком изменить ситуацию не мог, и дело перешло на уровень губсовнархоза. На заседании 5 октября П. Н. Караваев вновь рассказывал о критическом положении на заводе, выручка которого не покрывала хозяйственный бюджет, а именно: социальное страхование, патентные выплаты, уравнильный сбор, отчисление на культурно-просветительные цели, командировки профсоюзных и партийных деятелей, содержание фабзавкома и т.п. Управляющий настаивал на том, что завод необходимо освободить от «непосильных налогов» и обеспечить его в экстренном порядке необходимыми денежными средствами.

Однако комиссия, созданная по решению губсовнархоза, пришла к неутешительным выводам: заказы есть, но завод их не берёт из-за низких цен на продукцию, заводское сырьё продаётся на сторону. К тому же выяснилось, что бухгалтером завода работает свояк управляющего. В результате прежнего управляющего было решено снять и назначить нового. Правда, ситуацию на заводе это не исправило: рабочих пришлось сократить до минимума, а сам завод «поставить на ремонт». Совсем его закрыть было нельзя из-за того, что он был единственным предприятием в губернии, ремонтировавшим сельскохозяйственные орудия и машины¹¹.

Приспособление к рынку в первые годы нэпа, как это отчётливо видно на примере промышленных предприятий не самого

---

¹¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-76, оп. 1, д. 8, л. 5, 32; ф. Р-1120, оп. 1, д. 479, л. 3, 5, 9, 39.

крупного города не только России, но и Сибири, происходило с большим трудом. Попытки сдавать предприятия в аренду постоянно наталкивались на то, что хозяйственные руководители старались сбыть мелкие и средние предприятия с изношенным или устаревшим оборудованием, а это требовало больших затрат от арендаторов, вынуждаемых производить ремонт и переоборудование предприятий за свой счёт.

Завышенная арендная плата, краткосрочность аренды, необходимость отдавать государству часть произведённой продукции привели к тому, что директивы центральных органов о желательности сдачи в аренду предприятий кооперативным организациям остались «на бумаге». Пришлось сдавать предприятия частникам, таким, например, которые получили вышеупомянутую табачную фабрику «Заря».

В то же время сложная хозяйственная ситуация в 1921–1922 гг. не позволяла обеспечить действующие государственные предприятия сырьём и компенсировать нехватку оборотных средств. Поскольку свобода манёвра для них была ещё больше ограничена, чем для предприятий, сданных в аренду, то не удивительно, что на критическую ситуацию с предприятием власть реагировала чисто административными мерами, как это было, например, с механическим заводом «Труд».

Именно в таком виде сложилась экономическая модель промышленности в первые годы нэпа. Характерно, что она с небольшими вариациями просуществовала вплоть до его окончания.

Поэтому кардинальных изменений в развитии промышленности Новосибирска (Новониколаевска) за годы нэпа не произошло. За это время в городе появилось несколько новых предприятий: фабрики «Автомат» и «Динамо», маслобойный завод, раскройно-посадочная фабрика, хлебный завод и т.п. – в основном они были государственные, нацеленные на удовлетворение местных нужд. В 1924–1925 гг. была построена электростанция, в 1927–1929 гг. – водопровод. В итоге к концу 1929 г. в городе работало 44 относительно крупных государственных предприятий с 6,3 тыс. рабочих. Остальные секторы промышленности, кроме мелких кооперативных предприятий, с началом индустриализации были ликвидированы.

Следует также отметить, что многие из государственных предприятий работали в убыток, выживая главным образом за счёт

административной и финансовой поддержки со стороны государства. Интересно, что некоторые руководители таких убыточных госпредприятий требовали от власти не только убрать их частных конкурентов, но и позволить им «заморозить» заработную плату рабочим. Такого рода конфликт, например, разбирался на пленуме Закаменского райкома РКП(б) в декабре 1924 г. Выступивший на пленуме заведующий пивоваренным заводом «Вена» сообщил, что на заводе работают 15 рабочих и три административных работника. Они выпускают 20–25 вёдер пива, но спрос на него не превышает 16 вёдер. Причина – недостаточное качество (из-за непрофессионализма прежнего заведующего), а также конкуренция со стороны двух частных пивоварен, продукция которых пользовалась спросом. Заведующий просил сделать что-то, чтобы спрос на выпускаемое на заводе пиво был увеличен до 30 вёдер в сутки, а также пресечь требования профсоюза регулярно повышать заработную плату рабочих¹². Следует добавить также, что завод работал с убытками, которые до поры до времени покрывались губсовнархозом.

Естественно, что партийный комитет удовлетворить предъявляемые требования не мог, но и остаться непричастным также не было возможности. Поэтому было найдено чисто административное решение – через губернский совет профсоюзов рассмотреть возможность перевода завода из союза химиков в союз пищевиков, на который и возлагалась неразрешимая задача удовлетворить требования рабочих.

Производительность труда и безработица

Поддержание функционирования государственных предприятий было не единственной заботой местной власти. Восстановление и дальнейшее развитие промышленного производства наталкивались на проблему повышения производительности труда, которая в свою очередь зависела от многих условий – организации производства, стабильности работы, уровня заработной платы и т.д.

В сводках Новониколаевского отдела ГПУ содержатся многочисленные высказывания рабочих на производственные темы. Среди них имеются и такие, которые зафиксировали реакцию рабочих на требования поднимать производительность труда.

---

¹² Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-76, оп. 1, д. 36, л. 94.

Так, в сводке за 24 ноября – 5 декабря 1924 г. отмечалось: «Член РКП(б) Шипилов, рабочий материальной службы, говорит: “Производительность не подыметься до тех пор, пока правительство не повысит заработной платы рабочим. И если это будет так продолжаться, как сейчас, то производительность совсем упадёт и транспорт встанет”»¹³.

Новая экономическая политика, как ни странно, не внесла благоприятных изменений в положение рабочих. В период “военного коммунизма” труд носил мобилизационный, принудительный характер. Но и оплата за него была стабильной – в натуральном виде, поскольку основной задачей она ставила не стимулирование производительности труда, а необходимость элементарного поддержания минимального уровня жизни рабочих. Установление денежной оплаты за труд вовсе не компенсировало возможность трудиться без принуждения и мобилизаций, поскольку такая оплата в условиях нестабильных цен и рубля не всегда гарантировала прожиточный минимум для рабочего и его семьи.

Так, в отчёте о деятельности Вокзального районного комитета РКП(б) за 12 декабря 1921 г. – 10 июля 1922 г. отмечалось, что «общее политическое настроение среди рабочих железнодорожного транспорта и фабрично-заводских предприятий в начале отчётного периода было неопределённое; замечались выпады со стороны целого ряда рабочих, причиной недовольства были нэп и связанные с ним экономические реформы»¹⁴. Чтобы выжить, железнодорожные рабочие таскали уголь домой. Когда же транспортная чрезвычайная комиссия начала жёсткими мерами пресекать воровство угля рабочими, они стали посылать на этот «промысел» детей, надеясь, что тех пожалеют¹⁵. В 1922 г. рабочие лесопильного завода возмущались: «Ну её, к чёрту, работу, надо уходить, положительно пропадем с голоду, ни денег, ни муки не выдают». Однако уйти было некуда, кроме как в деревню, поэтому рабочие оставались на своих местах в надежде хоть на какое-то материальное вознаграждение¹⁶.

¹³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-793, оп. 1, д. 130.

¹⁴ Там же. Ф. П-36, оп. 1, д. 181, л. 22.

¹⁵ Там же, д. 112, л. 69.

¹⁶ Там же. Ф. П-13, оп. 1, д. 483, л. 32.

В период нэпа появилась и проблема безработицы. Во время «военного коммунизма», когда труд носил принудительный характер, ее не существовало, но теперь труд стал свободным, и оказалось, что спрос и предложение на него не совпадают. При этом характерно, что некоторые предприятия явно нуждались в увеличении числа рабочих, но не могли предложить им конкурентную зарплату. Так, в январе 1922 г. на трёх кожзаводах в Новониколаевске и его окрестностях по штату требовалось 310 рабочих, но работало всего 187 человек, остальных не устраивала заработная плата, и они предпочли отправиться на заработки в деревню, которая получила от введения продналога очевидные выгоды, продавая на рынке излишки своей продукции. Любопытно, что на Винзаводе № 1 в Обской слободе города работал 51 рабочий, хотя по штату было положено 47¹⁷.

Безработица оказалась постоянным спутником новой экономической политики. Так, на 1 июля 1922 г. в городе было зарегистрировано 780 безработных, на 13 июля – 710 человек. За это время удалось послать на работы всего лишь 526 человек. В ноябре 1922 г. городская биржа труда зарегистрировала 1 488 безработных, в декабре – 1 128, в январе 1923 г. – 1 034¹⁸.

Примечательно, что структура безработицы менялась со временем, и не в лучшую сторону. Так, зимой 1922–1923 г. армию безработных пополняли преимущественно сокращаемые по штату служащие и работавшие по временному найму сельские жители, а также кустари (сапожные, портные, часовые мастера и т.п.), которые не могли осилить довольно высокие подоходные налоги, накладываемые на частные мастерские. А вот весной 1923 г. почти 60% зарегистрировавшихся безработных оказались квалифицированными рабочими (например, в тот период на упоминавшемся заводе «Труд» не было заказов и заводоуправление предполагало сократить количество рабочих на 30%).

При этом по сравнению с осенью 1922 г. количество зарегистрированных безработных выросло в несколько раз: на 1 февраля в городе насчитывалось 1 288 безработных, на 1 марта – 2 117, на 1 апреля 1923 г. – 3 360, к 1 мая эта цифра возросла

¹⁷ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1120, оп. 1, д. 184.

¹⁸ Там же. Ф. П-13, оп. 1, д. 483, л. 32; ф. Р-1133, оп. 1, д. 488, л. 23.

до 4 100 человек. Вакансий же было немного. Например, в феврале 1923 г. их количество колебалось от 209 до 269.

Обычно летом напряженность на рынке труда снижалась, поскольку часть безработных возвращалась в деревню для занятий сельскохозяйственным трудом. Например, к августу 2023 г. на бирже осталось всего 1 338 человек, но в основном это были как раз квалифицированные рабочие – металлисты и строители, хотя было достаточно много и чернорабочих, советских служащих и домашней прислуги.

Зато аптекарские служащие, рабочие типографий и стекольно-фарфорового производства без труда находили работу. Очевидно, потому, что рабочих такой квалификации было в городе практически столько же, сколько рабочих мест для них.

За сентябрь 2023 г. было зарегистрировано 3 639 безработных, однако даже возросший спрос на рабочие руки (1 572 вакансии) не привёл к сокращению безработицы – на 1 октября на бирже числилось 3 706 человек^{19,20}.

В связи с окончанием сельскохозяйственных и строительных работ к зиме 1924 г. количество безработных в городе вновь стало возрастать. На 1 ноября 1923 г. их число составило уже 3 891 человек, к концу года достигло 5 635. В последнем случае сыграл роль приток в «столицу Сибири» трудовых мигрантов не только из сел, но и из других сибирских городов – люди надеялись найти подходящую работу. К 1 февраля 1924 г. число безработных достигло 6 500 человек (и это в городе с населением около 75 тыс. человек), из которых треть была совслужащими, треть – чернорабочими, а треть – квалифицированными рабочими²¹. Естественно, что на почве безработицы росло недовольство рабочих. В отчёте о деятельности новониколаевского губпрокурора за второй квартал 1923 г. отмечалось: *«Безработные утверждают, что в старое время рабочему жилось легче, безработных было меньше, не производилось сокращение штатов и рабочих не выкидывали на улицу без куска хлеба»*²².

¹⁹ Большевик (Новониколаевск). 1923. 27 янв., 2 июня, 23 авг.

²⁰ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-878, оп. 2, д. 17, л. 16; ф. Р-1126, оп. 1, д. 169, л. 33, 36; ф. П-13, оп. 1, д. 254, л. 4; д. 406, л. 160.

²¹ Советская Сибирь (Новониколаевск). 1924. 17 янв.; 8 февр.

²² Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-878, оп. 2, д. 17, л. 5.

Доведённые до критического состояния нерегулярной выплатой зарплаты и уменьшением её размера, снижением расценок и постоянной угрозой безработицы, рабочие готовы были идти на решительные действия. Так, летом 1922 г. собирались бастовать рабочие типографии губсовнархоза, 15 сентября объявили забастовку рабочие лесопильного завода № 2, потребовав от администрации выдать муку и жалование. Через два дня рабочим стали выдавать муку и они прекратили забастовку. В январе 1923 г. забастовали железнодорожные рабочие станции Черепаново, потребовав выплатить жалование за декабрь 1922 г. и январь 1923 г. Вмешался профсоюз, и необходимые средства были тотчас же найдены. В декабре 1923 г. угрожали забастовкой рабочие каменского завода «Труд», требуя скорейшего заключения коллективного договора. В январе 1924 г. забастовали рабочие паровой мельницы № 11, поскольку её арендатор решил сократить штаты и увеличить рабочий день. Арендатор вынужден был удовлетворить требования рабочих. А 9 мая 1924 г. безработные разгромили городскую биржу труда, недовольные тем, что частники и госпредприятия предлагали им неподходящую работу, а если они от неё отказывались, их ставили в конец очереди²³.

Во второй половине 1920-х гг. ситуация не улучшилась. Так, на 1 января 1925 г. в городе насчитывалось 4583 безработных, 3273 из них были членами профсоюза. Как и следовало ожидать, в зимние месяцы безработица среди квалифицированных рабочих увеличилась у строителей (592 человека). Другая большая группа безработных – металлисты (283 человека). Основную же часть составляли чернорабочие, которых было зарегистрировано 1222 человека, затем совслужащие – 928 человек, и домовые служащие – 560 человек. На 1 октября 1925 г. на учёте Новониколаевской биржи труда состояло 3202 человека. С окончанием строительного сезона ожидалось увеличение безработных на 25–30%^{24,25}.

Безработица продолжала оставаться серьёзной проблемой и после того, как в стране было объявлено о восстановлении довоенного уровня промышленности. Лишь с началом индустриализации выросла потребность в рабочей силе и массовая

²³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-13, оп. 1, д. 483, л. 32; д. 406, л. 12, 253; д. 841, л. 25, 65; ф. Р-878, оп. 2, д. 17, л. 16.

²⁴ Советская Сибирь (Новониколаевск). 1925. 14 янв.

²⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1126, оп. 1, д. 352, л. 15.

безработица была ликвидирована. После того, как 13 марта 1930 г. закрылась Московская биржа труда, было официально объявлено, что безработицы в СССР больше нет.

Условия и оплата труда

Не менее серьёзной проблемой, вызывающей недовольство рабочих и снижающей производительность труда, были условия труда и размер заработной платы рабочих на предприятиях всех типов. Архивные материалы дают об этом некоторое представление.

Одним из самых крупных и лучше прочих оборудованных предприятий в Новониколаевске был «Холодильник», на котором работало 200 рабочих. На предприятии были водопровод и электрическое освещение. Однако удалённость его от города вынуждала рабочих добираться ежедневно туда и обратно по 3–4, версты, поскольку казённые квартиры вблизи завода были переполнены.

Рабочие кожзавода № 1 жаловались на то, что им негде оставить рабочую одежду, пропахшую кислотой. Они вынуждены были приносить её в свои казённые квартиры, где жили очень тесно и скученно. Хотя заводоуправление и выдавало рабочую одежду и обувь, но высчитывало за неё из зарплаты работников, так что многие предпочитали работать босиком, чем тратить на обувь свой скудный заработок²⁶.

Казалось бы, в лучшем положении должны быть железнодорожные рабочие, поскольку железная дорога была крупным государственным предприятием, к тому же имевшая постоянные заказы. Но, как выяснилось, рабочие получали зарплату с опозданием больше, чем на месяц. К тому же их зарплата, даже самая высокая, оказалась меньше, чем оплата кучера некоторых учреждений в городе, что вызывало их постоянное возмущение²⁷.

Низкая заработная плата, несвоевременная её выплата, а также различные злоупотребления (мнимые или реальные) администрации предприятий также были постоянным раздражающим фактором для рабочих. Особенно – во второй половине

²⁶ Трудовой путь (Новониколаевск). 1922. 28 авг.

²⁷ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-36, оп. 1, д. 258, л. 1.

1920-х гг., когда на предприятиях стали появляться дополнительные средства, которые по разным причинам не доходили до рабочих, но и в самом начале нэпа поводов для конфликтов с руководителями предприятий хватало.

Так, в августе 1922 г. администрация «Холодильника» распределила среди рабочих 100 пудов испортившегося масла в качестве «дополнительного вознаграждения», в то время как сотрудникам аппарата было выписано по полпуда свежего масла. Летом 1922 г. рабочие лесопильных заводов № 1 и № 2 несколько месяцев не получали ни зарплаты, ни продовольствия. При этом рабочим на аналогичном частном предприятии зарплата выплачивалась в большем размере и своевременно. Летом 1924 г. новониколаевская строительная контора Сибгосстрой затеяла строительство нового административного здания. Пятидесяти рабочим, трудившимся на строительных и отделочных работах, по окончании работ зарплата не была выплачена. Им в течение трех недель обещали расчёт после того, как приедет комиссия от Госстроя. Уладить конфликт удалось с трудом^{28,29,30}.

Конечно, номинальная заработная плата росла. Так, в октябре 1922 г. рабочие кожзавода получали 85 руб. 80 коп., а в декабре того же года – уже 207 руб. 50 коп., но рост зарплаты целиком перекрывала инфляция. Кроме того, у работодателей всегда оставалась возможность манипулировать переменной частью оплаты труда (разного рода премии, надбавки и т.д.). Так, весной 1924 г., когда началось перезаключение коллективных договоров, выяснилось, что Сибревком снизил надбавку за дороговизну с 45 до 15% от заработка. В итоге, например, рабочие-кожевники, получавшие в январе 20 руб., в феврале получили всего 13 руб. 50 коп.³¹.

Кроме низкой зарплаты и её задержек, рабочим в годы нэпа пришлось столкнуться с новой формой добровольно-принудительного изъятия из обращения наличных средств в виде разного рода займов, которые выдавались в счёт заработной платы. Так, осенью 1923 г. рабочим были выданы государственные выигрышные облигации по 5 руб. за каждую. Однако, когда подошел срок

²⁸ Трудовой путь (Новониколаевск). 1922. 28 авг.

²⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-13, оп. 1, д. 406, л. 29.

³⁰ Советская Сибирь (Новониколаевск). 1924. 30 дек.

³¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1120, оп. 1, д. 595, л. 16; ф. П-13, оп. 1, д. 841, л. 43.

погашения весной 1925 г., госбанк выкупал эти облигации всего по 1 руб. 40 коп. за штуку. На рынке же эти бумаги оценивались и того дешевле – по 30 коп. Рабочие справедливо считали, что государство их просто обмануло³².

На мизерную зарплату жаловались рабочие, входившие в профсоюз медикосантруд. На окружной конференции профсоюза 20 сентября 1926 г. рабочие говорили, что администрация называет их «трёхкопеечными работниками». Вот что было записано в протоколе конференции: *«Нам говорят, что для повышения зарплаты денег нет, а сами наши ответственные работники утопают в роскоши. Коммунисты продают нас и эксплуатируют как негров в Африке; они объединились со старыми царскими чиновниками, живут в роскоши в национализированных домах, а мы живём в лачугах по 12 человек. Говорят о режиме экономии, а сами разъезжают на автомобилях, а рабочим лишь пыль в глаза пускают». «Хозяйственники Сибмедторга прибавили себе по 25–30 руб., а не хотят рабочему прибавить 3–5 руб., это невольно рабочего задевает за живое – он готов пойти на всё. Спецы без рабочих ничего не сделают. Если такое положение будет дальше, то не следует забывать, что рабочие могут показать свою силу, которую они проявили в Первой русской революции (продолжительные аплодисменты)»*³³.

Довольно резко прозвучали выступления рабочих на IV конференции ВКП(б) Вокзального района Новосибирска 19–22 марта 1927 г. Один из выступавших раскритиковал проводившуюся во всей стране кампанию за режим экономии: *«Зарплата буд-то бы поднялась на 10–15%, а индекс возрос на 20–30%. Масло было 40, а теперь 60 коп., сапоги были 14, а теперь 20 руб. Надо снизить цены хоть до осенней нормы. Говорят, что папиросы на 1 коп. стали дешевле, а сапоги на 5 руб. стали дороже – это надувательство. Выдача зарплаты всё время опаздывает, в кредит никто не даёт, а частник ставит тяжёлые условия <...> Режим экономии на транспорте проводится за счёт того, что путевых сторожей снижают в подённые и отбирают спецодежду»*³⁴.

³² Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-13, оп. 1, д. 1027, л. 87.

³³ Там же. Ф. П-18, оп. 1, д. 60а, л. 49, 50.

³⁴ Там же. Ф. П-36, оп. 1, д. 610, л. 3.

Общий кризис в стране, начавшийся в 1927 г., связанный с проблемами с хлебозаготовками и «ножницами цен», привёл к тому, что в Новосибирске начались перебои с хлебом, нередко наблюдалась продажа некачественного товара в кооперативных магазинах Центрального рабочего кооператива (ЦРК) [Кокоулин, 2019].

Городские рабочие часто обсуждали причины этих явлений не только между собой, но и на разного рода собраниях. Вот характерные мнения: в кооперации *«сидят не рабочие, а спекулянты, пай с нас требуют, а рабочие голодают»*; по поводу дефицита хлеба рабочие говорили: *«У мужика хлеб выгребли и отдали под суд за то, что он сеял, трудился, а теперь мы голодаем, глядишь бы, около него могли пропитаться»*, *«Частники подняли цену на хлеб, их по 107 статье не судят, а мужиков так судили»*. Особенно резко высказались рабочие Хлебозавода о своей администрации: *«Мы, рабочие, получаем гроши, сидим голодом, а наши спецы, ничего не делая, получают по 200 и больше рублей, раскатывают на автомобилях, до коих же пор мы будем терпеть это безобразие. Если говорите о дефиците предприятия, то зачем тогда держите лишних спецов»*.

На заводе «Труд» рабочие выступили против займа как способ *«выкачать деньги у рабочих добровольно-принудительным путём»*, заявляя, что *«сперва собрали хлеб и отправили его за границу, а потом принялись собирать деньги с рабочих»*³⁵.

В фондах Государственного архива Новосибирской области сохранилась «Докладная записка о политнастроениях рабочих Новосибирска», составленная местным отделом ОГПУ 31 августа 1928 г. В ней отмечалось недовольство рабочих установленными расценками, в результате введения которых заработок квалифицированных рабочих урезался с 4–5 руб. до 3–3,5 руб. В частных беседах рабочие возмущались Госстроем, который и вводил новые расценки. Вот что зафиксировано в этой сводке: *«Нужно разогнать этот Госстрой. Он эксплуатирует рабочих хуже, чем раньше подрядчики. С каждым годом расценки всё урезают и урезают, в нынешний сезон рабочий не заработает на зиму, а это приведёт к тому, что зимой рабочим вместе с семьями придётся подыхать с голоду или идти на большую дорогу»*

---

³⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-76, оп. 1, д. 254, л. 35, 36.

бить толстопузых с портфелями»³⁶. Раскритиковали рабочие и свой профсоюз, который, по их мнению, полностью сросся с администрацией и оторвался от рабочих: «Союзы – это ширма, под которой обделывают рабочих. Они в полной спайке с хозяйственниками и ведут с ними одну линию. А всё это потому, что в Союзе не наши рабочие, а ставленники свыше. Давно бы их всех нужно повыгонять и отправить на Соловки»³⁷.

Выводы

Рассмотрев развитие промышленности и положение рабочих в «столице Сибири» в годы новой экономической политики, следует отметить крайне противоречивые тенденции, которые наблюдались в этот период. С одной стороны, власть была заинтересована в развитии промышленности и возможно более широком производстве товаров народного потребления, но, с другой стороны, она любой ценой стремилась сохранить государственный сектор, и, прежде всего, национализированную промышленность с тем, чтобы в рыночных условиях держать в своих руках командные высоты. Сдача национализированных предприятий в аренду в 1921–1922 гг. рассматривалась как вынужденный шаг, временное отступление в условиях нехватки средств для восстановления и налаживания нормального функционирования всех предприятий. Вне рыночные административные отношения рассматривались властью как «истинно социалистические», и власть старалась их также сохранить как основной инструмент управления промышленностью. В итоге в годы нэпа в Новониколаевске, как и во всей стране в целом, было два вида промышленности – убыточная государственная и постоянно регламентируемая и ограничиваемая властью частная и кооперативная, ориентированная в основном на местного потребителя.

Нивелировать недостатки нэповской модели развития промышленности, которые выявились уже в первые годы нэпа, руководство страны пыталось путем усиления административных методов управления и перераспределения ресурсов. Государственная монополия не только в важнейших отраслях промышленности, но и во второстепенных, но имевших с точки зрения

---

³⁶ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1228, оп. 3, д. 13, л. 23.

³⁷ Там же. Ф. Р-1228, оп. 3, д. 13, л. 31, 32.

власти важное значение, лишала промышленность необходимой гибкости и маневренности. Как только рыночные нэповские принципы приходили в противоречие с государственной промышленностью и государственным сектором в экономике, они немедленно подавлялись административным путём.

В итоге к концу нэпа так и не было найдено оптимальных форм развития промышленности, баланса социалистической и рыночной экономики. Административное прекращение нэпа, таким образом, было связано не столько со сталинской политикой индустриализации, сколько с закономерным развитием одной из тенденций, которые были присущи самой новой экономической политике.

Литература

Воронин Д. В. О работе Сибревкома по социально-экономическому развитию Западной Сибири в 1920-е гг. // Сибирский архив. 2019. Т. 2. № 2. С. 1–9.

Гуменюк А. А. Перевод промышленности Саратовской губернии на рельсы нэпа // КЛИО. 2018. № 1 (28). С. 148–156.

Железнякова Т. Б. Правовое регулирование развития промышленности Нижнего Поволжья в период нэпа // Гуманитарные исследования. 2005. № 4 (16). С. 89–92.

Каташев М. С. Развитие кустарной промышленности в Горном Алтае в годы нэпа (1922–1928 гг.) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2014. С. 309–315.

Кокоулин В. Г. Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2010. 324 с.

Кокоулин В. Г. Торговля в Новониколаевске (Новосибирске) в годы новой экономической политики // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие. Мат-лы III Всерос. науч. конф. Томск, 2019. С. 166–176.

Кокоулин В. Г., Лихоманов И. В. Региональное управление сквозь призму революционного опыта (1917–1925 гг.) // ЭКО. 2017. № 11 (521). С. 62–73.

Красильникова Е. И. Новый быт Сибирского Чикаго: очерки городской повседневности Новосибирска между войнами. Новосибирск, 2006. 240 с.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1977. Т. 43.

Новиков М. В., Землянская С. В. Иностраннный капитал в советской электротехнической промышленности сильных токов в годы нэпа // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. 2008. № 2 (13). С. 211–218.

Тарасенко В. Н. Быт периода нэпа: борьба старого и нового (историографические заметки) // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2 (40). С. 161–171.

Ханин Г. И. Честная и актуальная история. Рец. на кн.: Голанд Ю. М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924 гг. М., 2006 // ЭКО. 2009. № 9 (423). С. 140–151.

Юматова Е. А. Изменение управления промышленностью в начальный период нэпа (на примере Владимирской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 101. С. 50–55.

Юрлов П. В. Условия предпринимательской деятельности в Сибири в 1920-е гг. // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 12 (75). С. 196–202.

Graziosi A. Building the first system of state industry in history (Piatakov's VSNKh and the crisis of the NEP, 1923–1926) // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 32. No. 4, Octobre-Décembre 1991. Spécialistes, bureaucratie et administration dans l'Empire russe et en URSS, 1880–1945. Pp. 539–580.

Статья поступила 26.10.2020.

Статья принята к публикации 02.11.2020.

Для цитирования: Кокоулин В. Г. Восстановление и развитие промышленности Новониколаевска-Новосибирска в годы Новой экономической политики // ЭКО. 2021. № 3. С. 35–58. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-35-58.

Summary

Kokoulin, V.G., Doct. Sci. (Historical), Siberian University of Consumer Co-operation, Novosibirsk

Restoration and Development of the Industry of Novonikolaevsk-Novosibirsk in the Years of the New Economic Policy

Abstract. The paper deals with the problems of restoration and development of industry in Novonikolaevsk (Novosibirsk) in the years of the new economic policy (1921–1929). This period saw contradictory policy towards different forms of ownership in the industry (state, cooperative, private). Among the main problems that did not allow increasing labor productivity were unemployment, working conditions, and wages, the attitude of workers to political and economic measures of the government. The author comes to the conclusion that the collapse of the NEP resulted from one of the trends that were inherent in this policy.

Keywords: *Siberia; Sibrevkom; Novonikolaevsk; Novosibirsk; new economic policy; NEP; state industry; cooperative industry; rent; unemployment*

References

Graziosi, A. (1991). Building the first system of state industry in history (Piatakov's VSNKh and the crisis of the NEP, 1923–1926). Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 32. No. 4. Octobre-Décembre. Spécialistes, bureaucratie et administration dans l'Empire russe et en URSS, 1880–1945. Pp. 539–580. (In Russ.).

Gumenyuk, A.A. (2018). Transfer of the industry of the Saratov province to the rails of the NEP. *KLIO*. No. 1 (28). Pp. 148–156. (In Russ.).

Katashev, M.S. (2014). *Development of the handicraft industry in the Altai Mountains in the years of the NEP (1922–1928)*. History and Culture of the peoples of South-Western Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China): Reports of the international scientific and practical conference. Gorno-Altaiisk, Pp. 309–315. (In Russ.).

Khanin, G.I. (2009). Honest and relevant history. Review on the book: Goland Y.M. Discussion about economic policy in the years of the monetary reform 1921–1924. Moscow. *ECO*. No. 9 (423). Pp. 140–151. (In Russ.).

Kokoulin, V.G. (2010). *Novonikolaevsk in the years of the Revolution, Civil war and “war communism” (February 1917 – March 1921)*. Novosibirsk, 324 p. (In Russ.).

Kokoulin, V.G. (2019). *Trade in Novonikolayevsk (Novosibirsk) in the years of new economic policy*. Siberian merchants: the origins, activities, heritage. Materials of the III All-Russian Scientific Conference. Tomsk, Pp. 166–176. (In Russ.).

Kokoulin, V.G., Likhomanov, I.V. (2017). Regional governance through the prism of revolutionary experience (1917–1925). *ECO*. No. 11 (521). Pp. 62–73. (In Russ.).

Krasilnikova, E.I. (2006). *New life of the Siberian Chicago: essays of the urban everyday life of Novosibirsk between the wars*. Novosibirsk, 240 p. (In Russ.).

Lenin, V.I. (1977). *Complete works*. Moscow. Politizdat. Vol. 43. (In Russ.).

Novikov, M.V., Zemlyanskaya, S.V. (2008). Foreign capital in the Soviet electrotechnical industry of strong currents in the years of NEP. *Science journal of Volgograd state University*. Series 3: The Economy. Ecology. No. 2 (13). Pp. 211–218. (In Russ.).

Tarasenko, V.N. (2013). Life of the NEP period: the struggle of the old and the new (historiographical notes). *Service in Russia and abroad*. No. 2 (40). Pp. 161–171. (In Russ.).

Voronin, D.V. (2019). On the work of the Sibrevkom on the socio-economic development of Western Siberia in the 1920s. *Siberian Archive*. Vol. 2. No. 2. P. 1–9. (In Russ.).

Yumatova, E.A. (2009). Change management industry in the early period of the new economic policy (on the example of the Vladimir province). *Bulletin of the Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen*. No. 101. Pp. 50–55. (In Russ.).

Yurlov, P.V. (2012). Business conditions in Siberia in the 1920s. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University*. No. 12 (75). Pp. 196–202. (In Russ.).

Zheleznyakova, T.B. (2005). Legal regulation of the development of industry in the Lower Volga region during the NEP period. *Humanitarian studies*. No. 4 (16). Pp. 89–92. (In Russ.).

For citation: Kokoulin, V.G. (2021). Restoration and Development of the Industry of Novonikolaevsk-Novosibirsk in the Years of the New Economic Policy. *ECO*. No. 3. Pp. 35–58. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-35-58.

Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта?

М.А. ФЕЛЬДМАН, доктор исторических наук. E-mail: feldman-mih@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9825-6650

Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург

Аннотация. Социально-экономическое развитие СССР за годы нэпа, эволюция научной мысли позволили к 1929 г. выработать Первый пятилетний план народнохозяйственного строительства. Впервые в мировой истории в рамках государственного плана намечалось пропорциональное и сбалансированное развитие регионального и отраслевого потенциалов, реализация широкого круга социальных программ. Столкновение рационального и утопического курсов первой пятилетки в ходе реализации ее заданий – одна из самых драматических страниц советской истории – проходило сквозь судьбы людей. Для одних это был путь к прозрению. Для других – путь к слепому выполнению приказов. Статья посвящена выяснению ряда ключевых вопросов советологии XX века: могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта? Каким был процесс осмысления итогов первой пятилетки? Включало ли это переосмысление и переоценку пути страны в 1920-е гг.

Ключевые слова: первая пятилетка; план; СССР; промышленность; партия; нэп; экономика; Пленум ЦК; индустриализация; идеология; планирование

Историография проблемы

Утвержденный в мае 1929 г. V съездом Советов СССР Первый пятилетний план представляет собой уникальный исторический источник. Три его тома удачно сочетали в себе отраслевой спектр модернизации страны, проблемы социального характера, различные аспекты регионального развития, олицетворяя крупный шаг вперед по пути конкретизации и усовершенствования методологии планирования.

Пожалуй, с точки зрения мировой экономической науки, региональный срез был наиболее новаторским и очень тщательно проработанным, поскольку в 1926–1929 гг. Госплан уделил большое внимание разработке районных и межрайонных проблем пятилетки в рамках организационно-экономического районирования страны. В ходе ряда конференций по комплексному учету ресурсов и определению конкретных задач в рамках отраслей

и крупных экономических районов была намечена специализация краев и областей с учетом наибольшего использования их богатств и подтягивания отстающих регионов; определены перспективы межрайонного сотрудничества; разработаны прогнозы развития таких крупных экономических районов, как Урал и Сибирь. Появление в регионах собственных долгосрочных (генеральных) планов стало наглядным свидетельством успешной эволюции советской науки в годы нэпа – до известных сфабрикованных судебных процессов [История..., 1977. С. 18; Шахтинский..., 2011].

Подчеркнем: при всех недостатках, обусловленных уровнем знания ученых и специалистов, «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)»¹, являлся вариантом модернизации *в рамках нэповской экономики* (сочетающей государственный и частный сектор). В этом же духе был подготовлен и издан в 1930 г. «Генеральный план развития Сибирского края на период до 1949 г.», вскоре обвиненный в допустимости «мирного вращивания капитализма в социализм» и отправленный в архив [Жибарев, 1969. С. 209].

Однако в советской историографии характеристики нэповской экономики, Первого пятилетнего плана и итогов первой пятилетки на долгие десятилетия были определены формулировками из доклада генсека на январском (1933) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) [Сталин, 1951]. Сталинский вывод об «успешном и досрочном завершении пятилетки за четыре года и три месяца» [Там же. С. 177–178] и «построении фундамента социалистической экономики» [Там же. С. 214] породил столь мощное *мифологическое пространство*, что соратники генерального секретаря ЦК ВКП(б), отвечавшие за конкретные секторы экономики, оказались «скованными одной цепью» идеологических выводов и суждений.

Историки советской эпохи находились в весьма затруднительном положении: «генеральная линия партии», связанная с Индустриальным проектом, воплощенным в Первом пятилетнем плане, могла освещаться только в восторженных тонах. В то же

---

¹ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск: Уралплан, 1927. 113 с.

время невыполнение практически всех запланированных показателей первой пятилетки, хорошо известное руководству СССР [Хлевнюк, 2010. С. 217–218] необходимо было как-то объяснять. Вышедшая в 1935 г. большая статья И. А. Гладкова, (на тот момент работника НИИ при Госплане, а в 1970-е гг. – редактора семитомной Истории социалистической экономики СССР), стала на десятилетия «образцовым трудом» для исторических исследований создания и эволюции Первого пятилетнего плана [Гладков, 1935]. Статья прослеживала этапы становления советского планирования, связанные со съездами плановых работников СССР, разумеется, сквозь призму официальных пропагандистских установок.

Варианты пятилетнего плана («отправной» и «оптимальный»), подготовленные в августе 1928 г. работниками Госплана, безоговорочно были отнесены Гладковым к оппортунистическим, поскольку «разрабатывались при участии буржуазных экономистов и техников, которые в своих проектировках и экспертизах пытались приуменьшить ресурсы и темпы индустриализации». В вину госплановским вариантам фактически был поставлен объективизм составителей: они отталкивались только от «технических возможностей», и как следствие, «страдали органическим пороком – минимализмом». Возмущение автора (в тексте – «работников ВСНХ и партийного руководства») вызвали и «затухающие» темпы: 17% в начале пятилетки и 12% – в конце [Гладков, 1935. С. 112, 130].

Следует заметить, что цитируемая статья вышла уже тогда, когда Гладков хорошо знал о катастрофических последствиях курса «бешеных темпов» в 1929–1931 гг., базирующихся именно на игнорировании «технических возможностей» экономики (кадровых, технических, транспортных, технологических ресурсах), на пренебрежении к сбалансированности финансовой системы [Хлевнюк, 2010. С. 217–218]. Реальность 1931–1932 гг. продемонстрировала как затухающие темпы в промышленности, так и осознание советским руководством, включая Сталина, необходимости возвращения к научно обоснованным темпам роста.

Отталкиваясь от сталинского определения основной задачи первой пятилетки – «вытеснить до конца капиталистические элементы» [Сталин, 2010. С. 172] – Гладков с осуждением

отмечал «непростительную ошибку» команды руководителя Госплана Г.М. Кржижановского: «ни в одном варианте Госплана не была поставлена задача сокращения доли частного капитала». Более того, планировалось «привлечение частных торговцев на свою сторону» и «превращение частных торговцев в агентов государства, продававших товары по установленным государством ценам» [Гладков, 1935. С. 115, 136]. Автор статьи хотя и был современником и очевидцем событий конца 1920-х, оставил без внимания тот факт, что пленумы ЦК ВКП и в 1927 г., и в 1928 г. раз разом подтверждали курс на развитие многоукладной экономики, что и нашло подтверждение в «отправном» и «оптимальном» вариантах Пятилетнего плана. Однако поражение сторонников нэпа на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК означало победу приверженцев леворадикальных мер [Фельдман, 2019].

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства, утвержденный Президиумом Госплана СССР 23 марта 1929 г., был составлен в двух вариантах: «отправном» и оптимальном». Из них, по мнению Гладкова, только «оптимальный вариант» представлял «крупный шаг по пути конкретизации и усовершенствования методологии планирования», поскольку в нем была дана не только общая установка на индустриализацию, но и намечены некоторые проблемы технической реконструкции важнейших отраслей экономики [Гладков, 1935. С. 120, 134].

Трудно сказать, понимал ли Гладков хрупкость своей позиции, когда заявлял о том, что «оптимальный» вариант Госплана исходил главным образом из «надежды на более благоприятные внешние условия в плане предоставления заграничных кредитов, внешнеэкономической конъюнктуры; снижения оборотных расходов» и т.п. [Гладков, 1935. С. 137].

Тем не менее двухвариантная модель Первого пятилетнего плана превентивно учитывала риски, тогда как одновариантный («оптимальный вариант»), продавленный Сталиным и его сторонниками, – не могла это сделать.

Однако советская историография Первого пятилетнего плана выстраивалась «по Гладкову», и даже в 1975 г., спустя сорок лет, ведущий советский исследователь индустриализации в СССР В.С. Лельчук писал о «всестороннем сталинском анализе итогов первой пятилетки» [Лельчук, 1975. С. 147]. Лишь в работе

1984 г. он взял на себя смелость заявить, что создание «основ индустриализации» сочеталось с «сужением сферы действия экономических рычагов управления», «низкой культурой труда, слабой производственной дисциплиной» [Лельчук, 1984. С. 171, 173], т.е. с масштабными явлениями, оставшимися *вне* доклада Сталина на Пленуме ЦК.

Публикация Лельчука 1984 г. только приоткрывала дверь к полю беспристрастных исследований социально-экономического развития страны. Тематика многих направлений модернизации народного хозяйства, обозначенная в трех томах «Первого пятилетнего плана» (например, достижение запланированных показателей в сфере производительности труда, рентабельности производства и др., обеспечения соответствия мировым техническим стандартам; степень выполнения запланированных задач регионального и межрегионального развития) осталась вне освещения не только в официальных итоговых документах², но и более поздних академических исследований [История..., 1977. Т. 3].

Суть и главная идея официальной оценки советской историографии Первого пятилетнего плана, начиная со статьи Гладкова, заключались в признании безальтернативности сталинского курса, ***в неспособности экономики нэпа стать основой Индустриального проекта.*** Этот подход перекочевал в новое тысячелетие и сохранился до наших дней [Есиков, 2010; Соколов, 2020].

Цель данной работы – в попытке непредвзято оценить наследие нэпа с точки зрения его вклада в развитие народного хозяйства СССР. В этой связи следует задать ряд вопросов. Во-первых, какие предпосылки для реализации Первого пятилетнего плана были созданы в годы нэпа? Во-вторых, в какой степени были использованы потенциальные возможности экономики нэпа? В-третьих, позволяла ли многоукладная экономика в СССР выполнить основные задачи Первого пятилетнего плана? Наконец, в чем заключается научное наследие Первого пятилетнего плана?

---

² Итоги выполнения Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза СССР. М.: Госплан СССР, 1933. 276 с.

Дискуссии о судьбе нэпа: новый взгляд

Неоценимое значение для понимания экономической и внутриполитической ситуации в СССР на излете нэпа и в период подготовки Первого пятилетнего плана имеет пятитомник «Как ломали нэп», который можно было бы назвать иначе: «Как шло сопротивление ломке государственного курса СССР». Вышедшие в свет в 2000 г. «Введения» к пяти томам стенограмм пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг., написанные В. П. Даниловым, А. Ю. Ватлиным и О. В. Хлевнюком, представляют собой самый глубокий анализ событий политической полемики между двумя группами участников пленумов, представившие различные варианты модернизации страны [Как ломали нэп, 2000].

Анализ дискуссий на трех пленумах ЦК (в апреле, июле, ноябре 1928 г.) показывает, что глава правительства СССР А. И. Рыков и его сторонники успешно противостояли левацкому курсу, отстаивая вариант осуществления индустриализации страны и преобразования крестьянской экономики на принципах новой экономической политики [Фельдман, 2019].

Так, резолюции апрельского (1928) Пленума ЦК ВКП(б) нацеливали на продолжение нэпа как наименее конфликтного и наиболее эффективного пути модернизации страны, или, используя выражение В. П. Данилова, – «единственно реальной политики, направленной на возможно более быстрое развитие разных форм сельской кооперации от первичных форм сбытовых и закупочных до подлинно производственных» [Данилов, 2011. С. 17].

Пленумы продемонстрировали *способность части большевистского руководства к восприятию рационального пути развития экономики*; способность понять и осознать выводы ученых-экономистов, либо просто проявить прагматизм, исходя из опыта хозяйствования в регионах. ***В открытом и честном бою на пленумах ЦК ВКП(б) в апреле и в июле 1928 г. сталинизм, по сути, проиграл сторонникам сохранения нэпа.***

Доводы председателя СНК СССР А. И. Рыкова, ряда наркомов советского правительства, представителей Госплана опирались на цифры полученных или прогнозируемых доходов государства, позволяющих мобилизовать необходимые инвестиции для реализации Индустриального проекта (в качестве примера можно привести доклады «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 г.» на Пленуме ЦК ВКП (б) в ноябре 1928 г. [Как

ломали нэп, 2000. Т. 3 С. 36–52] и доклад «О Пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг.» на Шестнадцатой Всесоюзной партийной конференции в апреле 1929 г.³ Ни одно из свидетельств реальных возможностей экономики нэпа, приведенных А. И. Рыковым, не было опровергнуто! ***Коренной вопрос заключался не в нехватке капиталовложений, а в их рациональном использовании.***

Невозможно было опровергнуть ни готовность банков ряда западных стран предоставить СССР кредиты, даже при осложнении дипломатических отношений – эта мысль достаточно четко прозвучала в выступлении наркома внутренней и внешней торговли А. И. Микояна на июльском Пленуме 1928 г. [Как ломали нэп, 2000. Т. 2 С. 186–186]; ни возможность масштабных закупок передовых технологий в США [Шпотов, 2013], ни эффективность использования иностранных концессий в СССР [Левин, Шевелева, 2016].

Тем не менее, используя массированный обман и фальсификацию данных, идеологические догмы о приоритете классовой борьбы, возможности партийного аппарата и закулисные интриги, Сталину и его окружению удалось на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК превратить механизм дискуссий во фракционную борьбу, а последнюю – в войну на уничтожение оппонентов. Проиграв в открытых и честных «боях» 1928 г., сторонники леворадикальных подходов сумели взять реванш с помощью грязных методов. В результате в проигрыше оказались не только сторонники сохранения многоукладной экономики. Пострадал Индустриальный проект, как одна из важнейших составляющих пятилетнего плана, он был практически лишен всестороннего обсуждения и проработанной экономической основы.

Принципиальным моментом (тоже оказавшимся на обочине современных исторических исследований) стало признание неизлечимости одной из «болезней» нэпа, а именно – формальный подход к провозглашенному правящей партии «режиму экономии». Между тем провал политики «режима экономии» – курса на повышение эффективности государственных предприятий [Рогалина, 2006. С. 372] – свидетельствовал не о его

---

³ Шестнадцатая конференция ВКП(б). 23–29 апреля 1929. Стенографический отчет. М., Политиздат. 1962. С. 36–52.

неосуществимости, а только об одном из многих исторических феноменов – упущенных возможностях. «Режим экономии» превращался в живой механизм только при углублении рыночно-административных отношений, а при абсолютизации директивных методов управления уходил в сферу нелегальных отношений.

Официально провозглашенный переход от политики «режима экономии» к развитию хозрасчетных отношений в годы первой пятилетки означал только замену близких по значению понятий, с тем же закономерным итогом⁴. *Однако неумение пользоваться механизмом – еще не означает неисправность самого механизма.*

Судьба Первого пятилетнего плана: дорога к осмыслению

Несмотря на многократные поправки, к моменту своего утверждения Первый пятилетний план представлял собой относительно реалистичный документ, предусматривавший «участие различных классов в решении задач индустриализации», равенство всех систем кооперации; понимание индивидуального крестьянского хозяйства как «сохраняющего для настоящего пятилетия своё значение главного производителя сельскохозяйственных продуктов»⁵. Все это недвусмысленно свидетельствовало о стремлении сохранить многоукладную экономику – стержень нэповского периода – при совершении качественно нового индустриального рывка, особенно в металлургии и машиностроении⁶.

Однако документ вступил в зону идеологической турбулентности, что самым драматическим образом отразилось на его целевых показателях. Если обоснованный и тщательно просчитанный вариант Госплана («Перспективы развертывания народного хозяйства») предусматривал рост промышленного производства за пятилетие на 79,5%, то утверждённый 23 марта

---

⁴ Шестнадцатая конференция ВКП(б). 23–29 апреля 1929. Стенографический отчет. М., Политиздат. 1962. С. 19.

⁵ Резолюции V съезда госпланов СССР // Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие: Пятилетний перспективный план на V съезде госпланов. М.: Плановое хоз-во, 1929. С. 3-11.

⁶ Там же. С. 5.

1929 г. президиумом Госплана «отправной» вариант предусматривал рост уже на 134,9%, а «оптимальный» – на 179%. Более того, вместо двух вариантов пятилетнего плана, допускающих определённую гибкость хозяйственной политики, после недельного (26 марта – 4 апреля 1929 г.) обсуждения на объединённом заседании СНК и Совета труда и обороны СССР, Постановлением правительства от 23 апреля 1929 г. был оставлен только один – оптимальный [История..., 1977. С. 19].

Но и это был не предел: в июле-августе 1929 г. ЦК ВКП(б) принял несколько постановлений о дополнительном форсировании роста ряда отраслей промышленности. На этой основе в представленном в ноябре 1929 г. так называемом уточняющем варианте первой пятилетки оказались явно нереалистичные исправления в сторону увеличения показателей. Этот вариант стал «типичным примером волевого планирования, без научного обоснования и экономической аргументации» [Рогачевская, 1994. С. 325].

Только кризисное состояние советской экономики в 1930–1932 гг. заставило руководство СССР переосмыслить подходы к планированию вообще и к формированию второго пятилетнего плана в частности [Дэвис, Хлевнюк, 1994. С. 102–193]. В определённой степени это означало возвращение к материалам Пятого съезда плановых работников.

В начале 1930-х гг. в советском управленческом эшелоне sporadически возникали попытки осмысления социалистического эксперимента в городе и в деревне. В июне 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) председатель СНК РСФСР С. И. Сырцов озвучил чудовищные цифры. «Перегибы и ошибки в ходе коллективизации только в животноводстве обернулись потерями на сумму в 3 млрд руб.»⁷. Это вполне сопоставимо с величиной средств, отпущенных на строительство новых и реконструкцию старых предприятий в 1929/30 г. (4 млрд руб., согласно варианту Пятилетнего плана, одобренному V Съездом Советов СССР в мае 1929 г.) [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 547].

Явную «информационную бомбу» содержало в себе выступление 31 января 1932 г. заместителя председателя СНК

---

⁷Шестнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930. Т. 1. М.: Партиздат, 1935. С. 400-403.

СССР и председателя ЦКК ВКП(б) и наркома РКИ СССР Я. Э. Рудзутака на XVII Всесоюзной партийной конференции. Низкое качество значительной части продукции советских заводов в годы первой пятилетки не было тайной для делегатов конференции. Но указать на конкретную цифру – до четверти произведенного – потребовало с его стороны большой смелости⁸. Стоимость выпущенной в 1931 г. промышленной продукции С. Орджоникидзе оценил в 11,8 млрд руб. Получалось, что «на ветер» выбрасывалось почти 3 млрд руб. Фактически член Политбюро ЦК ВКП(б) Я. Э. Рудзук оценил результат политики радикального форсирования темпов экономического роста на уровне нуля.

В результате, по обоснованному утверждению О. В. Хлевнюка, «Первая пятилетка по всем ключевым параметрам не была выполнена вообще. Провозглашенные цифры – стопроцентный рост индустриальной продукции между 1928 и 1932 гг. – были ложью. Реальные показатели были примерно вдвое меньше». Большинство целей плана даже по приоритетным отраслям тяжелой промышленности были достигнуты в лучшем случае только в годы второй пятилетки, а многие – после Великой Отечественной войны. «Производительность труда в крупной промышленности в 1932 г. даже снизилась по сравнению с 1928 г.» [Хлевнюк, 2010. С. 178–178; 206].

Итоги пятилетки были столь далеки от индикаторов, запланированных по инициативе главы партии, что у Сталина были все основания беспокоиться за свой авторитет в преддверии январского (1933) Пленума. Генсек, фактически промолчавший все одиннадцать заседаний XVII Всесоюзной партконференции в январе-феврале 1932 г., не желая вступать в дискуссию о причинах очевидных кризисных явлений в экономике, стремился не допустить никакого сравнения плановых и достигнутых показателей пятилетки и в январе 1933 г.

В этой ситуации, подводя итоги Первого пятилетнего плана, Сталин поступил весьма своеобразно. Он сравнивал полученные реальные показатели с цифрами *первого варианта* Пятилетнего плана, принятого в апреле-мае 1929 г. (т.е. варианта «правых»,

---

⁸ Семнадцатая конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стеногр. Отчет. М.: Партийное изд-во, 1932. С. 73,

им же самым осужденного за «сознательно заниженные показатели»), а не с теми, что были приняты под его давлением в 1930 г. [Верт, 1992. С. 200].

Следует заметить, что Сталин только повторил «маневр» В. М. Молотова годичной давности: на XVII Всесоюзной партконференции тот тоже связал выполнение Первого пятилетнего плана с его «оптимальным вариантом»⁹, утвержденным V Съездом Советов в мае 1929 г., т.е. до запуска процесса безудержного увеличения капиталовложений в промышленность, составившего в 1930 г. 57% сверх плана, а в 1931 г. – 80%. Тем самым глава правительства в кризисной ситуации зимы 1932 г. снял обвинение в замедлении темпов развития экономики с «правых», воспринимавших «оптимальный» вариант пятилетнего плана, как последний рубеж политического реализма.

Подчеркну еще раз: и Сталин, и Молотов неоднократно опровергали доводы о «неспособности экономики нэпа стать основой Индустриального проекта». (Об этом весь смысл Доклада Сталина на январском Пленуме ЦК 1933 г. См. также: [Кондрашин, 2014. С. 22])

Так, на октябрьском (1927 г.) Пленуме ЦК и ЦКК Сталин с удовлетворением отмечал: «это факт, что за два года мы сумели вложить в нашу промышленность более двух миллиардов рублей. Это факт, что этих вложений оказалось достаточно для того, чтобы двинуть дальше переоборудование нашей промышленности и индустриализацию страны»¹⁰.

В свою очередь председатель Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотов, выступая 3 февраля 1931 г. на седьмом заседании Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (уже после «коренного перелома»), заявил, что *«Новая экономическая политика создала предпосылки для мощного подъема социалистической индустрии (!) (выделено автором)*. Развертывание нашей промышленности происходило на основе нэпа, в условиях широкого

⁹ Семнадцатая конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стеногр. Отчет. М.: Партийное изд-во, 1932. С. 127.

¹⁰ Там же. С. 87.

товарооборота»¹¹. И далее, там же: «Осуществление задач социалистической индустриализации проводилось рычагом хозрасчета. Успехи большевистского проведения принципа хозрасчета доказаны за десять лет нэпа с достаточной убедительностью. С самого начала нэпа принцип хозрасчета был положен в основу работы госпредприятий. Иначе нельзя было бы говорить о прибылях и убытках госпредприятий, нельзя было говорить о себестоимости продукции».

Впервые с весны 1929 г. в устах верного сторонника Сталина прозвучала *положительная оценка* нэпа вообще и товарно-денежных отношений в частности. Реализация Первого пятилетнего плана не противопоставлялась индустриализации, проведенной в период нэпа, а органично вытекала из нее. Эти высказывания Сталина и Молотова следует перечитать тем, кто продолжает одобрять «коренной перелом» на рубеже 1920–1930 гг.¹²

К вопросу о потенциале нэпа

Руководство СССР в январе 1933 г. было прекрасно осведомлено о темпах роста промышленного производства в годы нэпа и первой пятилетки. Если в 1926–1928 гг. среднегодовой показатель темпов роста промышленного производства составил 21,7% по всей промышленности и 26,6% – по крупной промышленности, то в 1929–1932 гг. аналогичные показатели не повысились, а снизились – до 19,25% по всей промышленности и 26,25% – по крупной [История..., 1977. С. 107].

Известно ему было и соотношение запланированных расходов и потенциальных источников накопления. Если исходный вариант Первого пятилетнего плана (в «госплановской» редакции 1927 г.) предусматривал капиталовложения в промышленность в размере 8,98 млрд руб., то в августе 1928 г. под давлением ВСНХ и лично Сталина этот показатель вырос до 14, 57 млрд [Гухман, 1928. С. 120], а в итоговой версии документа, утвержденной

---

¹¹ Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. С. 168.

¹² «Коренной перелом» – выражение И. В. Сталина, которым он охарактеризовал начатую в конце 1920-х в СССР политику форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

Пятым съездом советов СССР в мае 1929 г. фигурировала сумма в 16,4 млрд руб.¹³

При этом основную инвестиционную нагрузку несло государство. Из общего объема инвестиций Пятилетнего плана 41 млрд руб. должна была обеспечить бюджетная система, 17 млрд руб. приходилось на собственные средства предприятий, остальное – на поступления от кредитной системы, системы социального страхования, прочих источников¹⁴.

О финансовых возможностях экономики нэпа по мобилизации бюджетных средств неоднократно докладывали руководители Госплана. Так, в выступлении Г.М. Кржижановского на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) сообщалось о предполагаемом росте товарной продукции только сельского хозяйства за пятилетие с 2990 млн руб. до 5300 млн руб. по отправному варианту и до 6400 млн – по оптимальному [Как ломали нэп, 2000. Т. 3. С. 273]. То есть при сохранении нэповской модели сельского хозяйства, крестьянство могло за счет развития кооперации, мер по развитию сельскохозяйственного машиностроения и т.п., нарастить *товарную продукцию* на 2,4–3,5 млрд руб.

В марте 1929 г. С.Г. Струмилин отмечал, что сохранение индивидуального крестьянского хозяйства позволяло получить в виде *налогов и займов* 3,9 млрд руб., в том числе 2,1 млрд руб. от «кулаков» и 1,8 млрд – от середнячества. Около 300 млн из этой собранной суммы должно было быть перераспределено для укрепления бедняцких дворов¹⁵.

Указанные источники обеспечивали заметную часть бюджетных доходов при условии сохранения нэпа. Но были и другие. В расчетах Госплана, в документах Пятилетнего плана также фигурировали средства населения в форме облигационных займов. Судя по «Объяснительной записке к отчету Наркомфина СССР об исполнении госбюджета за 1928/29 г.», взносы трудящихся в форме займов составили 725 млн руб.,

---

¹³ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1. (третье издание). М.: Плановое хоз-во, 1930. С. 131-135.

¹⁴ Там же. С. 110.

¹⁵ Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на пятом съезде советов госпланов. М.: Плановое хоз-во, 1929. С. 159-161.

или 9% от доходов бюджета¹⁶. Материалы Первого пятилетнего плана предполагали дальнейшее использование этого вида привлечения средств в размере 2,2 млрд руб. [История..., 1977. С. 101–102].

Как видно, при сохранении главного принципа Первого пятилетнего плана (в редакции мая 1929 г.) – сбалансирования материальных и финансовых ресурсов – значительную часть необходимых средств для индустриализации должны были дать налоги на зажиточные слои населения и займы у трудящихся. Большую долю ресурсов должны были дать бюджету доходы от продажи зерна, нефти и леса.

Однако насильственная коллективизация внесла жесткие коррективы в эти планы.

Как уже упоминалось, в результате коллективизации только в животноводстве потери составили не менее 3 млрд руб., что сопоставимо с объемами инвестиций в промышленность (4 млрд – по варианту 1930 г. [Как ломали нэп, 2000. С. 547]).

Сравнение этих цифр с тем, что реально получило Советское государство от продажи зерна за годы первой пятилетки – 442,1 млн руб. – вместо 5426 млн руб. за экспорт главнейших товаров по плану [Кондрашин, 2014. С. 90] – убедительно доказывает: коллективизация не принесла необходимых для индустриализации валютных резервов.

Эти потери были возмещены за счет добровольно-принудительных займов у населения. За годы первой пятилетки по этой статье было привлечено в госбюджет 12 млрд руб. (вместо изначально запланированных 2,2 млрд). Это составило около 10% от доходов казны. Из резерва «на трудную минуту» государственные займы превратились в обильный источник плановых поступлений [Черемисинов, 2006].

К этому необходимо добавить и эмиссию банковских билетов, которая должна была по первоначальному плану составить 1 млрд руб.¹⁷, но фактически масса денег выросла с 1928 г.

---

¹⁶ Из объяснительной записки к отчету Наркомфина СССР об исполнении госбюджета за 1928/29 г. // Отчет Народного комиссариата финансов Союза ССР об исполнении единого государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик за 1928/29 г.». Л., 1930. С. 4–7.

¹⁷ Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на пятом съезде советов госпланов. М.: Плановое хоз-во, 1929. С. 456.

по 1932 г. на 4 млрд руб. [История..., 1977. С. 102]. В целом, начиная с 1930 г. денежная масса увеличивалась примерно на 45% ежегодно [Атлас, 1969. С. 254, 263].

Даже по статистическим данным, приведенным в советских источниках, становилось понятным: аккумуляция всех этих значительных средств в руках государства выдвигала на первый план задачу *рационального и умелого их использования*.

Деформация Пятилетнего плана

Если нэповский вариант развития экономики СССР можно считать эволюционным – опирающимся на имеющийся опыт и достижения прошлых лет, то отказ от него и форсированный переход к индустриализации и коллективизации означал очередную «революцию» в жизни страны: социалистические принципы развития выхолащивались в пропагандистскую оболочку для тоталитарного государства с его волюнтаристскими методами управления и упрощенными подходами к решению социально-экономических проблем

Рамки журнальной статьи заставляют ограничиться только некоторыми сюжетами деформации Первого пятилетнего плана.

Как известно, первые варианты документа были сфокусированы на приоритетных **социальных задачах**, например, на сокращении продолжительности рабочей недели (с учетом укороченных предпраздничных и субботних дней) с 44,6 часов до 41,2 часов; введении семичасового рабочего дня и т.д., а «крупнейшим вопросом пятилетнего плана» было названо «обеспечение роста реальной заработной платы»¹⁸. В индустриализации руководитель Госплана Г.М. Кржижановский выделял главное направление – механизацию и автоматизацию производственных процессов. Будучи одним из первых марксистов России, Глеб Максимилианович воспринимал социализм прежде всего как возможность раскрепощения – освобождения человека от тяжелого физического труда [Как ломали нэп, Т. 3. 2000. С. 56, 59].

---

¹⁸ Доклад заместителя председателя Госплана Г. Ф. Гринько на пятом съезде советов госпланов «Основные проблемы пятилетнего хозяйственного плана СССР» // Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на пятом съезде советов госпланов). М.: Плановое хозяйство. 1929. С. 29-105.

В реальности большинство мер в социальной сфере носили декларативный характер, реализация других столкнулась с неожиданными трудностями. Это, в частности, показало обсуждение вопроса на июльском (1928) Пленуме ЦК: «Недостаточная организационная и техническая подготовка к проведению семичасового рабочего дня, неготовность технического персонала к столь масштабному мероприятию, в сочетании с низким квалификационным уровнем большинства рабочих, дали поразительный результат – резкий скачок объемов бракованной продукции и числа аварий на производстве» [Как ломали нэп, Т. 2. 2000. С. 306, 306].

Очевиден и утилитарный подход к реализации планов межрегиональной кооперации, поскольку развитие крупных экономических районов натолкнулось на рамки возникшей Командно-Административной системы.

Характерен пример Урало-Кузбасса, который на стадии разработки Пятилетнего плана рассматривался как единый масштабный межрайонный проект, где каждое строящееся новое предприятие создавалось не изолированно, а как часть единого комплекса [Васютин, 1932. С. 8–9].

В третьем томе Первого пятилетнего плана (май 1929) Урало-Кузбасс определялся как система сложного межрайонного сотрудничества, нацеленная на специализированное производство продукции на всесоюзный рынок. На основе обмена углем и рудой между Уралом и Кузбассом, обоснованно трактуемого как решение важнейшей из межрайонных проблем, должны были строиться четыре металлургических завода: три на Урале и один в Западной Сибири¹⁹.

Однако в целом отражение проекта в тексте документа совершенно не соответствовало ни его сложности, ни значимости для развития страны. Так, в тексте раздела «Межрайонные отношения» Первого пятилетнего плана практически отсутствовало упоминание об Урало-Кузбассе как об отдельной программе. Его краткое описание содержалось лишь в разделе «Уральская область», но фактически охватывало одну отрасль – черную металлургию – и включало схему межрегиональной и межрайонной

---

¹⁹ Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. 3. М.: Плановое хоз-во, 1929. С. 10, 184.

специализации рудных рудников и металлургических заводов²⁰. Таким образом, слова о широком масштабе общехозяйственного и технологического комбинирования применительно к Урало-Кузбассу в годы первой пятилетки могут быть сопоставлены лишь с развитием черной металлургии.

Реализацию государственной политики по сдвигу промышленности на Восток в Первом пятилетнем плане можно проследить по такому критерию, как реальное расходование капиталовложений по регионам. Приведем такой пример. В годы первой пятилетки в промышленность Уральской области намечалось вложить 12,4% всех союзных капиталовложений²¹. В реальности промышленность региона получила 7,8%, т.е. в полтора раза меньше²².

В целом, сопоставление замысла и результата Первой пятилетки показывает, что вместо сбалансированного развития комплекса отраслей экономики произошло гипертрофированное развитие тяжелой промышленности, что признавалось и в советской историографии [Хавин, 1962. С. 196–198]. Следует отметить еще один малоизученный аспект этой проблемы: увеличение проектных мощностей ряда крупных предприятий уже в ходе первой пятилетки. Мера, зачастую не подкреплённая ни в техническом, ни в кадровом отношении, усилившая масштаб замороженного строительства после стабилизационных усилий 1933–1936 гг., но именно она в годы войны позволила нарастить выпуск оборонной продукции.

Выводы

Период советской истории, именуемый нэпом, во многом продолжил сложившиеся еще до революции 1917 г. тренды на индустриализацию, пространственное развитие, опирающиеся на достижения экономической науки. Это позволило выработать ряд вполне реалистичных вариантов Первого пятилетнего плана, обозначившего основные направления экономического развития страны, инструменты реализации, способствовавшего

---

²⁰ Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. 3. М.: Плановое хоз-во, 1929. С. 190–196.

²¹ Там же. С. 562–563.

²² Капитальное строительство в СССР. Стат. сборник. М., 1961. С. 60.

крупномасштабному строительству новых и реконструкции старых предприятий.

Сильная деформация документа в результате вмешательства И.В. Сталина и его окружения, фактический отказ при его реализации от принципов нэпа привели к неоправданной бюджетной напряженности, неэффективному расходованию многомиллиардных средств, обнищанию деревни, и в конечном счете – гибели миллионов советских людей.

Индустриальный проект из инструмента государственной политики, первоначально ставившей приоритетом социальное благополучие советских граждан, превратился в самоцель. При этом целевая задача «в кратчайший исторический срок догнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» решалась во многом на основе количественных показателей. В то же время социальная политика трансформировалась из основной составляющей государственной политики – во второстепенную, девальвируя само значение «социалистического» курса.

Принесение в жертву форсированной индустриализации сельского хозяйства, легкой промышленности, социальной сферы, привело к их деградации. Огромные инвестиции в закупку западного оборудования и технологий, не подкрепленные соответствующей кадровой политикой, нередко приводили к снижению эффективности производства: производительность труда падала, росла доля некачественной продукции.

Тем не менее советская экономическая наука времен нэпа привнесла в мировую копилку принципы долгосрочного планирования, основы математического моделирования в экономике, и т.д., использованные при разработке пятилетнего плана, при увязке его разделов и показателей.

Историки последних двух десятилетий хорошо потрудились над выявлением противоречий нэпа. Поиск способов преодоления этих противоречий важен не только при изучении исторического прошлого, но и в целях лучшего понимания настоящего и будущего многоукладной экономики России.

Литература

- Атлас З. В.* Социалистическая денежная система. М.: Финансы, 1969. 384 с.
- Васютин В. Ф.* Урало-Кузбасс во втором пятилетии. Основные линии развития (переработанный и дополненный доклад, прочитанный на первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил). М.: Советская Азия, 1932. 71 с.
- Верт Н.* История Советского государства. 1990–1991. М.: Прогресс; Прогресс-Академия. 1992. 480 с.
- Гладков И. А.* К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 106–142.
- Гухман Б. А.* К критике построений пятилетнего плана развития промышленности СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 10. С. 120.
- Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. Часть. 1. М.: РОССПЭН. 2011. 863 с.
- Дэвис Р., Хлевнюк О. В.* Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–107.
- Есиков С. А.* Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.
- Жибарев П. Б.* Индустриализация СССР – великий подвиг советского народа. М.: Изд-во МГУ. 1969. 328 с.
- История социалистической экономики СССР в семи томах. Т. 3. Создание фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932 гг. М.: Наука, 1977. 532 с.
- Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. В 5 томах. М.: МФ Демократия, 2000.
- Кондрашин В. В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты. М.: РОССПЭН, 2014. 352 с.
- Левин М. И., Шевелева И. В.* Иностранские концессии в СССР в 1920-е: «почему расстались»? // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 139–158.
- Лельчук В. С.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 384 с.
- Лельчук В. С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
- Рогалина Н. Л.* Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации. Экономическая история. Ежегодник. М.: Изд-во Ин-т рос. истории РАН, 2006. С. 366–384.
- Рогачевская Л. С.* Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства. Россия в XX веке. Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. 750 с. С. 410–420.
- Соколов А. С.* Сворачивание нэпа: экономические факторы // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 122–129.
- Сталин И. В.* Сочинения. Том 13. Июль 1930 – январь 1934. М.: Госполитиздат, 1951. 423 с.
- Фельдман М. А.* Конец «романтической» эпохи (Дискуссия на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) о выборе пути, форм и методов «социалисти-

ческой» модернизации) // *Общественные науки и современность*. 2019. № 3. С. 135–148.

Фельдман М. А. Дискуссии на Пленумах ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: борьба и взаимодействие социалистической Утопии и Индустриального проекта // 1929: «Великий перелом» и его последствия. Материалы XII Международной научной конференции. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019. М.: РОССПЭН. 2020. С. 695–724.

Хавин А. Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М: Госполитиздат. 1962.

Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

Черемисинов Г. А. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27–1928/29). Экономическая история. Ежегодник. М.: Изд-во Ин-т рос. истории РАН, 2006. С. 323–365.

Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. / Под ред. С. А. Красильникова. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2011. 994 с.

Шпотов Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 316 с.

Статья поступила 28.10.2020.

Статья принята к публикации 02.11.2020.

Для цитирования: *Фельдман М. А.* Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта? // ЭКО. 2021. № 3. С. 59-80. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-3-59-80.

Summary

Feldman, M.A., *Doct. Sci. (History), Ural Institute of Management is a Branch of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg*

Could the NEP Economy Have Become the Basis of an Industrial Project?

Abstract. The USSR's socio-economic development, as well as the evolution of scientific thought during the NEP period, allowed the development of a Five-year plan for national economic construction. The concept of the first five-year plan was extensive: for the first time in global history, the state plan outlined a proportional and balanced development of regional and sectoral potentials; a wide range of social programs. The clash between the rational and utopian courses of implementing five-year plan tasks – one of the most dramatic pages in Soviet history – passed through the destinies of people. For some, it was a path to enlightenment. For others, a path of blind order following. The paper clarifies a number of key issues in the history of the twentieth century: could the NEP economy become the basis of an industrial project? What was the process of understanding the results of the first five-year plan? Did this include rethinking and re-evaluating the country's path in the 1920s?

Keywords: *First Five-year plan; plan; USSR; industry; party; nep; economy; plenum CC; industrialization; ideology; planning*

References

- Atlas, Z.V. (1969). Socialist monetary system, Moscow. Finance. Publ. 384 p. (In Russ.).
- Cheremisinov, G.A. (2006). Use of reserves for extensive growth of state entrepreneurship in the USSR (1926/27– 1928/29). *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*. Moscow. Publishing house of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. Pp. 323–365. (In Russ.).
- Danilov, V.P. (2011). History of the Russian peasantry in the twentieth century. Selected works: in 2 hours. Part. 1. Moscow. ROSSPEN Publ. 863 p. (In Russ.).
- Davies, R., Khlevnyuk, O.V. (1994). The second five-year plan: the mechanism for changing the economic course. *Otechestvennaya istoriya*. No. 3. Pp. 92–107. (In Russ.).
- Feldman, M.A. (2019). The end of the “romantic “era (Discussion at the April (1929). Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) on the choice of ways, forms and methods of” socialist “ modernization). *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. No. 3. Pp. 135–148. (In Russ.).
- Feldman, M.A. (2020). Discussions at the plenums of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929: the struggle and interaction of the socialist Utopia and the Industrial project. *Velikij perelom i ego posledstviya. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*.
- Gladkov, I.A. (1935). To the history of the first five-year national economic plan. *Planovoe hozyajstvo*. No 4. Pp. 106–142. (In Russ.).
- Gukhman, B.A. (1928). To the criticism of the construction of the five-year plan for the development of the USSR industry. *Planovoe hozyajstvo*. No. 10. Pp. 113–138. (In Russ.).
- History of the socialist economy of the USSR in seven volumes. Vol. 3. Creation of the Foundation of the socialist economy in the USSR. 1926–1932 (1977). Moscow. Nauka. Publ. 532 p. (In Russ.).
- How the NEP was broken. The transcripts of plenums of the Central Committee of the VKP (b) 1928–1929 5 volumes. Moscow. MF Democracy Publ. (In Russ.).
- Khavin, A.F. (1962). A brief outline of the history of industrialization of the USSR. Moscow. Gospolitizdat. (In Russ.).
- Khlevnyuk, O.V. (2010). Owner. Stalin and the assertion of the Stalinist dictatorship. Moscow. ROSSPEN Publ. 478 p. (In Russ.).
- Kondrashin, V.V. (2014). Grain procurement policy during the first five-year plan and its results. Moscow. ROSSPEN Publ. 352 p. (In Russ.).
- Lelchuk, V.S. (1975). Socialist industrialization of the USSR and its coverage in Soviet historiography, Moscow. Nauka Publ, 312 p. (In Russ.).
- Lelchuk, V.S. (1984). Industrialization of the USSR: history, experience, problems. Moscow. Politizdat. 384 p. (In Russ.).
- Levin, M.I., Sheveleva, I.V. (2016). Foreign concessions in the USSR in the 1920s: “why did they break up”? *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 139–158. (In Russ.).
- Rogachevskaya, L.S. (1994). Alternatives to the first five-year plan for the development of the national economy. *Rossiya v XX veke. Istoriki mira sporyat*. Moscow. Nauka Publ. 750 p. Pp. 410–420. (In Russ.).

Rogalina N.L. (2006). Industrialization under the NEP and prospects for Soviet modernization. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*. Moscow. Publishing house of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. Pp. 366–384. (In Russ.).

Shpotov, B.M. (2013). American business and the Soviet Union in the 1920s and 1930s. La-birinty economic cooperation. Moscow. Book house “LIBROCOM” Publ, 316 p. (In Russ.).

Sokolov, A.S. (2020). Of the NEP: economic factors. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 122–129. (In Russ.).

Stalin, I.V. (1951). Essays. Volume 13. July 1930 – January 1934. Moscow. Gospolit-Izdat. 423 p. (In Russ.).

The Shakhty trial of 1928 Preparation, implementation, results. In 2 books edited by S.A. Krasilnikov). (2011). Vol. 1. Moscow. ROSSPEN Publ. 994 p. (In Russ.).

Vasyutin, V.F. (1932). Ural-Kuzbass in the second five-year period. Main lines of development (revised and supplemented report read at the first all-Union conference on the placement of productive forces). *Trudy Pervoy Vsesoyuznoj konferencii po razmeshcheniyu proizvoditel'nyhsil SSSR*. Moscow. Sovetskaya Aziya. 71 p. (In Russ.).

Vert, N. (1992). History of the Soviet state. 1990–1991. Moscow. Progress; Progress Academy Publ. 480 p. (In Russ.).

Yesikov, S.A. (2010). Russian village during the NEP years: On the question of alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region). Moscow. ROSSPEN Publ. 246 p. (In Russ.).

Zhibarev, P.B. (1969). Industrialization of the USSR – the great feat of the Soviet people. Moscow. MSU publishing house Publ. 328 p. (In Russ.).

For citation: Feldman, M.A. (2021). Could the NEP Economy Have Become the Basis of an Industrial Project? *ECO*. No. 3. Pp. 59-80. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-59-80.

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-81-87

К столетию Новой экономической политики. Интервью с Г. И. Ханиным

Аннотация. Интервью со статистиком и специалистом в области экономической истории доктором экономических наук Г. И. Ханиным посвящено обсуждению одному из наиболее спорных периодов развития отечественной экономики, а именно Новой экономической политики (нэпа), провозглашенной 100 лет назад. Дискуссии среди экономистов ведутся как вокруг глубины и последовательности реформ, проводившихся в 1920–1929 гг., так и их эффективности. Часть экономистов связывают быстрый экономический рост в этот период с эффектом низкой базы (восстановительный рост) и обосновывают неизбежность отказа от политики нэпа. Другие доказывают, что продолжение этой политики было бы плодотворным для отечественной экономики и индустриализация страны могла быть осуществлена с меньшим числом жертв и более органично. К тому же последующие экономические реформы в СССР и других социалистических странах в определенной мере опирались на опыт нэпа.

Ключевые слова: Новая экономическая политика; нэп; буржуазные специалисты; классовая политика; эффективность экономики; рыночные реформы; экономическая деградация

Гириш Ицкович Ханин, несомненно, является одним из ведущих специалистов нашей страны в области экономической истории. Его многотомная монография по новейшей истории экономики России охватывает период с конца 1930-х фактически по настоящее время, но есть и статьи, посвященные предшествующим периодам. Недавно вышла его книга «Воспоминания экономиста», содержащая, помимо прочего, характеристику эволюции экономической ситуации в стране¹. Наш сегодняшний разговор – о 1920-х годах, судьбе Новой экономической политики (нэпа), столетие провозглашения которой следовало бы отметить в этом году.

В.К.: *Первый вопрос касается самого политического решения руководителей советского государства о резкой смене экономического курса. В какой мере переход к политике нэпа был вынужденным шагом?*

Г.Х.: Введение нэпа было исключительно вынужденным решением. Еще в начале 1921 г. принимались меры по дальнейшей натурализации экономики. Кризис военного коммунизма был определен Кронштадтским мятежом, целым рядом крупных и мелких крестьянских восстаний, забастовками рабочих в ряде городов страны. Провалился и продуктообмен, введенный после перехода от продрозверстки к продналогу для ограничения товарно-денежных

---

¹ Ханин Г.И. «Воспоминания экономиста». URL: <https://www.blurb.com/b/10588360-economist-s-memories>

отношений. Поэтому пришлось пойти на ограниченное разрешение частной собственности в торговле, мелкой промышленности и ремесле и оздоровление денежного обращения.

В.К.: *Какую роль в формулировке и принятии решений сыграли «буржуазные специалисты» и какую – партийные лидеры? Как развивался между ними политический диалог в ходе реализации нэпа?*

Г.Х.: Нэп был введен политическим решением руководства партии. Но ввиду того, что эти руководители, включая и Ленина, были крайне слабо осведомлены о практике рыночной экономики, им пришлось полагаться в значительной степени на мнение специалистов, оставшихся в наследие от царизма и Временного правительства. Лишь часть их эмигрировала или была выслана с «философским пароходом». К чести тогдашнего политического руководства, у многих из них хватило ума и образованности, чтобы оценить квалификацию некоммунистических экономистов.

«Буржуазные спецы» в большом количестве были вовлечены в деятельность таких экономических органов, как Госплан, ВСНХ, Наркомат финансов, Госбанк, Наркомат внешней торговли, наркомат внутренней торговли, тресты и синдикаты, отраслевые банки. Впрочем, в коммунистическом лагере тоже были выдающиеся экономисты, назвать хотя бы С.Г. Струмилина. И до 1926 г. они в своих прогнозах оказывались более точными, чем большинство наиболее видных некоммунистических экономистов.

В.К.: *Насколько системной и последовательной была экономическая политика и принимаемые решения в первый период нэпа (условно до 1925 г.)? Субъектам экономики дали время для адаптации к меняющимся условиям?*

Г.Х.: Нэп, как это часто бывает в политической и экономической жизни, вводился методом проб и ошибок. Например, с введением единого денежного обращения в стране большевики явно запоздали, все можно было сделать раньше, избежав многих потерь. И в дальнейшем наблюдались многочисленные колебания в определении экономической политики. Достаточно упомянуть борьбу в руководстве партии по вопросам о монополии внешней торговли или о реагировании на кризис сбыта летом 1923 г. Это привело уже к 1925 г. к существенной модификации нэпа в сторону ограничения товарно-денежных отношений и усиления государственного регулирования экономики.

Субъекты экономики, конечно, с трудом приспособлялись к условиям нэпа. Но даже когда большинство из них более или менее освоилось в новом режиме, у значительной части населения, среди рядовых коммунистов и некоторых руководителей партии сохранялось недовольство им в связи с растущей дифференциацией доходов, массовой безработицей, растущей преступностью, коррупцией, неспособностью вписаться в новые требования, потерей первоначальных идеалов Октябрьской революции, реальной опасностью буржуазного перерождения советской власти.

В.К.: *Возможно ли в принципе успешное развитие рыночной экономики и формирование рыночных институтов в условиях массового террора (вспомним хотя бы «расказачивание»), классовой политики в области налогообложения и неравноправия предприятий различных форм собственности?*

Г.Х.: Массового террора в период нэпа не было. Он носил ограниченный характер. Это обстоятельство, кстати, содействовало позитивному облику нэпа в глазах современников и историков в сопоставлении с периодом военного коммунизма и 1930-ми годами. Классовая политика в области налогообложения и другие меры дискриминации частного сектора вводились уже на втором этапе нэпа – начиная с 1926 г., и, конечно, оказали, наряду с другими факторами, негативное влияние на экономическое развитие СССР. Прежде всего, на сельское хозяйство, ремесло, мелкую промышленность и частную торговлю, сельскохозяйственный экспорт.

В.К.: *Каковы были темпы восстановления народного хозяйства в 1922–1928 гг. и в какой степени был успешен нэп с точки зрения восстановления народного хозяйства и повышения уровня жизни населения?*

Г.Х.: Для оценки хозяйственных итогов нэпа следует учитывать (чего не делают многие экономические историки) искажения действительности советской официальной статистикой в этот период. Они были, конечно, гораздо меньше по масштабам, чем в 1930-е годы, но по мировым меркам весьма значительными. Речь идет о завышении темпов роста промышленной продукции и производительности труда в промышленности, роста национального дохода и объема основных фондов. Наиболее значительным было занижение (примерно в два раза) стоимости основных фондов. Это приводило к занижению амортизации, себестоимости и завышению финансовых результатов.

Тем не менее в 1922–1928 гг. экономика, безусловно, значительно выросла. Это практически всегда бывает после завершения войн, хотя в СССР дело осложнялось разрывом в период Гражданской войны межрегиональных хозяйственных связей. Наиболее быстрым был экономический рост в 1922–1925 гг. Он постепенно замедлялся в последующем в связи с ограничениями частного сектора и исчерпанием резервов производственных мощностей, оставшихся от дореволюционной экономики, завершением восстановительного периода. Уровень жизни населения значительно вырос в этот период, как и уровень образования и здравоохранения. Ограниченным по сравнению с предыдущим и последующим периодом был товарный дефицит, но товарный голод был во все годы нэпа.

Во многом это повышение уровня жизни было достигнуто за счет сильного ограничения расходов на вооруженные силы и объема капитальных вложений, включая жилищное и коммунальное строительство. Почти ежегодно нэповскую экономику сотрясали общехозяйственные кризисы. Блага от повышения уровня потребления распределялись весьма неравномерно.

Эффективность же экономики хотя и росла, оставалась довольно низкой. В 1928 г., вопреки официальной статистике, по моим оценкам и оценкам ряда других экономистов, объем ВВП не достиг уровня 1913 г., а по уровню совокупной факторной производительности, по моим оценкам, значительно отставал от уровня 1913 г. Усилилось отставание СССР от западных стран по уровню новых отраслей экономики и оснащению вооруженных сил.

Реальная рентабельность промышленности и транспорта, по моим расчетам, к концу периода была близкой к нулю. Это ограничивало ресурсы для обновления основных фондов. Размер выбытия основных фондов приближался к их вводу. Не было средств и для перевооружения армии. Фактически страна жила не по средствам. Это означает, что к концу 1920-х годов нэп себя исчерпал.

В.К.: *В СССР неоднократно предпринимались попытки экономических реформ, предполагавшие расширение самостоятельности предприятий и использование отдельных элементов рыночной экономики для стимулирования технологического перевооружения и повышения эффективности использования ресурсов. Сыграл ли опыт нэпа какую-то роль при подготовке этих реформ?*

Г.Х.: Думаю, да. На позицию ряда экономистов при разработке экономических реформ по децентрализации экономики и расширению товарно-денежных отношений опыт нэпа оказывал значительное влияние, наряду с опытом Югославии и капиталистических стран.

В первую очередь это относится к экономистам и государственным деятелям, которые помнили период нэпа по личным впечатлениям. Особенно их привлекали малый размер товарного дефицита и ограниченность политических репрессий, большие возможности художественного и научного творчества. Несколько десятилетий и я был большим сторонником нэпа, и даже считал, что отказ от него был ошибкой, пока в 1989 г. не провел его более глубокий анализ на основе альтернативных экономических оценок и не выявил исчерпание его возможностей к концу 1920-х годов.

В.К.: *Однажды в моем присутствии В.Г. Венжер² говорил о том, что если бы нэп не был свернут, и развитие страны продолжалось в соответствии с идеями Н.И. Бухарина и его, то социалистическая экономика расцвела бы и без тех жертв, которые страна понесла в 1930-е и последующие годы. В качестве примера он привел Китай, проводивший индустриализацию и демонстрировавший уже в 1980-е годы бурный экономический рост. Можно сослаться также на опыт Вьетнама и Лаоса, сохранивших ведущую роль компартий, но реализовавших масштабные экономические реформы. Так были ли перспективы у нэпа в нашей стране?*

Г.Х.: В.Г. Венжер был достойным человеком и прекрасным знатоком советского сельского хозяйства. Но он не был знатоком макроэкономической статистики вообще и ее состояния в период нэпа, в частности. И вообще не занимался макроэкономическими проблемами.

Безусловно, между развитием Китая в 1980-е годы (как и Вьетнама и Лаоса) и периодом нэпа в СССР было немало общего. Прежде всего – низкий исходный экономический уровень. Я слишком слабо знаю историю и экономику этих стран, чтобы всесторонне сопоставить неудачу с советским нэпом и очевидные успехи Китая.

---

² Советский экономист-аграрник. Считается теоретиком русского кооперативного социализма.

Но хочу обратить внимание на различный международный контекст. В 1980-е годы в мире не было развитых капиталистических стран с сильными устремлениями к завоеванию жизненного пространства, в отличие от положения в 1920-е годы, когда эти устремления были сильны в Германии и Японии. Больше того, экономическое и военное укрепление Китая как противовеса СССР отвечало интересам США и Запада в целом. СССР в 1920-е годы существовал в гораздо более жестких условиях.

В.К.: *Можно ли считать нынешний период экономического и политического развития России «угаром нэпа» в терминологии Остапа Бендера?*

Г.Х.: На мой взгляд, в состоянии нынешней РФ и СССР периода нэпа немало общего. Самое главное, что объединяет эти периоды – это жизнь не по средствам. По подсчетам Д. А. Фомина, учитывающим реальную стоимость основных фондов, основные фонды РФ непрерывно сокращаются начиная с 1992 г. За 1991–2015 гг. их остаточная стоимость уменьшилась почти в два раза. Лишь сдвиги в сторону сферы услуг и улучшение использования основных фондов в результате рыночных реформ предотвратили катастрофическое падение ВВП, который так и не достиг уровня РФ в 1990 г. Это обрекает Россию на дальнейшую экономическую и социально-политическую деградацию при сохранении прежнего курса экономической политики.

Объединяет также огромный уровень экономической преступности и сильное социальное расслоение, которое в современной России намного больше, чем в нэповском СССР.

В.К.: *Не кажется ли вам, что отказ от нэпа произошел из-за предчувствия мировой войны, а советская индустриализация стала естественной подготовкой к этой войне? И в связи с этим, нет ли ощущения подобного развития событий и в настоящее время?*

Г.Х.: На мой взгляд, опасения возможности войны с некоторыми более развитыми капиталистическими странами играли важную роль в отказе от нэпа. Вооруженные силы СССР в конце 1920-х гг. были в два раза ниже по численности, чем в царской России, и катастрофически отставали в количественном и особенно качественном отношении от передовых западных стран. Для преодоления этого отставания требовалось создание современной военной промышленности и комплекса отраслей, необходимых

для ведения длительной войны. Это практически вся тяжелая промышленность, которая в нэповском СССР развивалась слабо. Поэтому ускоренное развитие тяжелой промышленности (группа А) в ущерб группе Б и сельскому хозяйству были целью советской экономики все 1930-е гг.

Ничего общего с этим положением нет в настоящее время. Пока не видно развитых стран, ищущих жизненного пространства. А самое главное – РФ обладает мощным ракетно-ядерным потенциалом, при котором любое нападение на нее является самоубийством.

КЛИСТОРИН В.И., доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Summary

Klistorin, V.I., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

On the Centenary of the New Economic Policy. Interview with G.I. Khanin

Abstract. The interview with G.I. Khanin, the statistician and expert in the field of economic history, centers on the most debated and controversial periods of the development of the domestic economy, namely the New Economic Policy (NEP), proclaimed a hundred years ago. Such discussions among economists focus on the depth and consistency of the reforms carried out in 1920–1929, as well as their effectiveness. Some economists attribute rapid economic growth during this period to the low base effect (recovery growth) and some economists justify the inevitability of abandoning the NEP. Others argue that the continuation of this policy would be fruitful for the domestic economy, and the industrialization of the country could be carried out with fewer victims and more organically. Moreover, the subsequent economic reforms in the USSR and other socialist countries were based to some extent on the NEP experiences.

Keywords: *New Economic Policy; NEP; bourgeois specialists; class-motivated policy; economic efficiency; market reforms; economic degradation*

Статья поступила 02.02.2021.

Статья принята к публикации 10.02.2021.

Для цитирования: *Клисторин В. И.* К столетию Новой экономической политики // ЭКО. 2021. № 3. С. 81-87. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-81-87.

For citation: Klistorin, V.I. (2021). On the Centenary of the New Economic Policy. Interview with G.I. Khanin. *ECO*. No. 3. Pp. 81-87. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-81-87.

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-88-105

Стратегия развития обрабатывающей промышленности: иллюзия прорыва¹

А.В. АЛЕКСЕЕВ, доктор экономических наук. E-mail: avale@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5951

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье рассмотрены теоретико-методологические основы разработки Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года. Показано, что некритический подход разработчиков к современным концепциям глобальной экономики, с одной стороны, формирует методологически спорную базу стратегии, с другой – ставит под сомнение как ее цели, так и средства их достижения. Обосновывается вывод о невысокой ценности стратегии как инструмента стратегического планирования – на том основании, что в ней нет четко прописанных зон ответственности государства и бизнеса за реализацию продекларированных целей.

Ключевые слова: стратегия; сценарии развития; глобальная экономика; государственное регулирование; промышленная политика; рыночный механизм; институты

...И можно вас попросить не исчезать и не появляться все время так внезапно, а то у меня прямо голова кружится!

– Договорились, – сказал Кот и на этот раз действительно стал исчезать по частям, не спеша: сначала пропал кончик хвоста, а потом постепенно все остальное; наконец осталась только одна улыбка, – сам Кот исчез, а она еще держалась в воздухе.

Алиса в стране чудес. Л. Кэрролл

Российские экономические достижения последнего десятилетия трудно признать удовлетворительными. Темпы роста ВВП в этот период составляли в среднем около 1% в год, причем в 2020 г. этот показатель точно не улучшится. Если абстрагироваться от финансового кризиса 2008–2009 гг. и периода посткризисного восстановления экономики, то экономические

---

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

результаты последних шести лет (2013–2019 гг.) окажутся еще хуже.

Столь длительный застой нельзя объяснить привходящими обстоятельствами, какими бы существенными они ни были. Он свидетельствует о том, что модель, лежащая в основе российской экономики, более не способна обеспечивать её рост. Продолжающаяся стагнация, деградация целых отраслей экономики из экономической проблемы постепенно превращается в социально-политическую.

Спектр предложений по выводу российской экономики из стагнационного режима воспроизводства чрезвычайно широк и является предметом отдельного рассмотрения. Мы же на основе утвержденной в начале июня 2020 г. Председателем Правительства РФ **Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года**² (далее – Стратегия) рассмотрим видение этой задачи Правительством РФ. Стратегия определяет основные направления государственной промышленной политики в отношении обрабатывающих производств и представляет безусловный интерес с точки зрения понимания перспектив развития российской экономики.

Основные положения Стратегии

Стратегия позиционируется как *«основной документ стратегического планирования в сфере промышленности»*. Взгляд, правда, останавливается на продолжении этой фразы: *«и скоординирована с реализацией основных документов стратегического планирования»* (С. 1). Таких документов не так уж мало, при этом некоторые из них приняты довольно давно.

Так, *«Стратегия синхронизирована с национальными проектами, условиями присутствия и присоединения Российской Федерации к международным торговым партнерствам. Положения Стратегии учитывают обязательства Российской Федерации вследствие членства во Всемирной торговой организации и Евразийском экономическом союзе»* (С. 2). Пол-

---

² Национальная Ассоциация нефтегазового сервиса. URL: <https://nangs.org/docs/pravitelstvo-rf-rasporjazyhenie-ot-06-06-2020-g-1512-r-svodnaya-strategiya-razvitiya-obrabatyvayushchej-promyshlennosti-rossijskoj-federatsii-do-2024-goda-i-na-period-do-2035-goda-pdf>

ное игнорирование Стратегией норм ВТО и обязательств РФ в ЕАЭС было бы странным, но все же остается вопрос: «А если интересы России в современных геополитических условиях требуют принимать решения, не полностью совпадающие с духом и буквой норм ВТО, будут они приняты или нет?». При этом *«отраслевые стратегии и иные документы стратегического планирования в отдельных отраслях промышленности подлежат приведению в соответствие со Стратегией и применяются как инструменты ее реализации»* (С. 2).

Положение в экономике

В Стратегии очень кратко охарактеризованы роль обрабатывающих производств в экономике России и их состояние. Подчеркивается, что обрабатывающие производства формируют около 14% ВВП РФ. Это больше чем, например, в США (11,2% ВВП в 2017 г.), но меньше, чем в ФРГ (20,4%, 2018 г.) и, тем более, в Китае (27,8% ВВП, 2018 г.)³. Вопрос о том, достаточен ли вклад обрабатывающих производств в создание ВВП страны, не ставится. В дальнейшем темпы роста обрабатывающих производств обсуждаются, но поскольку приоритеты развития других видов экономической деятельности остаются вне поля зрения Стратегии, этот вопрос остается открытым.

Современный уровень развития российских основных фондов характеризуется, по сути, одним, но емким показателем: *«средний фактический срок службы машин и оборудования в обрабатывающей промышленности составляет 23 года»* (С. 3). В США – 8,8 года (при учете оборудования по рыночной стоимости)⁴ и 7,4 года (по балансовому методу учета оборудования)⁵. То есть необходимость разработки Стратегии не вызывает сомнений.

Здесь же делается сильное утверждение, правда, без приведения подтверждающих статистических данных: *«Кардинальное тех-*

³ The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#>

⁴ The U. S. Bureau of Economic Analysis URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=10&step=2 Table 3.9E. Current-Cost Average Age at Yearend of Private Equipment by Industry>

⁵ The U. S. Bureau of Economic Analysis URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=10&step=2 Table Table 3.10ESI. Historical-Cost Average Age at Yearend of Private Fixed Assets by Industry>

ническое перевооружение мощностей оборонно-промышленного комплекса позволило с 2010 года до начала 2020 года перейти к массовому производству инновационной продукции и сформировать абсолютно новый облик вооружения страны» (С. 3). То есть последовательный и жесткий курс государства на обновление основных фондов в жизненно важном секторе народного хозяйства способен не просто решить сложнейшую задачу, но и сделать это на соответствующем инновационном уровне, вообще говоря, практически без помощи рынка. Правда, этот тезис не очень хорошо сочетается с дальнейшими положениями Стратегии.

В положительном ключе отмечается тот факт, что *«вследствие импортозамещения зависимость российской экономики (доля импортной продукции на внутреннем рынке) по промышленным товарам сократилась с 49 процентов в 2014 году до примерно 40 процентов к началу 2020 года»* (С. 5). Здесь с авторами Стратегии нельзя не согласиться, но, строго говоря, в бизнесе зависимость от одного клиента более чем на 25% (по некоторым оценкам, на 15%) [Колотилов, 2019] считается **критической зависимостью**.

Поставщиков импортной продукции и технологий в РФ, конечно, достаточно, но эта множественность пропадает при активации очень немногих центров, регулирующих деятельность таких поставщиков. В этом смысле 40% зависимости от импорта вкупе с *«отсутствием производства на территории страны целого ряда образцов комплектующего оборудования»* представляется совершенно неприемлемой.

Определенные сомнения вызывает раздел **Государственная промышленная политика**. В нем упомянуты многочисленные отраслевые стратегии, государственные программы, десятки *«отраслевых документов стратегического значения»*. Однако продемонстрированные в первой части документа результаты действия этого стратегического улья не дают прямого ответа на вопрос: «Какой из принципов разработки стратегических документов более эффективен: иерархический (каждый последующий уровень управляется более высоким) или согласовательный (каждый документ действителен лишь в той мере, в какой он не противоречит другим документам)?».

Обсуждаемая Стратегия явно построена по второму принципу и представленная в разделе версия ответа на поставленный

вопрос *«Естественными ограничивающими факторами для реализации государственной промышленной политики являются возможности федерального бюджета и требования правового регулирования, в том числе обеспечивающие развитие других отраслей экономики и социальной сферы»* (С. 6) косвенно признает, что потенциал используемого подхода невелик.

Раздел **Ключевые вызовы и возможности для развития обрабатывающей промышленности** производит странное впечатление. Если в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации⁶, принятой еще в 2016 г., представлены семь вызовов, стоящих перед российским обществом (в том числе исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов; новые внешние угрозы национальной безопасности; необходимость эффективного освоения и использования пространства), то в анализируемой Стратегии вызовы обсуждаются скорее в терминах спроса и предложения: *«Спрос бизнеса на средства производства потенциально высокий, но фактически невелик из-за наблюдаемой инвестиционной паузы (прирост инвестиций в основной капитал в 2019 году составил 1,7 процента к уровню 2018 года)», «Усиление глобальной неустойчивости мировой экономики в начале 2020 года привело к нарастанию экономического национализма во всем мире», «Замедление мирового товарооборота продолжится и станет серьезным препятствием для экспортной экспансии российской продукции»* (С. 7). При этом ответа на неприятный вопрос: *«Кто виноват в инвестиционной паузе?»* нет.

Авторы Стратегии как будто ищут опору на тонком льду теории нарастающей глобализации мировой экономики [Mason, 2015]. Наблюдаемые в последние годы резкие изменения характера протекания глобализационных процессов, периодически возникающие обратные волны глобализации, изменение правил игры на мировом рынке, в том числе усиление санкционных войн, остаются вне фокуса внимания разработчиков Стратегии. В результате национальная экономика рассматривается не как самодостаточная ценность, своего рода альфа и омега экономического развития, а в качестве *«базовой платформы для создания и апробации новой*

---

⁶ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

продукции с последующей экспортной экспансией», правда, все же *«при безусловном обеспечении национальной безопасности»* (С. 8).

Конечно, нет ничего плохого в завоевании зарубежных рынков, но, может, все же следует сосредоточиться на снижении критической зависимости российской экономики от зарубежных поставщиков, которая все жестче препятствует дальнейшему социально-экономическому развитию. На первый взгляд, один подход не противоречит другому, просто задаются немного разные приоритеты. Различие действительно тонкое, но на практике изменение очередности меняет все – кому выделяются ресурсы, кто развивается быстрее, обсуждение каких вопросов находится в повестке дня.

Цели и задачи реализации Стратегии

Один из важнейших разделов – **Цели и задачи реализации Стратегии**. Даже небольшая неточность здесь создает риски концентрации усилий не на том направлении, а то и вовсе погони за миражами.

Ценности, на которых строится Стратегия, к этому разделу уже определены. Поэтому формулировка цели ожидаема: *«Целью Стратегии является формирование в Российской Федерации промышленного сектора с высоким экспортным потенциалом, способного конкурировать в глобальном масштабе, обеспечивающего достижение национальных целей развития»* (С. 8). И все же адекватность этой формулировки долгосрочным интересам развития экономики России не вполне очевидна. Действительно, можно иметь промышленный сектор с высоким экспортным потенциалом, но при этом оставаться уязвимой экономикой [Аганбегян, 2019]. В Стратегии эта проблема обозначена, но оценки, насколько она серьезна и, соответственно, в какой мере ограниченные ресурсы следует направлять на решение проблемы независимости по критическим технологиям, а в какой – на оттачивание экспортного потенциала, нет.

По духу анализируемого документа, используемым в нем формулировкам видно, что ценности ориентации на глобальный рынок явно доминируют над идеей создания относительно независимой от остального мира национальной экономики. Между тем постановка вопроса о формировании относительно

самодостаточной экономики, представлявшаяся нелепой еще несколько лет назад, *вдруг* стала весьма актуальной.

Действительно, много ли пользы от отдельных конкурентоспособных экспортоориентированных производств в условиях критической зависимости национальной экономики от ряда продуктов, технологий и услуг, когда ей по каким-либо причинам перекрывается доступ как к экспорту, так и к импорту? А ведь данная угроза не просто гипотетически возможна, но и вполне реальна, причем вероятность ее реализации прямо пропорциональна степени зависимости национальной экономики от остального мира. При этом, что представляется особенно важным, верно и обратное.

В Стратегии вовсе не утверждается, что достижение технологической независимости – это неважно. Скорее в ее основе лежит неявное допущение, что по мере роста экспортного потенциала промышленного сектора проблема технологической независимости будет решаться сама собой. Если это так, то данное допущение, по крайней мере, на среднесрочном временном горизонте, ошибочно. Нельзя быть сильным во всем, во всяком случае – сразу. Чтобы создать производства с высоким экспортным потенциалом, необходимы *очень* большие инвестиции (как мы увидим далее, ничего подобного не предполагается). Возможных к мобилизации финансовых ресурсов точно не хватит для осуществления инвестиций «по всему фронту». Все равно придется выбирать между условной технологической независимостью и экономической эффективностью ограниченного инвестиционного ресурса. Стратегия дает ориентир для этого выбора. Хорошо, если в конечном счете этот выбор окажется верным, а если нет?

Количественные показатели достижения цели Стратегии не амбициозны – 104,5% роста по отраслям обрабатывающей промышленности в 2023–2025 годах «с *дальнейшим снижением до 103 процентов в 2031–2035 годах*» (С. 8). Более высокие темпы роста 2023–2025 гг., очевидно, связаны с низкой базой ожидаемо провальных 2020–2021 гг., а 2026–2030 гг. почему-то вообще не упомянуты. Трехпроцентный прирост, возможно, не такой плохой показатель, по меркам развитых в промышленном отношении стран, но российскую экономику к этой категории относить рано [Алексеев, Кузнецова, 2019]. Чтобы перейти в новое качество,

нужен ускоренный рост промышленного сектора, а этого как раз и не предусмотрено.

Для достижения цели Стратегии предполагается решение четырех задач.

Задача 1. *«Ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов их общего числа»* (С. 8). Эта задача как раз достаточно амбициозна. По данным Росстата, в 2011 г. значение рассматриваемого показателя составило 13,3% и до 2016 г. (последний год, по которому представлены данные) практически не менялось. С использованием инноваций в России вообще беда: в 2016 г. по всем видам экономической деятельности инновационная активность российских компаний составила 8,4%, в то время как, например, в Германии еще в 2011 г. она достигла 64,2%⁷ (к 2015 г., правда, снизилась до 52,6%). То есть российская перспектива – это далекая европейская ретроспектива.

Что дает основание ожидать, что данная задача будет успешно решена, не вполне ясно. Говорится о стимулировании, поддержке технологической активности субъектов промышленной деятельности, регуляторной технологической политике. Но эти подходы обсуждаются уже не первое десятилетие, и их результаты, как показано в тексте Стратегии, скромны. Почему они сработают в будущем, читателям Стратегии предлагается догадываться самим. Казалось бы, здесь самое место определиться с инвестициями, за счет которых только и возможно инновационное преобразование технологической системы, но разработчики Стратегии ограничиваются лишь упоминанием о наличии механизма специальных инвестиционных контрактов и избегают впрямую говорить о крупных инвестиционных программах, тем более – об источниках их финансирования.

Формулировка задачи 2 *«Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в промышленности благодаря увеличению затрат на внедрение цифровых технологий за счет всех источников до 5,1 процента создаваемой валовой добавленной стоимости»* представляется более убедительной. Можно спорить, почему именно 5,1% и почему уже после 2024 г. эту долю увеличивать не стоит,

---

⁷ Индикаторы инновационной деятельности: 2017. Стат. сборник. М.: ГУ-ВШЭ, 2017. С. 300.

но более чем удвоение затрат на цифровизацию за достаточно короткий период (с 2020 г. по 2024 г.) – все же достойная задача.

Формулировка задачи 3 *«Вхождение Российской Федерации в число 5 крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности путем роста производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики темпами не ниже 5 процентов в год»* (С. 10) – одна из самых уязвимых в тексте Стратегии. Сравним ее с положением Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации *«достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. В 2015–2020 гг. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП (по паритету покупательной способности)»*⁸.

Напомним, Концепция была принята еще в 2008 г. Таким образом, в 2020 г., когда Россия уже должна бы войти в пятерку стран-лидеров по ВВП, принимается новая стратегия, где эта же цель (и примерно те же средства ее достижения) снова относится на будущее, причем точная дата уже не указывается. Возникает ощущение, что разработчики российских программных документов гонятся за горизонтом. Получается неловко.

Ответственность за решение задачи 4 *«Достижение объема экспорта конкурентоспособной промышленной продукции в размере 205 млрд долларов США в год, в том числе продукции машиностроения в размере 60 млрд долларов США в год»* делегирована иным документам (С. 11). Если средства достижения задачи не рассматриваются в тексте Стратегии, не вполне ясно, зачем ее представлять в виде задачи, решение которой определяет успешность достижения ее цели. Тем не менее ожидаемое удвоение объема экспорта продукции машиностроения за 10 лет – хорошая задача, но нельзя не отметить эффект низкой базы отсчета:

---

⁸ Концепция долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации. М., 2008. С. 10.

в 2019 г. доля машин, оборудования и транспортных средств в товарной структуре экспорта РФ составляла лишь 6,5%⁹.

Сценарии развития и индикаторы реализации Стратегии

В разделе IV **Сценарии развития и индикаторы реализации Стратегии** возникают вопросы к логике разработчиков документа. Под стратегией обычно понимается либо выстраивание видения будущего, когда, в силу этого видения, формулируются задачи и планируются конкретные действия (при этом по мере изменения ситуации во времени меняется и видение; соответственно, уточняются задачи и план действий), либо (более операционный подход) стратегия – это план, определяющий приоритеты, ресурсы и последовательность действий по достижению поставленных целей.

В рассматриваемом случае изначальный смысл разработки стратегии как средства достижения цели уходит в тень. Говорится, что *«Стратегия опирается на параметры Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года (в части базового, целевого и консервативного сценариев) с пролонгацией траектории развития до 2035 года»*, при этом подчеркивается, что *«Вероятность достижения ключевых результатов Стратегии критически снижается при ... пороговых значениях внешних и внутренних условий»* (С. 11).

Если бы прогноз социально-экономического развития строился на основе ожидаемой реализации положений Стратегии, можно было бы спорить, насколько данный прогноз реалистичен, учитывает ли он имеющиеся возможности и ограничения, плох он или хорош. Когда же стратегия опирается на прогноз (при этом его базовый и целевой сценарий едва ли актуальны с учетом уже проявившихся последствий эпидемии COVID-19), возникает «неполиткорректный» вопрос: «А зачем такая стратегия вообще нужна?» и невольно вспоминаются слова А. Эйнштейна: «Большинство наших проблем оттого, что мы путаем причины и следствия».

Данное впечатление усиливается при знакомстве с *«пороговыми значениями внешних и внутренних условий»*:

---

⁹ Россия в цифрах. 2020. С. 521

«цена на нефть – менее 30 долларов США за баррель в течение года и более;

реальный эффективный курс рубля – ослабление более чем на 20 процентов (год к году);

средневзвешенная ставка по рублевым кредитам на срок более года

для предприятий – свыше 5 процентов в реальном выражении» (С. 12).

То есть если цена на нефть окажется «неправильной», можно будет с чистым сердцем сказать: «Ну, не получилось...». Для документа, направленного на формирование экономического уклада огромной страны, подход не слишком сильный. Раздел возвращает к дискуссии о целеполагании Стратегии – если достижение цели критически зависит от складывающихся (или нескладывающихся) внешних условий, может, стоит переформулировать саму цель?

Ограничение по ослаблению российского рубля также не вполне ясно. Понятно, что снижение курса национальной валюты плохо сказывается на импорте оборудования и технологий. Но проблемы с данным импортом все в большей степени определяются санкционным режимом для российской экономики. Однако слабая валюта способствует экспорту и развитию отечественного товаропроизводителя, в том числе в обрабатывающем секторе, что и является целью обсуждаемой Стратегии.

Ставка по кредитам также представлена в формате ad hoc – как нечто независимое от воли и сознания управляющих органов. Между тем последовательное снижение ключевой ставки ЦБ РФ в 2020 г. говорит о том, что и средневзвешенная ставка – не столько ограничение, сколько объект целенаправленного управления.

Наконец, утверждение, что *«Положения Стратегии не учитывают последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (С. 12)*, просто обесценивает работу по разработке Стратегии – как можно не учитывать столь важный фактор в документе, принятом ПОСЛЕ начала распространения инфекции?

Мероприятия Стратегии

Знакомство с разделом **VI Мероприятия Стратегии** оставляет ощущение обманутых ожиданий. Оставим в стороне

правильные, но мало к чему обязывающие слова «расширение внешнеэкономического сотрудничества, стимулирование развития механизмов, внедрение методов бережливого производства» и др., активно используемые в его тексте. Посмотрим, что предлагается в подразделе **Инвестиционная и финансовая политика**.

Первый пункт – *налоговые льготы (включая расширение практики инвестиционных налоговых вычетов и налоговых кредитов)*. Все! Какие именно льготы, кто станет их бенефициаром, каков их размер и условия получения, когда они будут введены, согласованы ли они с соответствующими органами государственного управления – не известно.

Пункт второй – *защита инвесторов и содействие заключению долгосрочных контрактов*. Артикуляция данной проблемы и ее место в рейтинге механизмов инвестиционной и финансовой политики говорят о том, что с защитой прав инвестора в РФ дела обстоят не очень хорошо. Тем не менее что конкретно имеется в виду под защитой инвесторов, как будут защищаться их интересы, что является критерием успешности реализации этого пункта – не ясно.

Вопросы только множатся при чтении третьего пункта – *ослабление неоправданного административно-силового давления на хозяйствующие субъекты*. Защита прав инвесторов лежит на государстве. До сих пор с этой функцией оно справлялось плохо. Что дает основание ожидать, что ситуация изменится? В Стратегии, кроме стандартных мантр, произносимых из года в год, ничего нового нет.

Четвертый пункт – *обеспечение доступности льготного заемного финансирования инвестиционных проектов, оборотного капитала, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, внедрения наилучших доступных технологий, поддержка кредитования инвестиционных проектов* как план-мечта звучит хорошо, но поскольку неясно, как именно он будет выполняться (и будет ли вообще), ценность пункта невелика.

Разработчики Стратегии, прекрасно понимая методологическую слабость подобного представления инвестиционной и финансовой политики, делают ловкий ход, говоря, что *«Планируемые меры и мероприятия опираются на переход к стимулированию инвестиций с помощью комбинации отраслевых мер, включающих: изменения ... координацию ... реформирование ...*

снижение ... развитие ... пересмотр ...» (С. 16). Даже если это и так, то предложенный подход только актуализирует уже возникавший вопрос: «Какую управленческую функцию (помимо бюрократической) выполняет Стратегия, если планы, определяющие приоритеты, ресурсы и последовательность действий по достижению поставленных целей представлены в различных отраслевых стратегиях, а меры, которые выходят за их компетенции (см. п. 1–4), внятно не прописаны?».

При сдержанном отношении разработчиков Стратегии к идее активного вмешательства государства в экономическую деятельность, можно было бы ожидать тщательной проработки подхода по рыночным методам стимулирования развития российского обрабатывающего сектора.

Системная проблема российского инвестора известна давно – осуществлять крупные инвестиции в условиях не слишком дружественной бизнесу институциональной среды и поддерживаемого государством курса на интеграцию в глобальную экономику, реализуемого в формате облегченного доступа сильного иностранного производителя на российский рынок при минимальной поддержке слабого отечественного, рискованно. Зачем создавать мощности по производству сложного оборудования, если с высокой вероятностью в будущем это оборудование все равно будет приобретено у иностранного производителя в рамках условно честной конкуренции?

Эта проблема может решаться по-разному, хотя универсального решения, конечно, нет. Одно из наиболее очевидных направлений: в режиме государственно-частного партнерства (ГЧП) гарантировать спрос на продукцию новых капиталоемких проектов и определенную государственную защиту от сильных иностранных конкурентов [Алексеев, Нефедкин, 2018]. Здесь нет даже прямой нагрузки на бюджет, бизнес сам будет создавать производства. Все, что требуется – гарантия будущего спроса. В Стратегии же про ГЧП упоминается только один раз, да и то в приложении.

В подразделе **Политика стимулирования спроса** подобные подходы не отвергаются, но и не конкретизируются. Написаны правильные, в чем-то даже красивые, но ни к чему не обязывающие общие слова. Приведены, что горячо приветствуется, несколько целевых показателей. Только этого мало. Действительно, предполагается, например, что будет *«соотношение импорта продукции*

и валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств, в процентах:

в 2024 году – менее 45 процентов;

в 2035 году – менее 40 процентов» (С. 18).

Дело даже не в том, что представленные значения не слишком напряженны и, тем более, не впечатляет темп их изменений на одиннадцатилетнем временном горизонте, главное, что подобные показатели лукавы. Так, В.А. Крюков в интервью А. Механику приводит симптоматичный и очень типичный пример: «есть доминирование импортозамещения “любой ценой” – по валу. В итоге за высокими показателями импортозамещения стоят отечественные трубы и задвижки. В то время как основной софт и наукоемкое оборудование – импортного производства» [Крюков, Анашкин, 2020].

Понятно, что в одном документе невозможно отразить все нюансы управления обрабатывающим сектором российской экономики, но продемонстрировать понимание объекта управления все же желательно. Разработчикам Стратегии удается это, мягко говоря, не всегда.

Текст Стратегии завершается подразделом **Внешнеторговая политика**. Прорывных идей здесь нет. Какие рынки приоритетны, не раскрывается. Перечисляются традиционные средства стимулирования внешней торговли. Однако с учетом того, что с 2010 г. по 2019 г. российский экспорт вырос всего на 6,5%¹⁰ в фактических ценах, т.е. с учетом долларовой инфляции не увеличился вовсе, предлагается реализовать еще три меры его поддержки:

«расширение взаимных инвестиций и направлений промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза;

реализация крупных зарубежных проектов;

изменение условий связанного финансирования до уровня, позволяющего конкурировать в глобальном масштабе» (С. 19).

Что здесь имеется в виду, и почему именно эти меры позволят изменить ситуацию, не объясняется.

Целевые показатели реализации поставленных задач сравнительно оптимистичны, хотя и не понятны. Так, «*Объем экспорта промышленной продукции составит:*

---

¹⁰ Рассчитано по: Россия в цифрах. 2020. С. 521

в 2024 году – 205 млрд долларов США;

в 2035 году – 290 млрд долларов США.

Объем экспорта продукции машиностроения составит:

в 2024 году – 60 млрд долларов США;

в 2035 году – 95 млрд долларов США».

Величина объема в 205 млрд долл. в 2024 г. – высокая планка. Действительно, если из 423 млрд долл. (российский экспорт в 2019 г.) вычесть 268 млрд долл. (экспорт минеральных продуктов), 12,8 млрд долл. (древесина и целлюлозно-бумажные изделия) и 52,8 млрд долл. (металлы, драгоценные камни и изделия из них), остается 89,4 млрд долл. Если имеется в виду выход на 205 млрд долл. с этой базы, то с учетом провального 2020 г. и неочевидного по своим экономическим результатам 2021 г., это действительно амбициозная цель.

Отметим, что экспорт машин, оборудования и транспортных средств в 2019 г. составил 27,7 млрд долл. (меньше, чем в 2017 г.). Целевой уровень – 60 млрд долл. в 2024 г. – весьма привлекателен. Остается только сожалеть, что разработчики Стратегии и здесь применили свой любимый прием, отослав сомневающихся в возможности реализации этих планов к показателям федеральных проектов национального проекта «Международная кооперация и экспорт».

К Стратегии есть два приложения: Интегральные индикаторы (всего 13 показателей, часть из которых рассмотрена выше) и Сведения о внутриотраслевых приоритетах (по 15 отраслевым комплексам). Знакомство с приложениями представляет безусловный интерес, но их детальный анализ – предмет специального рассмотрения. Здесь же отметим, что это именно *сведения* о целевых приоритетах без обоснования и, тем более, информации о системе мер, имеющихся ресурсах и планируемых институциональных изменений, объясняющих, как представленные показатели будут достигнуты.

* * *

«У меня есть мечта», – говорил Мартин Лютер Кинг. Должна быть мечта в документах стратегического характера или нет, вопрос дискуссионный, но без сильных идей сколько-нибудь серьезных целей здесь не достичь. В Стратегии мечты нет. Текст представлен не в формате стратегии как плана достижения цели,

а, скорее, как прогноза того, что представляется, как минимум, желательным, и, как максимум, возможным. Различие, на первый взгляд, не принципиальное, но оно задает управленческую силу документа. В прогнозе нет ни приоритетов развития, ни обоснования системы целевых показателей, ни объяснения их напряженности.

В Стратегии чаще говорится о 2035 г. В направлениях развития отраслевых комплексов более ранние периоды практически не упоминаются. Это очень удобно с бюрократической точки зрения (если что-то пойдет не так, не с кого будет спрашивать за провал через 15 лет), но плохо – с управленческой.

Разработчики уклонились от внятного ответа на непростой вопрос: за что в Стратегии отвечает государство, а за что – бизнес. Более того, не заявлена четкая программа действий государственных органов в инвестиционной, финансовой и институциональной политике, позволяющей вывести экономику из многолетнего застоя (лозунговую риторику оставим в стороне). Государство явно не хочет брать на себя сколько-нибудь серьезные обязательства перед бизнесом, но стремится переложить на него ответственность за результаты реализации Стратегии. Подход не нов, но он плохо работал в прошлом и вряд ли здесь что-то изменится к лучшему в будущем.

При разработке стратегических документов в РФ прослеживается не очень удачная тенденция: они, что называется, разрабатываются к условиям «прошедшей войны». Так, «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» была подготовлена до начала активной фазы кризиса 2008 г. В обсуждаемой Стратегии специально указано, что «Положения Стратегии не учитывают последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

Конечно, не просто разрабатывать стратегии под плохо прогнозируемое будущее. Тем не менее учитывать, что будущее – это не просто слегка модернизированное настоящее, а, возможно, существенно иная реальность, необходимо [Крюков и др., 2019]. Если невозможно дать достаточно обоснованный прогноз будущего, то разрабатывать стратегии развития, позволяющие национальной экономике чувствовать себя уверенно вне зависимости от флуктуаций этого будущего, все же необходимо.

Задача сложная, но за нее в более мягкой постановке вряд ли стоит и браться. Действительно, наличие стратегии создает уверенность, что известно, куда надо идти и как. Однако если стратегия не очень хороша, уверенность незаметно превращается в иллюзию. Иллюзии же препятствуют адаптации к реальности, а это опасно.

В свое время, анализируя принятую в конце 2011 г. **Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года**, мы сделали вывод: «В Стратегии предложены, с одной стороны, не самые сильные решения сложных задач, стоящих перед экономикой РФ, а с другой – неубедительные механизмы их реализации. Таким образом, если инновационная экономика в России и будет построена, то произойдет это не благодаря Стратегии инновационного развития РФ до 2020 г., хотя и не вопреки ей» [Алексеев, 2012]. Прошло почти 10 лет. Инновационная экономика не построена. Вывод не изменился.

Литература

Аганбегян А.Г. О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста. *Международная экономика*. 2019. № 8. С. 9–15.

Алексеев А. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года – «жарко обнимала ты, да только не любила» // *Инвестиции в России*. 2012. № 5. С. 10.

Алексеев А.В., Кузнецова Н.Н. Инвестиционная динамика как фактор трансформации российской экономики. // *Вестник Российской академии наук*. 2019. Т. 89. № 10. С. 981–992.

Алексеев А.В., Нефёдкин В.И. Поможет ли государственно-частное партнерство выйти из стагнационной ловушки? DOI: 10.30680/ECO131-7652-2018-12-91-109 // *ЭКО*. 2018. № 12. С. 91–109.

Колотилов Е. Продажи b2b: 101+ кейс. СПб.: Питер, 2019. 208 с.

Крюков В., Анашкин О. Вернуть комплексность нефтегазовому комплексу / подготовил А. Механик // *Эксперт*. 2020. № 24. 8–14 июня. С. 53.

Крюков В.А., Суслов В.И., Баранов А.О., Блам Ю.Ш., Заболотский А.А., Кравченко Н.А., Соколов А.В., Суслов Н.И., Унтура Г.А., Чурашев В.Н. О содержании проекта Прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г // *Проблемы прогнозирования*. 2019. № 3. С. 40–49.

Mason P. Postcapitalism: A Guide to Our Future. Published July 30th 2015 by Allen Lane. 368 p.

Статья поступила 26.08.2020.

Статья принята к публикации 05.09.2020.

Для цитирования: *Алексеев А.В.* Стратегия развития обрабатывающей промышленности: иллюзия прорыва // *ЭКО*. 2021. № 3. С. 88–105. DOI: 10.30680/ECO131-7652-2021-3-88-105.

Summary

Alekseev, A.V., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

The Development Strategy for the Russian Manufacturing Industry: An Illusion of a Breakthrough

The paper considers the basic elements of the integrated strategy for the development of the manufacturing industry of the Russian Federation up to 2024 and 2035. The lack of project authors' critical approach towards modern theories of the global economy is shown to have caused a methodologically disputable basis of the strategy on the one hand and to have cast doubts as to its goals and means of their achievements on the other. It is concluded that since the strategy does not clearly define the areas of responsibility of the state and business for achieving its objectives, the value of the strategy as a strategic planning tool is not high.

Keywords: *strategy; development scenarios; global economy; state regulation; industrial policy; market mechanism; institutions*

References

Aganbegyan, A. (2019). On overcoming stagnation, recession and achieving 5% growth. *The World Economics*. No. 8. Pp. 9–15. (In Russ.).

Alekseev, A. (2012). Strategy of innovation development of the Russian Federation until 2020 – “Dearly embraced you, but did not love”. *Investments in Russia*. No. 5. P. 10. (In Russ.).

Alekseev, A. Kuznetsova, N. (2019). Investment Dynamics As a Factor of Transformation of the Russian Economy. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 89, Is. 5. Pp. 441–450. (In Russ.). DOI: 10.1134/S1019331619050010. (In Russ.).

Alekseev, A.V., Nefedkin, V.I. (2018). Will public-private partnerships help break the stagnation trap? *ECO*. No. 12. Pp. 91–109. DOI: 10.30680/ECO131-7652-2018-12-91-109. (In Russ.).

Kolotilov, E. (2019). *Sales b2b: 101+case*. Spt.: Piter. 208 p. (In Russ.).

Kryukov, V., Anashkin, O. (2020). Return complexity to the oil and gas complex. *Expert*. No. 24. 8–14 June. P. 53. (In Russ.).

Kryukov, V.A., Suslov, V.I., Baranov, A.O., Blam, Yu.S., Zabolotskii, A.A., Kravchenko, N.A., Sokolov, A.V., Suslov, N.I., Untura, G.A., Churashev, V.N. (2019). Russia 2030: science and technology foresight: revisiting the draft. *Problemy Prognozirovaniya*. No. 3. Pp. 40–49. (In Russ.).

Mason, P. (2015). *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. Published July 30th by Allen Lane. 368 p.

For citation: Alekseev, A.V. (2021). The Development Strategy for the Russian Manufacturing Industry: An Illusion of a Breakthrough. *ECO*. No. 3. Pp. 88-105. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-88-105.

Что такое «сверхкомбинат»?

А. Ф. НИКОЛЬСКИЙ, доктор географических наук
E-mail: nikolskij59@mail.ru
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск

Аннотация. Дается определение понятия «сверхкомбинат» как поточной линии макрорегионального уровня, предназначенной для производства рекордных объемов той или иной продукции. Понятие впервые введено автором при разработке проекта «Новый Ангарстрой: Байкало-Амурский металлургический сверхкомбинат». Проект возобновляет традиции разработки комплексных интеграционных проектов территориального развития России на уровне экономических районов и их сопряжений, объединяющих в себе множество субъектов Федерации. Неверно, когда единицами общероссийского территориального планирования служат конкурирующие за инвестиции субъекты Федерации, часто предлагающие одни и те же дублирующие друг друга мелкие, местные проекты на ресурсах общероссийского и даже мирового значения. Всякий крупный проект общероссийского масштаба, подобно Урало-Кузнецкому комбинату прошлого и предложенного Байкало-Амурскому металлургическому сверхкомбинату будущего, всегда объединяет в себе множество субъектов Федерации, причём каждый по-своему, на основе его главных для данного общероссийского проекта ресурсов.

Ключевые слова: поточная линия макрорегионального уровня; сверхкомбинат; интеграционный проект; проект территориального развития России; Урало-Кузнецкий комбинат; Байкало-Амурский металлургический сверхкомбинат

Понятие «сверхкомбината» в целом

Сверхкомбинат в определении автора – это комплекс взаимосвязанных крупных производств (комбинатов), в том числе аналогичных, разделенных расстояниями от сотен до тысяч километров, функционирующий на базе богатых и ценных природных ресурсов, предназначенный для рекордного выпуска определенного вида продукции (в национальном, межнациональном и мировом масштабе), представляющий из себя поточно-стадийную производственную линию (цикл) макрорегионального уровня, обеспечивающий массовое превращение исходного сырья в полупродукты и готовые изделия.

Главные признаки сверхкомбината следующие:

1) это комплекс по производству рекордных масс данного вида продукции в единицу времени, в связи с чем он функционирует и дает свой технический результат только на основе сочетания

крупных и особо ценных природных ресурсов в том или ином макрорегионе. Конкретные масштабы этого макрорегиона определяются индивидуально, исходя из наличия подходящих природных ресурсов на соответствующих расстояниях;

2) это комплекс взаимосвязанных крупных производств (комбинатов), в том числе аналогичных, так как только этот признак, при наличии других равных условий, способен обеспечить рекордные массы получаемой продукции на сверхкомбинате в целом, притом что объем производства на каждом из входящих в его состав комбинатов не выходит за максимальные рамки технически осуществимых и социально и экологически приемлемых крупных производств;

3) взаимосвязанные производства сверхкомбината разделены расстояниями от сотен до тысяч километров, поскольку только в этом случае имеется возможность подбора и включения в его состав комплекса подходящих крупных и особо ценных месторождений (в том числе аналогичных), на основе которых он функционирует; это также необходимо в целях снижения нагрузки на элементы природно-социальной среды и инфраструктуры;

4) тесно взаимосвязанный комплекс производств представляет собой единую поточно-стадийную производственную линию или производственный цикл – от исходного сырья до полупродуктов и готовых изделий. Отдельные комбинаты служат звеньями этой производственной линии или цикла, а не функционируют раздельно (каждый на основе своего месторождения, обмениваясь лишь какой-то частью продукции); этот признак абсолютно необходим для выполнения сверхкомбинатом своих функций, так как только в этом случае достигается масштабный эффект экономии времени, в результате чего и обеспечиваются рекордные массы годового производства;

5) функционирование поточно-стадийной производственной линии сверхкомбината происходит на основе тесной взаимосвязи ее отдельных узлов – комбинатов – с помощью специализированных транспортных артерий, каковыми могут быть нефте- и газопроводы, продуктопроводы, железнодорожные линии с осуществляемым по ним специализированным (маятниковым) движением железнодорожных составов.

Байкало-Амурский металлургический сверхкомбинат

Сверхкомбинат может быть создан в различных отраслях производства, где это целесообразно и не противоречит требованиям как экологии и безопасности, так и технологическим и социальным. Автором разработан проект «Новый Ангарстрой: Байкало-Амурский металлургический сверхкомбинат» [Никольский, 2017а]. По окончательному варианту (рисунок) проект охватывает Иркутскую область, Республику Бурятия, Забайкальский край, запад Амурской области (район космодрома «Восточный»), частично ресурсы Красноярского края, республик Тыва и Якутия, юго-востока Кемеровской области.

Проект сверхкомбината в Байкало-Амурском макрорегионе назван «Новый Ангарстрой», так как он является продолжением на новом этапе проекта «Ангарстрой» 1930–1950-х гг. (лишь частично и с большими искажениями реализованного в период 1950–1980-х гг.). Этот проект был ориентирован в будущем на всю Восточную Сибирь, но был назван «Ангарстрой», поскольку его опорным регионом выступала Иркутская область (Приангарье). Второе его название – Восточно-Сибирский комбинат [Колосовский, 1971].

Иркутская область, где сконцентрирована значительная часть базовых минеральных и подавляющая часть энергетических ресурсов Байкало-Амурского сверхкомбината, функционирует крупнейший каскад Ангарских ГЭС, развиты алюминиевая (30% мощностей страны, а с Красноярским краем – 90%, в основном на импортном глиноземе), нефтеперерабатывающая (как база электродного производства), соляная, хлорная, целлюлозная промышленность, явится опорным регионом и «Нового Ангарстроя».

В этой связи, соблюдая традиции Ангарстроя 1950-х, мы и используем двойное название. «Новый Ангарстрой» подчеркивает ключевой (опорный) характер для проекта именно Иркутской области (Приангарья). Второе название – Байкало-Амурский металлургический сверхкомбинат – указывает на масштаб проекта – его ориентированность по ресурсам на весь определенный выше Байкало-Амурский макрорегион, а по сбыту продукции – на всю Россию и мир в целом.

производственные линии¹. Именно такую единую поточно-стадийную производственную линию, раскинувшуюся на весь Байкало-Амурский макрорегион, мы и видим на рисунке.

Изобретателем поточного производства на микроуровне – на уровне цеха, фабрики является Генри Модсли [Загорский, Загорская, 1981]. В 1807 г., выполняя заказ Британского флота для производства канатных корабельных блоков, он выстроил в одну технологическую цепочку 43 дерево- и металлообрабатывающих станка, каждый из которых выполнял только одну простую операцию. В результате такого подхода экономилось время, так как не требовалась переналадка оборудования, и готовые блоки выходили из цеха непрерывным потоком.

Точно так же и на сверхкомбинате экономия возникает оттого, что для каждого из мощных производств его поточной линии отпадает необходимость самостоятельных производственных стадий «наладки» (добычи и подготовки сырья, сбыта продукции, создания собственной инфраструктуры и др.), в сравнении с тем, если бы эти производства функционировали в виде отдельных комбинатов того же масштаба (если это вообще возможно), а тем более если бы были заменены массой гораздо более мелких производств в разных частях страны и мира.

Изобретенная Г. Модсли поточная линия микроуровня (цех, завод) была дополнена в XX веке в СССР принципом энергопроизводственного цикла – поточной линии из последовательно взаимосвязанных производств в регионе среднего уровня (мезоуровня). В XXI веке, на взгляд автора, поточный принцип существенной взаимосвязанности производств как звеньев одной производственной линии должен быть распространен и на макроуровень в форме сверхкомбината, который представляет собой не что иное, как энергопроизводственный цикл макроуровня (в макрорегионе). Сверхкомбинат тем не менее имеет свои особенности, позволяющие достигать рекордных объемов производства, и не копирует непосредственно известные принципы поточного производства на микро- и мезоуровнях, отчего сверхкомбинаты до сих пор и не проектировались и не создавались.

---

¹ Российская энциклопедия по охране труда: [в 3 т.] / авт.-сост. И. А. Воробьев и др.; отв. ред. А. Л. Сафонов. Изд. 2-е. М: Изд-во НИЦ ЭНАС, 2007.

Проекты-аналоги

То, что создание масштабных производственных комплексов, обеспечивающих рекордные объемы производства в национальном, межнациональном и международном масштабах – задача далеко не праздная, доказывается, в частности, проектом «Восток Ойл» на Таймыре, недавно официально представленным руководством «Роснефти» Президенту РФ². Хотя этот проект «не дотягивает» до сверхкомбината, так как не предполагает организацию поточно-стадийной производственной линии в макрорегионе (производить планируется сырую нефть и транспортировать ее по Севморпути), тем не менее этот комплекс также нацелен на производство рекордных объемов продукции, как и комплекс Урало-Кузнецкого комбината 1930-х гг., о чем будет сказано далее.

Отметим, что проект Байкало-Амурского металлургического сверхкомбината вполне сопрягаем по поставкам, скажем, труб, рельсов и другого проката с проектом «Восток Ойл». Сопрягаем сверхкомбинат по поставкам дешевых и качественных проката и сплавов и с функционированием комплекса «Звезда», где будут производиться ледоколы и супертанкеры для «Восток Ойл», а также с возможными высокотехнологичными производствами в районе космодрома «Восточный». Кроме того, функционирование сверхкомбината, как и проект «Восток Ойл», обеспечивает загрузку (наряду с БАМом и Транссибом) Северного морского пути (рисунок).

Проект «Восток Ойл» предполагает 10 трлн руб. инвестиций, создание 100 тыс. рабочих мест и рост ВВП страны на 2% ежегодно по мере своей реализации³. Создание Байкало-Амурского металлургического сверхкомбината предполагает около 21,8 трлн руб. вложений в производство и 6,4 трлн руб. – в гражданское строительство, всего – 28,2 трлн руб. При сроке строительства 10 лет это составит 2,82 трлн руб. в год от государственных и частных заинтересованных компаний и, возможно, государства.

---

² Игорь Сечин доложил Президенту РФ об итогах работы Компании в 2019 году и перспективах проекта «Восток Ойл» [Эл. ресурс]. URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/199761/> (дата обращения: 30.08.2020).

³ «Восток Ойл»: энергетический мегапроект, которого так ждала Россия [Эл. ресурс]. URL: <https://topcor.ru/13128-vostok-ojl-jenergeticheskij-megaproekt-kotorogotak-dolgo-zhdala-rossija.html> (дата обращения: 30.08.2020).

Количество создаваемых рабочих мест на Байкало-Амурском свёрхкомбинате, по предварительной оценке, будет доходить до 582 тыс., а со строительными работами – 2029 тыс., при сроке строительства – 10 лет. Реальная безработица в Байкало-Амурском макрорегионе составила в 2017 г. 419 тыс. чел. Дополнительную рабочую силу сверх этой величины в размере 1,5 млн чел. вполне можно привлечь извне (для сравнения: в период Ангарстроя 1950–1980-х гг. в одну только Иркутскую область было в самом начале дополнительно привлечено около 1 млн человек). Реальная безработица в России, по данным Росстата, составила в 2018 г. 3,7 млн чел; возможно также привлечение квалифицированных рабочих из стран СНГ. За счет создания свёрхкомбината будет обеспечен рост ВВП примерно на 9%.

Изобретателем поточно-стадийной производственной линии мезоуровня, формирующейся из предприятий в составе территориально-производственных комплексов (ТПК) внутриобластного, областного и малого межобластного уровней, является Н. Н. Колосовский. Отдельная поточно-стадийная производственная линия в составе ТПК названа им энергопроизводственным циклом, под которым он понимал всю «совокупность производственных процессов, развертывающихся в экономическом районе на основе сочетания данного вида энергии и сырья от первичных форм – добычи и облагораживания сырья до получения всех видов готовой продукции, которые возможно производить на месте, исходя из требований приближения производства к источникам сырья и требований комплексного использования всех компонентов сырьевых и энергетических ресурсов данного типа» [Колосовский, 1969. С. 262].

В зависимости от используемых видов энергии и сырья в соответствии с технологиями своего времени Н. Н. Колосовский предложил восемь таких генерализованных энергопроизводственных циклов: пирометаллургические циклы черных и цветных металлов, нефтеэнергохимический, гидроэнергетический, лесоэнергетический, индустриально-аграрный и гидромелиоративный циклы и совокупность циклов перерабатывающей индустрии [там же].

Такие взаимосвязанные цепочки производств формировались во внутриобластных ТПК (например, Иркутско-Черемховский, Братско-Усть-Илимский ТПК Иркутской области), на уровне

области (например, той же Иркутской, путем взаимосвязи производств нескольких внутриобластных ТПК), а также нескольких примыкающих друг к другу малых областей (например, на Урале или в европейской части России).

Поточно-стадийные линии мезоуровня не ставили себе целью достижение тех или иных рекордных объемов производства в национальном, межнациональном или мировом масштабе именно в силу их малого и среднего размера. Они, как и производственные линии на предприятии, и в дополнение к ним, обеспечивали повышенную эффективность производства.

Революционным изобретением, кардинально повлиявшим на развитие производственной техники, помимо поточной линии, стал конвейер, где к поточной линии добавлена движущаяся конвейерная лента. Предшественником предприятия с конвейерной сборкой считается Венецианский Арсенал, в XII веке объединивший несколько судостроительных верфей на островах в Венеции. Строящиеся корабли по мере строительства двигались между сборочными цехами по воде – по специально спроектированному каналу. На пике производительности в начале XVI века в «Арсенале» было занято около 16000 человек, которые могли производить одну венецианскую галеру в день, благодаря стандартизированным деталям на сборочной линии [Бек, 2002].

Аналогом конвейерной ленты для металлургического сверхкомбината является упомянутое уже маятниковое (специализированное) железнодорожное движение, идею которого для сверхбольших расстояний разработал Н. Н. Колосовский. Для производства рекордных объемов металла в период индустриализации 1930-х гг. им был предложен принцип комплекса взаимосвязанных производств макрорегионального уровня, состоящий из двух групп крупных комбинатов, разделенных сверхбольшим расстоянием и связываемых маятниковым железнодорожным движением тяжелых железнодорожных составов [Колосовский, 1969].

Речь идет о реализованном проекте Урало-Кузнецкого комбината 1930–1940-х гг. – второй угольно-металлургической базе СССР, где под комбинатом понималось не комплексное предприятие (микроуровень), а территориально-производственный комплекс даже уже не мезо-, а макроуровня: Урало-Кузбасс. Его заблаговременное создание явилось одним из важнейших факторов, обеспечивших победу СССР в Великой Отечественной войне,

когда первая (южная) угольно-металлургическая база оказалась в зоне оккупации.

Проект предполагал макрорегиональную связность с помощью маятникового железнодорожного движения с плечом 2200 км двух группировок производств мезоуровня – Уральской и Кузнецкой. А именно: прошедший 2200 км и разгрузившийся на Урале, где отсутствовал собственный уголь, угольный состав с Кузбасса загружался в обратные 2200 км уральской рудой, так как на Кузбассе, в свою очередь, не было собственной руды [там же]. Однако взаимосвязанность производств данного макрорегионального комплекса, нацеленного на производство больших объемов металла, не формировала еще поточной линии. Связность касалась комбинированного снабжения рудой и углем двух вышеназванных группировок производств мезоуровня, разделенных сверхбольшим расстоянием.

После Великой Отечественной войны были открыты более близкие к Уралу месторождения коксующегося угля (Карагандинский бассейн), а в Сибири – месторождения железной руды (Горная Шория), и металлургические отрасли Урала и Кузбасса стали функционировать раздельно, ориентируясь на более близкие ресурсы [Шерин, 2017].

Но непреходящее значение Урало-Кузнецкого комбината состоит в том, что он на основе единого комплекса позволил, не распыляя и не дробя ресурсы, обеспечить перед войной одновременное ускоренное развитие и Урала, и Западной Сибири, а в войну – мощную индустриальную базу для эвакуируемой промышленности.

В отличие от Урало-Кузнецкого маятника, чье плечо составило 2200 км, поточная линия маятника XXI века – Байкало-Амурского металлургического сверхкомбината, будет иметь сопоставимый размер (2347 км) только на своем первоначальном (базовом) участке Новая Чара–Иркутск, а затем продолжится в виде ряда прокатных, передельных, металлообрабатывающих и машиностроительных заводов до Улан-Удэ, Читы, Свободного (космодром «Восточный»), что даст плечо протяженностью 2988, 3542 и 4842 км, соответственно, то есть в два раза большее (с обратным грузом редких, цветных и редкоземельных металлов, кремниевого сырья, флюорита, угля и других средств производства) [Никольский, Шуплецов, 2018].

Сбыт продукции сверхкомбината предполагается осуществлять по внешнему железнодорожному маятнику Центральная Россия–Северо-Восточный Китай (и/или другие страны АТР) и Северному морскому пути.

Характеристика технического результата

Создание сверхкомбината – поточно-стадийной производственной линии макрорегионального уровня – для целей производства рекордных объемов металла на основе сочетания богатых и ценных природных ресурсов в Байкало-Амурском макрорегионе обеспечивает получение технического результата беспрецедентного масштаба. Отметим, однако, что наличие этих невиданных ранее возможностей производства именно в этом макрорегионе (Восточно-Сибирском) с опорой на Иркутскую область (Приангарье) предсказывалось Н. Н. Колосовским.

Он писал: «Вполне возможно в течение, скажем, трех пятилеток, построить в пределах территории Красноярск – Енисейск – Усть-Кут (на р. Лене) – Иркутск – Улан-Удэ могучее промышленное хозяйство нового типа с использованием энергии Ангары в масштабах, равных тем, которые достигаются современным использованием углей на Урале и в Кузнецком районе при эффективности труда в 2–3 раза более высокой... Этот новый Восточно-Сибирский комбинат... позволит вовлечь в эксплуатацию громадные резервы... рудного, топливного, минерально-химического сырья Восточно-Сибирской платформы, Восточного Саяна, Бурятии, Восточного Забайкалья... Приблизив центры индустрии к Дальнему Востоку, Якутии...» [Колосовский, 1971. С. 19–23].

Отсюда ясно, почему так важно вернуть государственный контроль Иркутской области над «Иркутскэнерго» и сданными в аренду фирме «Евросибэнерго» (фактически экспортерам алюминия) Ангарскими ГЭС. В соответствии с законом Российской Федерации № 147–ФЗ «О естественных монополиях» «Иркутскэнерго» как естественная монополия подлежит обязательному государственному контролю и регулированию со стороны Иркутской области в интересах потребителей и проектов регионального развития, включая тарифы, что невозможно без контроля над самим «Иркутскэнерго» и ГЭС. Однако имевшийся ранее сорокапроцентный государственный пакет акций компании

[Никольский, 20176] был передан в 2016 г. Правительством РФ частному алюминиевому бизнесу, перешедшему, в свою очередь, в 2018 г. в обмен на снятие с него санкций под преимущественный иностранный контроль⁴.

По общей массе производства металла в год Байкало-Амурский металлургический сверхкомбинат намного превзойдет каждое из существующих или существовавших взаимосвязанных производств (комбинатов) в отдельности, а по массе выпуска титана, ванадия и магния – во много раз все современное мировое производство (в сочетании с высоким качеством и низкой себестоимостью продукции и жесткими экологическими ограничениями).

Ни один из объектов сверхкомбината не предполагается размещать ближе, чем за 200–300 км от озера Байкал; саму же Байкальскую природную территорию планируется развивать в рамках подпроекта «Озеро-Храм». Вес каждого из составов, курсирующих по внутреннему маятнику сверхкомбината и обеспечивающих работу его поточной линии, будет, по проекту, достигать максимума в 20 тыс. т только на начальном участке – Новая Чара–Усть-Кут, что полностью технически выполнимо [Сотников, 2005].

Обоснование перспективного спроса

Оно базируется на предположении о неизбежном и скором экономическом росте в России темпами, сравнимыми с таковыми в СССР и недавнем Китае. В 1988 г. производство стали в стране составило 94 млн т; в 1990 г. – 90 млн т; в 1998 г. – 44 млн т; в 2008 г. – 69 млн т; в 2015 г. – 69 млн т; то есть уменьшилось на 25 млн т, по сравнению с 1988 г., и на 21 млн т, по сравнению с 1990 г., что составляет 15% и соответствует величине итогового падения всего промышленного производства страны относительно уровня 1990 г. Это еще раз подтверждает взаимосвязь между масштабом экономики и потребностью ее в стали и других металлах.

Поэтому восстановление масштабов, потребностей и темпов роста экономики, хотя бы до уровня середины 1980-х гг.

---

⁴ См. «Америка забирает Русал и Евросибэнерго» и «Без единого выстрела»// Байкальские Вести. 2018. 26.дек. № 61. URL: https://altairk.ru/new/policy/america_takes_rusal_and_eurosibenergo_; baikvesti.ru.

подразумевает увеличение внутреннего спроса на сталь примерно на 25 млн т. Импорт металлопродукции, который должен быть замещен собственным производством, составлял в 2007 г. (до современного мирового кризиса) 7 млн т. Минимальный спрос стратегического партнера и ближайшего соседа – Китая – на качественную металлургическую продукцию может быть оценен в 10 млн т в год и более. Итого – 42 млн т, что с запасом обеспечивает спрос на планируемый объем производства продукции черной металлургии на сверхкомбинате (39 млн т в год).

И хотя «Новый Ангарстрой» принципиально ориентирован на будущий внутренний спрос российской экономики при начале ее ускоренного роста, масштабный первоначальный спрос на продукцию высококачественной черной металлургии и титаномагниевого промышленности, из-за нарушения хозяйственного комплекса страны и многих его звеньев, возможно, должен будет обеспечить именно Китай. Не исключено даже, что на примере Байкало-Амурского металлургического сверхкомбината можно будет говорить о создании особого ТПК международного уровня.

Китай является крупнейшим производителем металлов в мире, включая сталь, однако импорт им продукции черной металлургии в 2016 г. составил 38,1 млн т (почти в размере расчетного минимального объема производства высококачественной стали на Байкало-Амурском сверхкомбинате); в том числе проката листового – 22,4 млн т, сортового – 1,7 млн т, труб из черных металлов – 1,09 млн т (предполагаемое производство стального проката на сверхкомбинате – 20 млн т в год), стальных полуфабрикатов – 1,4 млн т, лома черных металлов – 10,1 млн т, ферросплавов – 0,37 млн т, железа прямого восстановления – 0,75 млн т, чугуна – 0,27 млн т⁵.

В настоящее время Китай является крупнейшим производителем титана, магния и ванадия в мире. И хотя он не импортирует эти металлы, но потребность в них растет, и продукция Байкало-Амурского сверхкомбината из этих металлов на каком-то этапе может оказаться выгоднее собственного производства и обеспечить заинтересованность Китая в финансировании проекта. Высокая потребность Китая в ванадии связана с утвержденными

---

⁵ Хохлов А. В. Справочные материалы по географии мирового хозяйства – 2016 (выпуск первый) [Эл. ресурс]. URL: <http://www.vlant-consult.ru/files/materials-2016-1.pdf>

новыми правилами для строительной арматуры и с производством рельсов для намеченной масштабной программы «Один пояс – один путь». В Восточной Сибири Россия могла бы подключиться к этому проекту именно через строительство сверхкомбината для производства качественных и дешевых рельсов, не «забывая», таким образом, в будущем чужой продукцией в наиболее «узком» месте Транссиба и БАМа собственные железнодорожные пути [Фартышев, 2018].

Но в первую очередь продукция сверхкомбината должна предназначаться для массовых нужд российского гражданского и оборонно-промышленного комплекса, где спрос обеспечивается государством. Поэтому и реализация проекта наиболее целесообразна в рамках корпорации с полным государственным участием. Это обеспечит привлечение в рамках государственно-частного партнерства также средств частных компаний, присутствующих в регионе, особенно если их акциями владеет государство, а по вступлении объектов в действие будут обеспечены поставки продукции по низким ценам для нужд отечественного гражданского и оборонного строительства.

Очевидно, что совершенно недостаточным является качественное превосходство над возможным противником в тех или иных типах вооружений при ограниченном количестве экземпляров этих вооружений. Последнее как раз и имело место в начале Великой Отечественной войны и, помимо других фактов преступной халатности и преступлений со стороны высшего руководства, привело к катастрофе 1941 г. [Жуков, 2002]. Для истинного военного превосходства и надежной защиты от возможных ударов всей территории страны, а не только ее центра требуется массовое производство вооружений (в том числе противоракет) из сверхдешевых материалов.

Особо заинтересованной в проекте должна быть Российская железная дорога, в том числе в связи с планами реконструкции Транссиба и БАМа [Никольский, Безруков, Шуплецов, 2018]. Не случайно именно эта компания еще 18 лет назад провела 66-километровую железнодорожную ветку к Чинейскому месторождению, которая уже успела зарости лесом. Ванадий, содержащийся в рудах Чинейского и Малотагульского месторождений, – основа для производства сверхпрочных рельсов.

Если же говорить о реальности вложений в размере 28,2 трлн руб. в год в течение десяти лет (средний срок строительства), то укажем, что, например, инвестиционная программа одной только РЖД составляет 10 трлн руб. до 2025 г. Присоединяя к РЖД другие заинтересованные компании – «Газпром» как поставщика газа для сверхкомбината и получателя продукции в виде труб, «Роснефть», «Транснефть», «Иркутскэнерго» как поставщика электроэнергии и угля, производителей алюминия, которых должно заинтересовать производство собственного глинозема, оборонные ведомства и др. – можно легко получить нужную сумму.

Проект целесообразно детализировать при поддержке Российской академии наук, Русского географического общества, Восточно-Сибирского филиала компании «РЖД» «Восточно-Сибирская железная дорога» и государственной власти Иркутской области. Для реализации проекта необходимо будет организовать взаимодействие со всеми субъектами РФ, входящими в зону деятельности сверхкомбината, – Китаем, Монголией и другими странами на межгосударственном и межрегиональном уровнях.

Литература

- Бек К.* История Венеции. М.: Весь Мир, 2002. 192 с.
- Загорский Ф. Н., Загорская И. М.* Генри Модсли. М.: Наука, 1981. 144 с.
- Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х томах. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.
- Колосовский Н. Н.* Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 262 с.
- Колосовский Н. Н.* Проблемы территориальной организации производительных сил Сибири. Новосибирск: Наука, 1971. 176 с.
- Никольский А. Ф.* «Новый Ангарстрой» как ключевой проект будущей индустриализации в России // География и природные ресурсы. 2017а. № 4. С. 143–153.
- Никольский А. Ф.* Кто должен получать ренту? Оценка условной стоимости компании «Иркутскэнерго» по величине гидроэнергетической ренты // ЭКО. 2017б. № 6. С. 115–129.
- Никольский А. Ф., Шуплецов А. Ф.* Маятник XXI века: организация крупнейшего металлургического производства на базе руд Чинейского и Малотагульского месторождений // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 1. С. 44–55.
- Никольский А. Ф., Безруков Л. А., Шуплецов А. Ф.* «Новый Ангарстрой» как проект несырьевой интеграции экономик России и Китая // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28, № 3. С. 470–480.

Сотников Е. А. История и перспективы мирового и российского железнодорожного транспорта (1800–2100 гг.). М.: Интекст, 2005. 112 с.

Фартышев А. Н. Иркутская область в концепции «Экономический пояс Шёлкового пути» и проекте «Новый Ангарстрой» // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 26. С. 37–45.

Шерин Е. А. Направления поставок и зоны потребления кузнецких углей: экономико-географический анализ // Географический вестник. 2017. № 3 (42). С. 17–23.

Статья поступила 11.09.2020.

Статья принята к публикации 07.10.2020.

Для цитирования: Никольский А. Ф. Что такое «сверхкомбинат»? // ЭКО. 2021. № 3. С. 106–121. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-3-106-121.

Summary

Nikolsky, A. F. *Doct. Sci. (Geogr.), Institute of Geography named after V. B. Sochava, SB RAS, Irkutsk*

What is a Super-combine?

Abstract. The paper defines the concept of “Super-combine” as a production line of the macro-regional level, designed to produce record volumes of product. The term was first introduced by the author during development of the project “New Angarstroy: Baikal-Amur Metallurgical Super-combine”. The project resumes the traditions of developing complex integration projects for territorial development of Russia at the macro level – the level of economic districts and their conjugations, combining many constituent entities of the Federation. It is not right for the subjects of Federation to represent units of all-Russian territorial planning and compete for investments, often submitting the same small, local projects, that duplicate each other, to bid for resources of all-Russian and even World significance. Every major project of a national scale, such as the Ural-Kuznetsk Combine of the Past, which saved the country in the time of Great Patriotic War, and the proposed Baikal-Amur Metallurgical Super-combine of the Future, always integrates many subjects of Federation and each subject in its own way, based on their main resources for such an all-Russian project.

Keywords: a production line of macro-regional level; a super combine; an integration project; a project of territorial development of Russia; Ural-Kuznetsk Combine; Baikal-Amur Metallurgical Super-combine

References

- Beck, C. (2002). *History of Venice*. Moscow, Mir Publ. 192 p. (In Russ.).
- Fartyshov, A. N. (2018). Irkutsk Region in the Conception «Silk Road» Economic Belt and project “Novii Angarstroy”. *The Bulletin of Irkutsk State University. Political Science and Religion Studies*. Vol. 26. Pp. 37–45. (In Russ.).
- Kolosovsky, N.N. (1969). *The theory of economic regionalization*. Moscow, Mysl Publ. 262 p. (In Russ.).
- Kolosovsky, N.N. (1971). *Problems of the territorial organization of the production forces of Siberia*. Novosibirsk, Nauka Publ. 176 p. (In Russ.).

Nikolsky, A.F. (2017a). New Angarstroy as a key project of future industrialization in Russia. *Geography and Natural Resources*. No. 4. Pp. 143–153. (In Russ.).

Nikolsky, A.F. (2017b). Who should receive the rent? Estimation of the notional value of the company “Irkutskenergo” by the magnitude of hydropower rent effect. *ECO*. No. 6. Pp. 115–129. (In Russ.).

Nikolsky, A.F. Shupletsov, A.F. (2018). Balance wheel of the XXI century: the organization of the largest metallurgical production based on the ores of the Chineysky and Malotagulsky deposits. *Vestnik Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 28, No. 1. Pp. 44–55. (In Russ.).

Nikolsky, A.F., Bezrukov, L.A. Shupletsov, A.F. (2018). New Angarstroy as a project of non-raw material integration of the economies of Russia and China. *Bulletin of the Baikal State University*. Vol. 28, No. 3. Pp. 470–480. (In Russ.).

Sherin, E.A. (2017). Directions of deliveries and zones of consumption of Kuznetsk coal: economic and geographical analysis. *Geograficheskiy vestnik*. Vol. 3 (42). Pp. 17–23. (In Russ.).

Sotnikov, E.A. (2005). *History and prospects of world and Russian railway transport (1800–2100)*. Moscow, Intekst Publ. 112 p. (In Russ.).

Zagorskiy, F.N., Zagorskaya, I.M. (1981) *Henry Maudsley*. Moscow, Nauka Publ. 144 p. (In Russ.).

Zhukov, G.K. (2002). *Memories and Reflections*. In 2 vol. Vol.1. Moscow. Olma-Press Publ. 415 p. (In Russ.).

For citation: Nikolsky, A.F. (2021). What is a Super-combine? *ECO*. No. 3. Pp. 106-121. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-106-121.

Несостоявшаяся реформа науки

Е.В. СЕМЕНОВ, доктор философских наук. E-mail: eugen.semenov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8159-9163

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва

Аннотация. Необходимость реформы национальной научной системы ясно осознается в России с середины 1980-х годов. Начало реформы неоднократно анонсировалось еще с периода перестройки, но наиболее последовательная попытка реформирования была предпринята лишь в начале 1990-х годов. Эта реформа дала ряд положительных частных результатов, но не привела к интеграции науки в рынок, не трансформировала научно-технологический комплекс в научно-технологическую сеть, не освободила науку от бюрократической формы организации и управления, не утвердила принципы самоорганизации и самоуправления. В 2004–2007 гг. была предпринята еще одна, в целом неудачная, попытка реформирования науки посредством ее интеграции в инновационную систему, которую пытались в те годы создать (к сожалению, тоже без особого успеха). При этом была осуществлена реставрация бюрократической административно-командной системы. В результате сегодня ослабленная российская наука оказалась перед теми же проблемами, что и треть века назад.

Ключевые слова: наука; национальная научная система; научно-технологический комплекс; научно-технологическая сеть; реформа науки; экономическая реформа; перестройка

Несмотря на неоднократные попытки реформы национальной научно-технологической системы, в течение последних трех десятилетий наука в России скорее выживала, чем развивалась. И в 2021 г. страна стоит перед необходимостью решения тех же проблем в данной сфере, что и три десятилетия назад. «Перед Россией стоит колоссальная по сложности задача не только и не столько встроиться в современную рыночную экономику, сколько сформировать основу научно-технологической устойчивости ее социально-экономического развития» (Крюков, 2020. С. 40). Эта задача осложняется тем, что за три постсоветских десятилетия отечественная наука оказалась радикально ослабленной. По словам исследователей, то, «что Россия обладает мощной наукой», является «укоренившимся заблуждением» (Клисторин, Тесля, 2020. С. 174).

Сутью реформы науки при переходе от огосударственной плановой экономики к рыночной должна была стать трансформация прежней национальной научной системы в новую,

переход от одной модели науки к другой. Дважды – в 1992–1994 гг. и 2004–2007 гг. – в России предпринимались попытки проведения реформы науки, направленной на ее адаптацию к рыночной экономике и встраивание в инновационную систему. Ни в первом, ни во втором случае поставленных целей достичь не удалось. Очевидно, во многом – из-за специфического понимания сущности реформы подмены понятий.

Реформа по своей сути – это созидательное, а не разрушительное действие; изменение системы в направлении ее развития, а не деградации; изменение целостное и системное, а не фрагментарное и хаотичное. Проведенные в России масштабные кампании по переподчинению и укрупнению организаций, по смене отчетных показателей, по переписыванию программно-концептуальных и нормативных правовых документов сами по себе реформой и не являются.

Накануне. Осознание необходимости и идея реформы

В 1970-х – начале 1980-х годов многие организаторы науки и исследователи высказывали озабоченность по поводу требующих решения проблем науки. Ясно осознавалось, что необходимы интеграция науки и образования, науки и производства, деbüroкратизация науки, развитие ее самоорганизации и самоуправления. Но тогда речь шла еще об отдельных проблемах. Казалось, что развитие социалистического общества в целом, отдельных его сфер и институтов возможно за счет совершенствования, без кардинального изменения принципов организации их жизнедеятельности.

С середины 1980-х годов характер обсуждения проблем развития общества и науки коренным образом изменился. Стали говорить о необходимости комплексной реформы как глубокого системного преобразования. Конструктивных идей, впрочем, было не много, вместо конструктивности предлагалась радикальность. Разум целенаправленной системной реформы уже отступал под напором безумия революции. Начиная с 1987 г. даже руководство правящей партии в лице М. С. Горбачева заговорило о перестройке как о «революционном» преобразовании социалистического общества.

В претенциозной книге М.С. Горбачева «Перестройка для нашей страны и для всего мира» утверждалось: «Очень важно не “засидеться” на старте, преодолеть отставание, вырваться из трясины консерватизма, сломать инерцию застоя. Это невозможно сделать эволюционно, с помощью робкой, ползучей реформы» (Горбачев, 1987. С. 48). Сам автор, возможно, считал, что набор использованных им клише является системой реальных мер, позволяющих осуществить преобразование общества. Значительная часть общества в то время уже думала глубже и видела дальше.

Во второй половине 1980-х годов в научной, инженерно-технической, преподавательской и в целом интеллектуальной среде страны бурно обсуждалась идея глубокого преобразования общества и выстраивания его на основе принципов рынка и демократии. Идеологема рынка и демократии была сутью реформаторской идеологии, выработанной советской интеллигенцией в соавторстве с частью партийной номенклатуры. Рынок и демократия были при этом скорее символами и метафорами, чем конструктивными целями, а «само требование перехода к рынку носило в своих истоках моральный, а не экономический характер» (Яременко, 1998. С. 36). В обществе доминировало представление, согласно которому рынок и демократия либо в условиях обновленного социализма (коммунисты), либо вместо социализма (оппозиционная интеллигенция) позволят стране преодолеть остро ощущавшееся критически опасное отставание от развитых стран Запада.

Огромное отставание страны в технологическом развитии признавалось даже официальной идеологией. Так, в 1989 г. М.С. Горбачев в одной из своих статей писал, что в годы «застоя» и «упущенных возможностей» в СССР «недооценили значения совершившегося переворота в науке и технике и не сделали практических шагов в этом направлении, хотя и много говорилось о необходимости соединения достижений НТР – причем новейшего его этапа – с преимуществами социализма. В результате в общественицизационном плане в ряде важных сфер и направлений мы остались как бы в прошлой технологической эпохе, а страны Запада перешли в другую – эпоху высоких технологий, принципиально новых взаимосвязей науки и производства, новых форм жизнеобеспечения людей, вплоть до быта» (Горбачев, 1989. С. 10).

Корни отставания при этом виделись (в зависимости от идеологической платформы наблюдателя) либо в технологическом базисе общества, низком научно-техническом уровне производства, пропущенной научно-технической революции, либо в экономическом и политическом строе, в социализме и коммунистической идеологии.

Сторонники идей рынка и демократии были чрезвычайно неоднородны по составу, а их временное идеологическое единство – крайне неустойчивым, ситуативным и даже иллюзорным. Своего рода манифестом этой неустойчивой эклектичной идеологии рыночно-демократической реформы советского общества, включая науку, был сборник статей «Иного не дано» [Иного не дано, 1988]. О реформе отечественной науки и всего общества в нем рассуждают такие разные по позициям и последующей судьбе исследователи, как В. Л. Гинзбург и М. Д. Франк-Каменецкий, Н. Н. Моисеев и Г. Х. Попов, Т. И. Заславская и А. В. Яблоков и др.

Уже в начале 1989 г. на первом Съезде народных депутатов СССР это единство разрушилось, и ясно обозначились две стратегии рыночно-демократических реформ – одна рассматривала рынок и демократию как способ системного преобразования социализма, другая считала их альтернативой социализму, способом избавления от него.

Непосредственно в годы перестройки государство решилось в сфере науки лишь на карикатурный хозрасчет, объявленный в 1987 г. известным Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование»¹. В том же 1987 г. сменилось руководство Государственного комитета по науке и технике СССР. С этого момента началась продолжающаяся более тридцати лет кадровая и организационная чехарда в системе органов государственного управления наукой (см. об этом: [Семенов, 2000]).

Продекларированные в Постановлении радикальные изменения, включая активизацию потенциала академической и отраслевой науки, усиление взаимосвязи науки и производства, увеличение производства наукоемкой продукции, улучшение

---

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование» от 30 сентября 1987 г. № 110. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 28.08.2020).

материально-технического и информационного обеспечения науки, исключение научного монополизма и в итоге – ускорение научно-технического прогресса, не произошли.

Если бы их удалось реализовать, это действительно означало бы реформу научно-технологической системы, ее продвижение (хотя бы частичное) от мобилизационной модели к инновационной, от административно-командного управления к некоторой форме самоорганизации, от иерархического принципа организации, основанного на субординации, к сетевому, опирающемуся главным образом на принципы координации. Этого не случилось, поскольку перестройка была не реформой существующей системы, а механизмом ее саморазрушения. Это относится и к науке, и к социуму в целом.

Реальная конструктивная реформа науки в годы перестройки так и не началась. Доминировали не те действия и шаги, которые могли бы конструктивно трансформировать малоэффективный, но все еще дееспособный национальный научно-технологический комплекс и обеспечить его управляемый переход в новое состояние, а действия в духе «демонтажа» и «слома», лишь повреждающие и расшатывающие прежнюю, пусть устаревшую, но целостную конструкцию. Разумеется, встает вопрос: почему все так произошло?

Перестройка как механизм саморазрушения

Перестройка запустила процесс дезорганизации и саморазрушения общества. «Сама «перестройка, – по словам Ю. В. Яременко, – поначалу ничего неожиданного не предвещала, она была очередной идеологической кампанией. Но эта кампания повлекла за собой некоторые политические сдвиги, которые сделали ситуацию неуправляемой. Они показали, до какой степени все прогнило» (Яременко, 1998. С. 116).

Соглашаясь с оценкой утраты управляемости как ключевого фактора процесса разрушения общества, не могу согласиться с первоначально чисто идеологическим характером перестройки. Это был исходно процесс демонтажа политической системы. В 1990–1991 гг. автор имел возможность общаться с рядом людей из окружения руководства страны. По одному из свидетельств, «в своем кругу» М. С. Горбачев, А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе говорили, что «главная задача – это ликвидация самодержавия

КПСС». Именно успешное решение этой задачи привело к утрате управляемости и в конечном итоге – к обрушению всей системы.

Тем не менее Ю. В. Яременко предложил, полагая, наиболее верное объяснение того, из чего возникла перестройка и что предопределило ее закономерный итог. Сделано это им не в публикациях, а в выступлениях и частных беседах, в том числе – с автором этих строк. К счастью, замечательные записи своих бесед с Ю. В. Яременко сделал его коллега С. А. Белановский [Яременко, 1998]. По Ю. В. Яременко, причины саморазрушения общества коренятся в особом пирамидальном устройстве советского общества и в той роли, которую в нем играла бюрократия.

К сталинскому периоду он относит формирование «социальных страт с разным уровнем привилегий», в результате чего сложилось общество, которое «было сословным, причем каждое вышестоящее сословие обладало определенными привилегиями». Это была «иерархия социальных сред», «иерархически построенная система социальных гарантий» [там же. С. 111]. Такая система обеспечивала «высокую мотивацию продвижения по социальной лестнице» [там же. С. 30].

Аналогичным образом выстраивалась «технологическая структура экономики». Она имела «пирамидальное строение», иерархию «технологических уровней, в соответствии с которыми осуществляется распределение ресурсов» [там же. С. 102]. Технологическую и социальную пирамиды объединял лежащий в их основе принцип распределения ресурсов. «Вся социальная структура нашего общества, – по Ю. В. Яременко, – в какой-то степени была подстроена под структуру распределения ресурсов, коррелировала с ней» [там же. С. 110].

Резюмируя множество высказываний Ю. В. Яременко, можно сказать, что советское общество рассматривалось им как пирамида, состоящая из четырех ступеней. Первую из них заполняли массы самых пораженных в своих правах граждан – заключенные (зэки), вторую – беспаспортное крестьянство, третью – рабочие и другие рядовые горожане, четвертую – номенклатура. Учитывая урбанизацию, сокращение доли сельского населения и доли нижней страты, Ю. В. Яременко говорил, что пирамида все больше приобретает форму бочки

Такое общественное устройство побуждало всех (кроме номенклатуры) стремиться подняться на более высокую ступень.

Только номенклатуре некуда было расти внутри системы, и она ориентировалась на границу – устраивала детей в соответствующие вузы и последующую работу в посольствах, торгпредствах, корреспондентских пунктах и т.п. (вилл и яхт тогда еще не было). Именно номенклатура оказалась источником перестройки и главным бенефициаром краха общественной системы. Номенклатурная верхушка, прежде всего ее коррумпированная часть, разрушила всю пирамиду в процессе перестройки.

Общество в целом было плохо готово к другому варианту развития (собственно к реформе), а наука – еще в меньшей степени, что и было «экспериментально установлено» в ходе реформы начала 1990-х гг. «В 1992 году форсированный переход к рыночным отношениям в сфере исследований и разработок, жесткая (по крайней мере, в отношении науки) бюджетная политика усилили многие негативные тенденции, сложившиеся в 80-х годах, и способствовали формированию новых. ... В целом наука еще в меньшей степени, чем производство, была подготовлена к изменениям механизма ее финансирования» [Яременко, 1997. С. 417]. До распада СССР и советской системы реформа науки реально даже не началась. Перестройка же, как показано выше, была не реформой, а механизмом саморазрушения советской системы и СССР как государства.

Первая попытка реформы науки (1992–1994 гг.)

Первая в постсоветской России реальная попытка реформирования научно-технологической системы прочно связана с именем министра Б.Г. Салтыкова. Анализируя ее характер и последствия, важно иметь в виду, что Россия переживала в 1992 г. тяжелейший кризис во всех сферах жизни и деятельности. Наука была частью рушащегося мира. Важно также помнить, что в «реформах Гайдара» места науке не было. И она сама, и ее будущее были самой несущественной частью интересов новой власти, связанных с форсированным разгосударствлением и скорейшим формированием «класса собственников».

Скорость преобразований тогда ставилась выше качества и эффективности. Кому пришлось в то время взаимодействовать с министерствами и правительством, хорошо знают, что в тех кругах открыто говорилось – не важно, в какие руки перейдет собственность, первоначальный состав класса собственников

не может быть качественным и эффективным, зато потом «пена сойдет», и рынок все расставит по своим местам.

Характерно, что и через четверть века главным результатом реформ Е. Т. Гайдара ее бенефициары считают именно и только появление в стране частной собственности, оставляя без внимания вопросы способов ее формирования, качества возникшего класса собственников и цены, заплаченной страной за «первоначальное накопление». Так, в 2016 г. О. В. Вьюгин говорил, что «если одним словом назвать суть реформ 90-х годов, то это – частная собственность... Все остальное – это то, что должно было последовать за частной собственностью [Российская экономика..., 2016. С. 6]. По его мнению, главное, что «все-таки произошло юридическое оформление прав собственности на советское наследие... Наследие было очень богатое, и произошло юридическое оформление частной собственности на средства производства» [там же. С. 7].

Полемизируя с этой точкой зрения, академик В. М. Полтерович заметил, что, по подсчетам А. Маркевича и М. Харрисона [Маркевич, Харрисон, 2013], «относительные потери ВВП в 90-е годы в России были выше, чем суммарные потери за годы террора и годы Второй мировой войны. При оценке реформ мы должны абстрагироваться от этих потерь или все-таки их тоже учесть?» [Российская экономика..., 2016. С. 18].

О том, что в реформе Гайдара не было места науке, свидетельствует правительственная «Программа углубления экономических реформ»² (подробнее об этом см. [Семенов, 1996. С. 448–450]. Гайдаровская реформа не учитывала науку даже в качестве элемента преобразуемой системы, не говоря уже об использовании потенциала науки в процессе этих преобразований.

И все же наука в начале 1990-х годов была неотъемлемой частью происходившего процесса разгосударствления и связанного с ним реформирования всех сфер жизнедеятельности общества. Никаких ресурсов на реформу науки не выделялось. Что-то сделать можно было только за счет перераспределения крайне скудного текущего финансирования, а также за счет изменения способов финансирования и организации исследований.

---

² Программа углубления экономических реформ. М., 1992.

Хотя Б.Г. Салтыков возглавлял министерство науки (неоднократно реформативировавшееся и менявшее свое название), с ноября 1991 г. по июнь 1996 г., реформаторским является только период с 1992 г. по 1994 г. [Семенов, 2009. С. 33-38].

Главным программно-концептуальным документом реформы, содержащим наиболее полное изложение ее замысла, являются «Основные положения концепции развития науки и техники Российской Федерации в 1992–1993 годах»³. Интерес представляет также интервью Б.Г. Салтыкова журналу «Науковедение» [Салтыков, 2002]. «Основные положения» основаны на идеях, по признанию Б.Г. Салтыкова, выработанных им и его научной командой в годы работы в ЦЭМИ АН СССР, ИНП АН СССР и Аналитическом центре по проблемам социально-экономического и научно-технического развития АН СССР. В 1990-х, а отчасти и 2000-х годах реформаторские действия основывались на круге идей из «Основных положений».

В документе отмечены некоторые недостатки советской научной системы, на преодоление которых должна быть направлена реформа. Выделены «консерватизм», «низкие адаптивные возможности» и «глубокий структурный кризис» науки. В разделе «Концепция реформы» определены семь приоритетов государственной научной политики, в том числе: избирательная, выборочная поддержка научных исследований и научных организаций; сохранение лучших российских научных школ за счет стабильного бюджетного финансирования; демилитаризация и конверсия сферы НИОКР; разгосударствление и адаптация сферы НИОКР к рыночным принципам; переход от финансирования научных организаций к финансированию целевых проектов и программ; обеспечение множественности источников финансирования; создание региональных фондов поддержки научно-технического развития.

Как мы видим, предполагалось кардинальное изменение системы финансирования научных исследований: переход от государственного финансирования целостной научной системы из федерального бюджета к выборочному финансированию отдельных ее частей из множественных источников, от финансирования всех научных организаций (и только организаций)

---

³ Основные положения концепции развития науки и техники Российской Федерации в 1992-1993 годах//Курьер российской науки и высшей школы. 1992. № 4.

к выборочной поддержке организаций, проектов, программ, научных школ. Предполагалось также радикальное изменение взаимодействия науки с практикой за счет сокращения ее связей с оборонно-промышленным комплексом («демилитаризации» и «конверсии») и ее адаптации к рыночным принципам.

В «Основных положениях» реформаторская политика структурировалась по ее «элементам», понимаемым как «приоритетные направления» инновационного развития и как «задачи» использования имеющегося инновационного потенциала. В разделе «Основные элементы научно-технической политики ближайшего и перспективного периода» выделены четыре приоритетных направления и три группы задач.

В качестве первых предусмотрены: работы межотраслевого характера по созданию, освоению и распространению техники и технологий, приводящих к кардинальным изменениям в технологическом базисе страны; работы по крупным отраслевым научно-техническим проектам, требующие масштабной концентрации ресурсов, которые не под силу отдельным предприятиям; научно-техническое обеспечение реализации социальных целей, включая развитие здравоохранения, образования, культуры, окружающей среды, инфраструктуры; направления научно-технического прогресса, связанные с международным разделением труда и внешнеэкономической деятельностью государства.

Бросается в глаза чисто технократический характер выделения приоритетных направлений инновационного развития и явно государственный способ их поддержки. Никакой адаптации к рыночным принципам, никакого разгосударствления и никаких множественных источников финансирования «Основные положения» реально не предусматривают, несмотря на объявленные в них приоритеты научно-технической политики.

В документе выделены три группы задач: использование имеющегося в стране, прежде всего в оборонных отраслях промышленности, крупного инновационного потенциала; концентрация НИОКР; гибкое сочетание в финансировании бюджетных ресурсов и средств заинтересованных предприятий и организаций, а также создание инновационных фондов и страховых компаний, объединяющих средства государства и коммерческих структур.

Можно констатировать, что «Основные положения» – это документ, нацеленный на разгосударствление и рыночную

ориентацию науки, ее интеграцию в инновационную систему, на развитие в науке самоорганизации и самоуправления. Иными словами, предусматривалась трансформация государственного научно-технологического комплекса в научно-инновационную систему, интегрированную в рынок.

Об этом говорил тогда и Президент РФ Б. Н. Ельцин в своем Послании Федеральному собранию: «смысл» развития науки «сейчас предельно ясен: нужна естественная интеграция науки в новые рыночные условия»⁴.

На беду, такого рынка, в который можно было интегрировать науку, в России начала 1990-х годов не было, нет его и в настоящее время. Да и сама наука была крайне слабо подготовлена к подобной интеграции, не готова она к этому и сейчас. Государство ни тогда, ни теперь не проводило и не проводит последовательной политики, направленной на такую интеграцию. Спустя четверть века после принятия «Основных положений» в стране так и не сложилась дееспособная инновационная система, а наука так и не встроеилась в рынок (подробнее см.: [Семенов, 2013]). Вместо разгосударствления с начала 2000-х годов наблюдается процесс повторного огосударствления науки [Семенов, 2012]. Вместо самоорганизации утвердились бюрократические механизмы и формы управления в их наихудшем виде [Семенов, 2020].

Если в 1992–1994 гг. команда реформаторов в условиях тяжелейшего кризиса смогла реализовать какую-то часть своих замыслов, то с 1995 г. началась явная стагнация реформы, она боролась уже просто за свое выживание в системе государственной власти. А после 1998 г., когда дефолт подвел черту под прежним вектором социально-экономического развития страны, и особенно после 2000 г., когда приоритетом стало усиление роли государства, с нарастающей скоростью происходило новое огосударствление всей экономики и сферы НИОКР, переросшее после 2012 г. в реставрацию бюрократической административно-командной системы.

К наиболее важным практическим результатам реформирования науки 1992–1994 гг. нужно отнести прежде всего: сохранение наиболее ценной части отраслевой науки за счет создания системы государственных научных центров и их объединения

---

⁴ Послание Президента России Б. Н. Ельцина Федеральному собранию РФ «Об укреплении Российского государства» 1994 г. URL: <http://www.intelros.ru/2007/02/04>

в Ассоциацию ГНЦ; учреждение государственных фондов поддержки инновационной деятельности, включая Российский фонд технологического развития (1992 г.) и Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (1994 г.); учреждение государственных фондов поддержки научных исследований, включая Российский фонд фундаментальных исследований (1992 г.) и Российский гуманитарный научный фонд (1994 г.); подготовку и принятие в 1996 г. первого в истории страны ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

При этом министерской команде реформаторов совершенно не удалось смягчить и сделать управляемым процесс обвального сокращения сферы НИОКТР, сделать управляемым и полезным для отечественной науки процесс подключения к глобальной системе циркуляции научных кадров, превратившийся, по сути, в «утечку мозгов» – потерю для России большей части активных и наиболее востребованных мировой наукой исследователей.

Как пишет М. Ф. Черныш, «легкомысленное отношение» к утечке умов приводит к тому, что «национальная наука медленно, но верно сползает к периферийным позициям, становится практически во всем зависима от зарубежных научных центров, а далее, если ее деградация продолжится, войдет в «мерцающую фазу», когда какие-то ученые в стране есть, но реального научного производства нет, или оно совсем вторично» [Черныш, 2020. С. 53].

Почти полвека потребовалось для принятия первого в отечественной истории закона о науке (подробнее см. [Филь, 2019]). Но документ, сложенный из трех концептуально отличающихся друг от друга проектов, оказался во многом эклектичным, не побуждающим науку к реформе и к принятию на себя активной роли в жизнедеятельности общества. Впрочем, все последующие попытки разработки нового закона о науке оказывались еще хуже, особенно карикатурный законопроект, разработанный в 2019 г. под руководством М. Б. Лукашевич. Его обсуждению был посвящен круглый стол журнала «Управление наукой: теория и практика» в июле 2019 г.⁵

---

⁵ Круглый стол: Проект Федерального закона «О научной и научно-технической деятельности» // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 1. С. 13–50.

Вторая попытка реформы науки (2004–2007 гг.)

В начале 2000-х годов Президентом РФ В. В. Путиным была провозглашена и с задержкой в несколько лет фактически начата активная научно-технологическая политика, связанная с именем министра А. А. Фурсенко, означавшая вторую попытку реформы, опиравшейся в основном на комплекс идей, провозглашенных и частично реализованных в начале 1990-х годов. Общие принципы этой политики многократно формулировались и публично обосновывались министром А. А. Фурсенко.

Автор проанализировал 217 текстов министра (в основном интервью и публичных выступлений) периода 2004–2011 гг., в которых постоянно утверждалось, что государство обязано заниматься в научно-технологической сфере тремя вопросами: приоритетами, научной средой, а также инновационной системой.

Начиная с 2004 г., министр настойчиво повторял, что «самое главное сегодня – выстроить приоритеты»⁶, что наряду с приоритетами «главная задача» – «это сохранение среды для генерации знаний»⁷, что «есть две составляющие поддержки науки. Первое – необходимость сохранить среду, в которой создаются знания... Второе. Мы должны где-то выделить научные приоритеты и поддерживать их»⁸, что «наряду с поддержкой приоритетов государство должно обеспечивать сохранение научной среды, где возникают новые знания, поддержку ведущих научных школ, университетов»⁹.

«Среда» при этом всегда связывалась с сущностью и спецификой науки, с культурно-историческими особенностями и традициями. «Приоритеты» понимались и как собственно научные, и как инновационные научно-технологические, связанные с рынком, практическими запросами бизнеса и государства.

Для жизни в условиях рынка требовалась глубокая реформа науки. «Вариантов никаких нет, нам не надо даже обсуждать, стоит или не стоит реформироваться. Мы все равно будем

---

⁶ Фурсенко А. Венчурные инвестиции придут с сильными проектами // Российская Бизнес-газета. 2004. 12. окт. № 480.

⁷ Две концепции. Интервью с Андреем Фурсенко, министром образования и науки РФ [Эл. ресурс] ИА Наука. URL: <https://ria.ru/20041015/707695.html>

⁸ Ваганов А. Президента РАН должен утверждать Президент страны // Независимая газета. 2005. 29 июня.

⁹ Министр образования и науки Андрей Фурсенко: «Нашей науке надо преодолеть высокомерие» // Известия. 14.08.2006. № 146.

реформированы, просто в одном случае нас как щепку в потоке будет бросать в разные стороны, или мы все-таки начнем управлять этим движением»¹⁰. От способности работать в рынке зависит будущее самой науки – «Если бизнес не начнет инвестировать научные исследования, науке, даже с помощью государства, не удастся преодолеть кризис»¹¹.

Задача поддержки приоритетов была тесно связана с созданием инновационной системы, включая центры трансфера технологий, технопарки, страховые фонды, кредитные организации и т.д. «Все это и должно построить государство. Добавьте сюда и огромный пакет нормативно-правовых актов, которые должны снять барьеры на пути коммерциализации научных разработок»¹².

Но между декларируемой ГНТП и реальной системой действий государства не было полного совпадения ни по объему, ни по смыслу. Наиболее вредным был эффект фактического вытеснения бизнеса государством из процесса финансирования науки. Государство, вместо того, чтобы стимулировать весьма слабый интерес бизнеса к научным разработкам и всемерно поддерживать крайне слабый интерес науки к бизнесу, просто влезло между бизнесом и наукой с ФЦП.

Министр А. А. Фурсенко многократно говорил о негативных последствиях этой, по его словам, «опасной тенденции», когда «растущее бюджетное финансирование научной, инновационной сферы не становится катализатором привлечения внебюджетных средств, а служит для их замещения. Соответственно, доля привлеченных средств вместо того, чтобы расти, падает, и если так будет продолжаться, то и “казенная кормушка” прикроется» [Соснова, 2008]. Такая политика не провозглашалась, но, получается, реально проводилась с помощью поддержки предложения, а не спроса, что осуществлялось посредством «казенной кормушки» ФЦП. Это совсем не государственно-частное партнерство (ГЧП), деклариовавшееся в качестве принципа политики, а простое вытеснение бизнеса государством и переориентация науки на привычное для нее бюджетное финансирование.

---

¹⁰ Две концепции. Интервью с Андреем Фурсенко, министром образования и науки РФ [Эл. ресурс] РИА Наука. URL: <https://ria.ru/20041015/707695.html>

¹¹ Министр образования и науки Андрей Фурсенко. Указ. соч.

¹² *Медведев Ю.* Разминировать поле чудес // Российская газета. 2004. 24 нояб.

Эксперты ОЭСР также отмечали, что «вместо стимулирования спроса на первый план выдвигается предложение, а государственное финансирование инноваций канализируется через набор инструментов, которые вытесняют бизнес-инвестиции»¹³, что российская политика, «которая унаследовала от советской эпохи подход к инновациям, основанный главным образом на факторе предложения, должна обратить большее внимание на спрос и роль потребителей в предложении и формировании инноваций»¹⁴. Неудача в создании инновационной системы предрепределила поворот к радикальному изменению государственной научно-технологической политики в 2012–2013 гг.

***

Таким образом, реформа науки на практике оказалась романтическим прожектерством. Интеграции науки в рынок не произошло ни в 1990-х гг., ни последующие годы. Все ее проблемы остались на своем месте и только обострились за потерянное время.

Эти проблемы коренятся в крайне несовременной дисциплинарной и должностной структуре российской науки, в ее низком ресурсном обеспечении, в деградации, вызванной политикой принуждения ученых к производству отчетных показателей вместо решения реальных задач и политикой подавления национального языка, превращающих русскоязычную науку в науку мусорных журналов, отнимающей у русского языка статус языка передовой науки, что представляет угрозу и для сохранения качественного образования на русском языке, и для сохранения его как языка межнационального общения.

Причины прогрессирующей деградации российской науки исследователи видят обычно либо в «недофинансировании», либо в «невостребованности», либо в «плохом управлении». В действительности имеют место и эти, и многие другие негативные факторы. Более того, все эти факторы взаимодействуют, создавая синергетический эффект.

---

¹³ Обзоры ОЭСР по инновационной политике: Российская Федерация. М., 2011. [С. 15].

¹⁴ Там же. [С. 23].

Недофинансирование во многом объясняется не востребованностью, отсутствием платежеспособного спроса на науку. Плохое управление создает условия для отсутствия такого спроса. При этом автор в целом согласен с Н.В. Путило и Ю.И. Шуплецовой, которые резонно отмечают, что «главная проблема российской науки – в плохом управлении, причем практически на всех уровнях» [Путило, Шуплецова, 2019. С. 98]. Для исправления ситуации начинать нужно с этого конца.

Литература

- Горбачев М. С.* Перестройка для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат. 1987. 271 с.
- Горбачев М. С.* Социалистическая идея и революционная перестройка// Коммунист. 1989. № 18. С. 3–20.
- Иного не дано. М.: Прогресс. 1988. 680 с.
- Клисторин В. И., Тесля П. Н.* Альтернативные взгляды на экономику: Сочинения Г.И. Ханина //ЭКО. 2020. № 19. С. 169–192. DOI: 10.30680/ЕКО 0131–7652–2020–9–169–192
- Крюков В. А.* О взаимосвязи и взаимодействии, экономической, промышленной и научно-технологической политик//Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 15–46. DOI: 10.19181/smtpr. 2020.2.2.1
- Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013.
- Путило Н. В., Шуплецова Ю. И.* Правовое регулирование научной деятельности в Российской Федерации: общие тенденции через призму частных проблем //Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 1. С. 96–109. DOI: 10.19181/smtpr. 2019. 1.1.3
- Российская экономика: обособленность и устойчивость. К 25-летию рыночных реформ. Вып. 83. М.: Никитский клуб. 2016. 54 с.
- Салтыков Б. Г.* Актуальные вопросы научно-технической политики //Науковедение. 2002. № 1. С. 50–68.
- Семенов Е. В.* О задаче возвращения профессионалов в систему управления наукой//Управление наукой: теория и практика 2000. Т. 2. № 2. С. 93–116. DOI: 10.19181/smtpr. 2020.2.2.4
- Семенов Е. В.* Опыты с ручным управлением научно-технологическим комплексом в постсоветской России //Наука. Инновации. Образование. 2013. № 13. С. 7–32.
- Семенов Е. В.* Производство показателей как механизм подавления производства знаний, технологий и компетенций //Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 69–93. DOI: 10.19181/smtpr. 2020. 2.1.4
- Семенов Е. В.* Россия с наукой и без науки. М.: Языки славянской культуры. 2009. 168 с.
- Семенов Е. В.* Российский научно-технологический комплекс в 2000–2010 гг. //Наука. Инновации. Образование. 2012. № 12. С. 7–19.
- Семенов Е. В.* Явь и грезы российской науки. М.: Наука. 1996. 480 с.
- Соснова А.* Ода авантюре // Поиск. 2008. 20. июня. № 24–25.

Филь М. М. Законопроекты для науки: история и современность // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 58–69. DOI: 10.19181/smtp.2019.1.2.3

Черныш М. Ф. Реформа российской науки как институциональное конструирование // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 47–64. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.2

Яременко Ю. В. Прогнозы развития народного хозяйства и варианты экономической политики. М.: Наука. 1997. 479 с.

Яременко Ю. В. Экономические беседы. Запись С. А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики наук, 1998. 343 с.

Статья поступила 23.09.2020.

Статья принята к публикации 19.10.2020.

Для цитирования: Семенов Е. В. Несостоявшаяся реформа науки // ЭКО. 2021. № 3. С. 122–139. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-122-139.

Summary

Semenov, E.V., Doct. Sci. (Philosophy), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow

A Failed Reform of Science

Abstract. The necessity to reform the national system of science has been clearly recognized in Russia since the mid-1980s. The start of reform has repeatedly been announced. But during the perestroika period, the reform of science was never even started. The most consistent reform effort was made in the early 1990s. This reform produced a number of some positive results, but did not lead to an integration of science into the market system, did not transform the scientific and technological complex into a scientific and technological network, did not free science from the bureaucratic form of organization and governance, did not approve the principles of self-organization and self-government. In 2004–2007, another, generally unsuccessful, attempt has been made to reform science by integrating it into the innovation system, which they tried to create (unfortunately, without success) in those years. As a result of failures to reform the national scientific system and a successful restoration of the bureaucratic administrative-command system, a weakened Russian science is faced with the same problems as a third of a century ago.

Keywords: *Reform of science; the national science system; the science and technological complex; the science and technological network; scientific reform; economic reform; perestroika*

References

Chernysh, M.F. (2020). Reform of a Russian science as an institutional constructing. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 2. Pp. 47–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.2.2> (In Russ.).

Fil', M.M. (2019). Bills for science: history and modernity. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 1. No. 2. Pp. 58–69. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2019.1.2.3> (In Russ.).

Fursenko, A. (2004). Venture capital investments will come with strong projects. *Russian Business newspaper*. October 12. (In Russ.).

Gorbachev, M.S. (1987). *Perestroika for our country and for the whole world*. Moscow. Politizdat Publ. 271 p. (In Russ.).

Gorbachev, M.S. (1989). *The socialist idea and revolutionary perestroika*. *Kommunist*. No. 18. Pp. 3–20. (In Russ.).

Klistorin, V.I. and Teslya, P.N. (2020). Alternative views on the economy: Works of G.I. Khanin. *ECO*. No. 19. Pp. 169–192. DOI: 10.30680/EKO 0131–7652–2020–9–169–192 (In Russ.).

Kryukov, V.A. (2020). On the Interconnection and Interaction of Economic, Industrial and Scientific-technological Policies. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 2. Pp. 15–46. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.2.1> (In Russ.).

Markevich, A. and Harrison, M. (2013). *World war I, civil war, and reconstruction: Russia's national income in 1913–1928*. Moscow. Mysl' Publ. (In Russ.).

Nothing else is given. (1988). Moscow. Progress Publ. 680 p. (In Russ.).

Putilo, N.V. and Shupletsova, Y.I. (2019). Legal regulation of scientific activity in the Russian Federation: general trends through prism of private problems. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 1. No. 1. Pp. 96–109. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2019.1.1.3> (In Russ.).

Russian economy: isolation and stability. On the 25th anniversary of market reforms. (2016). Iss. 83. Moscow. Nikitskii Klub Publ. 54 p. (In Russ.).

Saltykov, B.G. (2002). Current issues of scientific and technical policy. *Naukovedenie*. No. 1. Pp. 50–68. (In Russ.).

Semenov E.V. (2020). Production of indicators as a mechanism for suppression of production of knowledge, technology and competencies. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 1. Pp. 69–93. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.1.4> (In Russ.).

Semenov, E.V. (1996). *Reality and dreams of Russian science*. Moscow. Nauka Publ. 480 p. (In Russ.).

Semenov, E.V. (2012). Russian scientific and technological complex in 2000–2010. *Science. Innovation. Education*. No. 12. Pp. 7–19. (In Russ.).

Semenov, E.V. (2013). Experiments with manual control of a scientific and technological complex in post-Soviet Russia. *Science. Innovation. Education*. No. 13. Pp. 7–32. (In Russ.).

Semenov, E.V. (2020). On the return of the professionals to the governance of science. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 2. Pp. 93–116. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.2.4> (In Russ.).

Sosnova, A. (2008). An ode to adventure. *Poisk*. No. 24–25. June 20. (In Russ.).

Yaremenko, Yu.V. (1997). Forecasts of national economy development and economic policy options. Moscow. Nauka Publ. 479 p. (In Russ.).

Yaremenko, Yu.V. (1998). *Economic conversations*. Moscow: Tsentr issledovaniy i statistiki nauk publ. 343 p. (In Russ.).

For citation: Semenov, E.V. (2021). A Failed Reform of Science. *ECO*. No. 3. Pp. 122–139. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-122-139.

Знания, инновации, «цифра», или от фабулы к сюжету?¹

В.В. ШМАТ, кандидат экономических наук.

E-mail: petroleum-zugzwang@yandex.ru

ORCID:

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск

«Прогресс – это лучшее, а не только новое».

*Lone de Beza*²

«I think there are too many smart people pursuing internet stuff, finance, and law. That is part of the reason why we haven't seen as much innovation».

«Musky Quotes of Elon Musk»³

Аннотация. Статья затрагивает некоторые сущностные аспекты развития российской экономики на современном этапе, т.е. в условиях инновационного «бума», цифровизации, усиленного внимания к вопросам накопления человеческого капитала – всего того, что ассоциируется с формированием и развитием «экономики знаний», или «новой экономики». Автор пытается выявить взаимосвязи между знаниями и развитием экономики, сформулировать их в терминах «фабулы» и «сюжета», что имеет непосредственное отношение к определению объекта исследования при изучении проблем современной экономики. Дается интерпретация библиографической статистики по результатам индексирования научных статей в базах РИНЦ, Scopus и JSTOR в рамках тематики модернизации экономики, ее цифровизации, становления экономики знаний, инновационного развития, накопления человеческого капитала. Выявляется различие в тематических акцентах публикаций в отечественном и зарубежном сегментах научной литературы.

Ключевые слова: экономика знаний; инновации; цифровая экономика; технологическая революция; человеческий капитал; экономика России; инновационное развитие; модернизация экономики; экономический рост; научное индексирование; РИНЦ; Scopus; JSTOR

У этой статьи есть своя предыстория. Ее материал был подготовлен в ходе исследования, проводимого под патронатом журнала

¹ Статья подготовлена в рамках исследований, проводимых при поддержке Российского научного фонда (Проект № 19–18–00170).

² КартаСлов.Ру — Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/цитаты-со-словом/прогресс> (дата обращения: 15.07.2020).

³ *Sreechinth, C. Musky Quotes Of Elon Musk. UB Tech, 2018. 71 p. (p. 21). Обще-принятый перевод: «Я думаю, что люди сегодня как-то уж слишком увлеклись всяким там интернетом, финансами и правом. Это одна из причин, почему у нас мало инноваций» (URL: <https://ru.citatty.net/avtory/elon-mask/>).*

«ЭКО» и посвященного сценарному прогнозированию российской экономики с использованием экспертно-статистического байесовского метода (см. [Карева, Шмат, 2014; Карева, Шмат, 2015; Михайловская и др., 2017; Михайловская, Шмат, 2018, 2019; Берсенева, Шмат, 2020]).

Отмечу, что на прошедшем этапе прогностического исследования в фокусе внимания находилась проблематика модернизации российской экономики, инновационного развития во взаимосвязи с экономическим ростом. Однако ограниченность журнального жанра не позволила включить в последнюю статью-отчет часть наборок, представляющихся автору довольно важными, а именно – анализ научного дискурса по вопросу о сущности инновационного развития экономики.

Дело в том, что прежде чем приступить непосредственно к построению прогноза, потребовалось уточнить основные концептуальные аспекты проблемы, связанные с объектом исследования, с пониманием роли знаний и инноваций в экономике. Необходимость проведения такого анализа обусловлена особенностями метода прогнозирования и построения конструкции прогнозной модели, включающей значимые проблемные ситуации в экономике и способы их разрешения. Естественно, что их формулировка связана с выявлением реальных проблем в российской экономике, предлагаемых путей решения и ожидаемых (возможных) исходов на основе тех представлений и суждений, которые сложились в среде исследователей, аналитиков, управленцев и проч. и которые находят свое отражение в научной литературе. Также естественно, что преимущественное внимание было уделено отечественной научной литературе, поскольку нас интересуют не просто теоретические основы исследования экономики знаний и инновационного развития, а конкретно российские проблемы и прикладные аспекты их изучения, которые выливаются в рекомендации, прогнозы, планы.

Для корректной формулировки проблем и событий в модельной конструкции прогноза, которые описывают процесс развития экономики и должны оцениваться экспертами, потребовалось выяснить, о каких свойствах этого развития, собственно, должна идти речь? Что следует понимать под инновационным развитием экономики? Как соотносятся процессы модернизации и экономического роста в России со знаниями и инновациями?

Знания и инновации в основе фабулы экономического развития

Термин «экономика знаний» сейчас у всех на слуху – притом, что до сих пор не существует однозначной, общепринятой трактовки данной категории и, как следствие, общепринятых, устоявшихся воззрений по поводу закономерностей развития и путей решения тех проблем, которые порождает эта «новая» экономика. Иными словами, «...на данный момент экономика знаний для экономической науки – “черный ящик”» [Лаврова, 2012. С. 36]. В равной степени это относится едва ли не ко всем ключевым понятиям, с помощью которых характеризуется процесс современного экономического развития, будь то «модернизация экономики», «цифровая экономика», «человеческий капитал» и проч.

Среди исследователей распространена точка зрения, что экономика знаний (или «новая экономика» – термин, часто используемый как синоним) представляет собой новую ступень в экономическом прогрессе, очередную фазу развития экономики. «Исторически сначала возникла экономика, основанная на физическом труде и сельском хозяйстве. Ее сменила индустриальная экономика, базирующаяся на использовании природных ресурсов. На смену последней постепенно приходит экономика, базирующаяся на знаниях» [Макаров, 2004. С. 5].

Вместе с тем существует и несколько иная интерпретация роли знаний в экономическом развитии, согласно которой «знания всегда (во все исторические эпохи) играли важнейшую роль в экономическом и социальном прогрессе...» [Фролов, Шелестова, 2013. С. 88]; и далее: «...элементы экономики знаний исторически присутствуют во всех общественно-экономических формациях и цивилизациях, но лишь в условиях глобализации они проявляются с наибольшей отчетливостью» [Там же. С. 92]. Согласитесь, уважаемый читатель, что «проявляться с наибольшей отчетливостью» и «быть основной» – это далеко не одинаковые роли. При этом авторы ссылаются не только на современные научные труды (например [Carlaw et al., 2006]), но апеллируют к Фрэнсису Бэкону, который еще в XVII веке утверждал, что «знание и могущество человека совпадают»⁴.

---

⁴ Цитируется по [Фролов, Шелестова, 2013. С. 92]. В сочинениях Фрэнсиса Бэкона эта мысль повторяется неоднократно: «два человеческих стремления – к знанию и могуществу – поистине совпадают в одном и том же» («Великое восстановление наук» [Бэкон, 1978а. С. 79]), «знание и могущество человека совпадают», «пути к человеческому могуществу и знанию ближайшим образом сплетены один с другим и едва ли не одни и те же» («Новый Органон» [Бэкон, 1978с. С. 12 и 81]).

Образно говоря, «экономики незнаний» никогда не существовало. Знания всегда были и остаются эндогенным фактором экономического развития, при этом влияние знаний, науки (как источника знаний) на процессы общественного производства имеет взаимный характер. Данное свойство знаний подметил еще Карл Маркс, указывая на то, «...до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним...» [Маркс, 1969. С. 215]. Происходит «...превращение процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей...» [Там же. С. 208]. Но при этом: «Если процесс производства становится применением науки, то наука, наоборот, становится фактором, так сказать, функцией процесса производства» [Маркс, 1973. С. 553]. Проникновение знаний в производство в сущности приобретает перманентный характер: «Каждое открытие становится основой для нового изобретения или для новых усовершенствованных методов производства» [Там же. С. 553–554].

Но возникают и конфликты – научное знание противопоставляется труду, который как фактор производства сравнительно обесценивается. «...Непосредственный труд и его количество исчезают в качестве определяющего принципа производства, созидания потребительных стоимостей; и если с количественной стороны непосредственный труд сводится к менее значительной доле, то качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, к технологическому применению естествознания...» [Маркс, 1969. С. 207–208]. «...Происходит отделение науки как науки, примененной к производству, от непосредственного труда, в то время как на прежних ступенях производства... рука и голова не были отделены друг от друга» [Маркс, 1973. С. 553–554]. В свою очередь, наука тоже становится объектом эксплуатации. «Наука получает призвание быть средством производства богатства, средством обогащения...», а потому «...имеет место эксплуатация науки, теоретического

прогресса человечества. Капитал не создает науки, но он эксплуатирует ее, присваивает ее для нужд процесса производства...» [Там же. С. 553–554].

Наука дает знания, знания порождают инновации, а инновации повышают общественную производительность (и в узком и в широком смысле слова). Такова фабула⁵ экономического развития на протяжении уже не одного столетия.

О правдоподобной концепции «экономики знаний»

Тем не менее современная стадия экономического развития действительно имеет свои особенности и ярко выраженные отличия от предыдущих. И если считать их проявлением возрастающей роли знаний, то как следовало бы определять «экономiku знаний»?

В рамках рассуждений о концепции «экономики знаний», прежде всего, заслуживает внимания весьма спорный тезис о превращении знаний (или информации как носителя знаний) в товар, точнее – в особый вид товара, обладающий свойством неисчерпаемости в процессе распространения, – когда одновременно обогащаются обе стороны: и та, что передает знания, и та, что их получает. «... Эту глупость повторили уже столько известных социологов и экономистов, она настолько укоренилась в научной и учебной литературе, что, право же, неловко говорить о том, что здесь фактически перепутаны разные вещи: знания фундаментальные и знания, конвертируемые в прибыль. Между тем они весьма по-разному отражаются в экономике» [Антонов, 2013. С. 50–51].

Довольно резкая оценка общепринятого взгляда, но нет сил с ней не согласиться. Нельзя путать и смешивать фундаментальные знания, которые действительно не уменьшаются в результате их потребления и которые нельзя превратить в объект частной

---

⁵ Под **фабулой** понимают воссозданные в произведении события, которые соединены временной последовательностью и логической, причинно-следственной связью. **Сюжет** – это «художественно построенное распределение событий», совокупность сюжетных мотивов, данных в той последовательности и с той степенью полноты, которая необходима для реализации авторского замысла. То есть фабула – событийный костяк произведения, а сюжет является формой воплощения фабулы. (Литературная энциклопедия. Сюжет и фабула.) URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5461/сюжет (дата обращения: 10.07.2020).

собственности, со знаниями, подлежащими коммерциализации и призванными приносить прибыль. Первые неисчерпаемы, но не являются экономическим ресурсом; вторые представляют из себя экономический ресурс, но их доступность ограничена, более того, они зачастую оказываются объектом монопольной собственности, охраняемой всеми мыслимыми средствами. «Если бы свободная передача знаний, конвертируемых в прибыль, впрямь, ни для кого не означала потери, то давно бы исчезли такие понятия, как “промышленный шпионаж”, “коммерческая тайна”, “секрет фирмы” и т.п. А поскольку расходы на информационную безопасность растут в мире с каждым годом, – постольку напрашивается вывод о том, что декларации о “неисчерпаемом” характере знаний в современной экономике фактически являются апологетикой» [Антонов, 2013. С. 50–51].

Теперь вновь обратимся к означенному выше образному тезису о том, что «экономики незнаний» никогда не существовало. Один из авторов формулирует его в более развернутом виде: «... любая из существовавших и существующих ныне экономик – это экономика знаний: какие знания – такая и экономика» [Пилипенко, 2015. С. 55]. От себя добавлю, что, вероятно, во многом справедливым является и обратное утверждение: какова экономика – таковы и знания.

Е. В. Пилипенко в своей небольшой по объему статье обосновывает концепцию «экономики знаний», которая выглядит весьма правдоподобной и аргументированной. Во всяком случае, данное им определение отличается от большинства известных своей универсальностью и сравнительно точными критериями объема «научного вклада», делающего экономику «экономикой знаний». Итак, «экономика знаний – это система социально-экономических отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления продуктов, менее чем на 1/4 состоящих из естественного Вещества природы... Или: экономика знаний возникает там и тогда, где и когда общество переходит к технологиям обработки Вещества природы на наноуровне» [Пилипенко, 2015. С. 58].

Понимаемая таким образом экономика знаний ассоциируется с шестым технологическим укладом, который логично следует за пятым, присущим постиндустриальной экономике, и характеризуется «развитием робототехники, биотехнологий, основанных

на достижениях молекулярной биологии и генной инженерии, нанотехнологии, систем искусственного интеллекта, глобальных информационных сетей, интегрированных высокоскоростных транспортных систем» [Авербух, 2010. С. 160]. Соответственно, выявляется одна из специфических черт экономики знаний, связанная с отсутствием преемственности в формировании ее технологического уклада. «В самом деле, нано- и биотехнологии не “вырастают” из технологий металло- и машинообработки, не “встраиваются” в них, а полностью их заменяют, требуя адекватных изменений в обеспечивающей их реализацию социально-экономической системе» [Пилипенко, 2015. С. 57–58].

В обобщенном виде тезис о полном обновлении при переходе к экономике знаний звучит так: «... невозможно практически ничего почерпнуть из предшествующего опыта – всё надо изучать и разрабатывать заново – в этом сложность и интерес экономики знаний» [Пилипенко, 2015. С. 60]. Как ни странно, но это перекликается с одним из афоризмов Френсиса Бэкона, опубликованным 400 лет назад: «Тщетно ожидать большого прибавления в знаниях от введения и прививки нового к старому. Должно быть совершено обновление до последних основ, если мы не хотим вечно вращаться в круге с самым ничтожным движением вперед» [Бэкон, 1978с. С. 17].

Следует лишь подчеркнуть, что у современного автора речь идет не о реальных проблемах, связанных с формированием системы социально-экономических отношений, обеспечивающей производство, которые свойственны экономике знаний, как и любой другой экономике, и по своей сути всегда остаются прежними. Имеются в виду решения, методы и инструменты *достижения* поставленных целей, которые будут принципиально иными, чем в предшествующих экономических системах, «поскольку никогда ранее нематериальный, невещественный фактор (Знания) не доминировал столь значительно над материальным, вещественным фактором (Веществом природы)» [Пилипенко, 2015. С. 60].

В смысле же взаимосвязи между знаниями и инновациями примечательно выглядит вполне утилитарное определение «экономики знаний» (и ее важнейших черт), данное Европейским банком реконструкции и развития. ЕБРР определяет таковую как «экономику, которая способна расти за счет инноваций или,

другими словами, за счет увеличения общей производительности факторов производства. Экономика знаний также характеризуется технологическим динамизмом и охватывает, в том числе, такие сектора, как агробизнес или тяжелая промышленность, не обязательно связанные с передовыми инновациями. Для своего процветания экономика знаний опирается на адекватную институциональную базу, хорошее образование, прочную коммуникационную инфраструктуру и благоприятную финансовую среду» (*пер. авт.*)⁶. Само по себе понятие «экономика знаний», не ассоциируемое с представленным выше определением, является всего лишь неким образом, мемом, теоретической абстракцией. «Термин “экономика знаний” может вызвать в воображении образы Кремниевой долины, высокотехнологичных стартапов и “цифровых аборигенов”, живущих своей жизнью в Интернете через общегородской Wi-Fi. Но это лишь некоторые аспекты концепции, которая включает в себя широкий спектр мероприятий, способствующих росту» (*пер. авт.*)⁷.

Цифровизация – современный сюжет извечной фабулы

А что же «цифровая экономика», в понимании которой современные исследователи, эксперты, бизнесмены, политики тоже не могут прийти к общему мнению? Уместны ли такие расширительные трактовки данного понятия, как «новая фаза экономики знаний» или «система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий»⁸? Полагаем,

---

⁶ The knowledge economy and innovation. EBRR. – URL: <https://www.ebrd.com/what-we-do/sectors-and-topics/ebrd-knowledge-economy-innovation.html> (дата обращения: 31.03.2020).

⁷ Там же.

⁸ Любопытно, что в работах отечественных авторов последнее из определений обычно приводится в закавыченном виде со словесной ссылкой на Всемирный банк и литературными ссылками на труды «собратьев по цеху»; в том числе и в англоязычных статьях, где фраза выглядит следующим образом: «a system of economic, social and cultural relations based on use of digital information and communication technologies». Однако затратив немало времени и сил, мы так и не сумели найти первоисточник цитаты с реквизитами Всемирного банка. Подобной трактовки нет, например, в дискуссионных материалах семинара «Развитие цифровой экономики в России», проведенного Московским представителем банка, и где дается целый веер определений и концепций цифровой экономики [Digital Economy, 2016]. Ни Google, ни Яндекс, ни поисковая машина на «познавательном» сайте самого Всемирного банка (URL: <https://openknowledge.worldbank.org/>) также ничем не смогли нам помочь.

что нет, и склоняемся к тому, чтобы признать правоту авторов, считающих, что «цифровая экономика представляет собой инфраструктурную надстройку над материальным сектором экономики, призванную повысить эффективность взаимодействия участников процессов производства и реализации промышленной продукции, а также взаимоотношения индивидов в процессе экономической деятельности» [Акбердина, 2018. С. 83].

Более расширенное и вполне прагматичное толкование «цифровой экономики» можно найти в федеральной программе «Цифровая экономика», утвержденной в 2017 г.⁹ Согласно ему, цифровая экономика объединяет три тесно взаимодействующих уровня: 1) рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов; 2) платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики; 3) среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики. По смыслу это сильно перекликается с тем «научным» определением, которое было приведено выше. Иными словами, цифровая экономика не является чем-то самодостаточным, замещающим экономику «аналоговую». Отсюда вполне логично следует вывод (для России), что «если внедрение цифровых технологий будет проводиться без соразмерного развития материального производства, общий экономический эффект от цифровизации не будет иметь решающего значения: мы будем и дальше “оцифровывать” технологическую отсталость» [Акбердина, 2018. С. 83].

Рискнем высказать мнение, что «цифра» – это не знания как таковые, а их носитель, средство аккумуляции и передачи. Цифровизация, цифровые технологии, позволяющие оперировать воистину гигантскими объемами данных (несоразмерно большими, чем было возможно до наступления «цифровой эпохи»), экстраординарным образом расширяют возможности накопления и распространения знаний. Как следствие, на фоне бурного прогресса и ассимиляции информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) происходит ускорение инновационных

---

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – Правительство России. Документы. URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения: 10.07.2020).

процессов в экономике, и таким образом неизменная фабула экономического развития приобретает новую сюжетную окраску – цифровую.

Качество перерастает... в количество

Влияние знаний на экономику, безусловно, нуждается и в качественной, и в количественной оценке. Однако качественная оценка крайне затруднена, ведь по большому счету трудно сказать, что в качественном отношении оказало более сильное влияние на экономическое развитие и прогресс человечества вообще – появление колеса, изобретение бумаги, «покорение» атома или, к примеру, возникновение цифровой связи?

Если попытаться объективно судить о современной экономике как об экономике именно знаний, то опираться следует на количественную оценку и самих знаний, и их воздействия на экономические процессы. То есть «знаниеемкость» следует измерять так же, как трудо-, материало- или капиталоемкость, а именно – в виде затрат на знания, наравне с затратами на другие факторы – труд и сырье, – или с инвестиционными затратами.

Что отличает сегодняшний день от вчерашнего? Во-первых, вне всяких сомнений, знания стали дороже, и затраты на получение новых «единичных» знаний постоянно возрастают (чего со всей уверенностью нельзя сказать об их значимости в качественном отношении). Во-вторых, сфера получения и распространения знаний фактически превратилась в особый отраслевой (точнее даже – многоотраслевой) сектор экономики – сектор знаний. И развитие этого сектора, судя по всему, обладает сильным мультипликативным воздействием на экономику, а не только привносит некоторый прямой вклад в виде добавленной стоимости. Оба отмеченных аспекта взаимосвязаны друг с другом.

Тут уместно будет вспомнить «закон логарифмической отдачи», предложенный Николасом Решером, – «производственную функцию науки», которая отображает зависимость суммарного числа первоклассных научных результатов от суммарного объема ресурсов, затрачиваемых на научно-техническую деятельность. Имеет место экспоненциальный рост всяческих затрат на науку, который сопровождается существенно более медленным ростом

отдачи: «...если ориентироваться не на публикуемую в журналах массовую рутинную продукцию, а только на крупные открытия, являющиеся своего рода вехами в истории той или иной научной дисциплины, то их число увеличивается со временем не по экспоненте, а линейно» [Авдулов, 2004. С. 27]. Между тем как видимые затраты и результаты, «...входные количественные показатели сферы науки (расходы на ИР, численность научных работников и пр.), так и выходные (число публикаций, патентов и др.) росли как снежный ком, создавая характерную для XX в. картину научно-информационного взрыва» [Там же. С. 27].

Постоянный рост затрат труда (живого и овеществленного) на науку, научно-инновационную деятельность стал предпосылкой того, что «наука превратилась в крупную отрасль национального хозяйства развитых стран. Более 80% ученых, когда-либо существовавших во всем мире, являются нашими современниками» [Там же. С. 27]. В свою очередь, созданная в мире «научно-инновационная машина» раскручивает «маховик» затрат. Вероятно, на стыке этого усиливающегося со временем «ведомственного» интереса и объективно возрастающей потребности человечества в разнообразных инновациях лежат причины того, что «...наблюдаемое в последние десятилетия увеличение параметров, характеризующих усилия по развитию науки (людских и материальных ресурсов), является не чем иным, как вынужденным следствием стремления поддержать темп научного прогресса на приблизительно постоянном уровне» [Там же. С. 28].

В результате возникает целый комплекс социально-экономических проблем, специфичных, с одной стороны, для стран, являющихся лидерами научно-инновационной «гонки», а с другой – для стран отстающих.

Постиндустриальные лидеры, выстраивающие у себя наукоёмкую экономику в том числе путем перемещения «простых» промышленных производств в страны третьего мира при определенных условиях, например, подобных нынешней пандемии, рискуют столкнуться с дефицитом многих видов товаров, что усугубляет экономические трудности.

Подобная «экономика, основанная на знаниях», очень напоминает экономическую модель градостроительного симулятора

SimCity BuildIt¹⁰, – города будущего, – поощряющую игрока к строительству нанотехнологических заводов, исследовательских центров и лабораторий фантастических ОМЕГА-технологий, с помощью которых из ничего можно получать энергию и воду, без малейшего ущерба для окружающей среды утилизировать отходы и т.п. Но при этом самыми ликвидными товарами при продаже и дефицитными при покупке являются... гвозди, доски, лопаты, молотки, ткани, химикаты, мука, кукуруза. Труднее же всего продать то, что сегодня называется наукоемкими товарами, продукты фастфуда, а также фантастические товары (4D-принтеры, джетпаки, антигравитационную обувь, телеподы и проч.), производимые ОМЕГА-лабораториями.

Весьма симптоматичной выглядит и эволюция игры – от мирного градостроительного симулятора к почти что военному симулятору. Если в классическом SimCity, известном со времен чуть ли не первых настольных компьютеров, игроку щекотали нервы природные катастрофы (стихийные бедствия) и, в самом крайнем случае, нашествия инопланетян, то сегодня в игре эту роль, добавляющую остроту ощущений, выполняют так называемые «клубные войны». Виртуальная экономическая конкуренция с компьютерными или реальными (в многопользовательском режиме) соперниками сменяется, по сути, гибридными боевыми действиями, включающими элементы экономической, диверсионной, климатической и прочих войн. К сожалению, это сильно, хотя и в утрированном виде, напоминает реальные тенденции развития мира сейчас.

Что же касается стран отстающих, то они сталкиваются одновременно с проблемами, порождаемыми «физическим» недостатком знаний, т.е. низким технологическим уровнем экономики и медленным внедрением инноваций, и с проблемами, вызванными узостью сектора знаний в экономике, слишком малыми прямыми и косвенными хозяйственными эффектами, которые дают его функционирование и развитие. Отмеченное отставание наносит, можно сказать, двойной удар по эффективности их национальных экономик.

---

¹⁰ Градостроительный симулятор (экономическая стратегия) SimCity BuildIt – игра для мобильных устройств, разработанная компанией Maxis (издатель Electronic Arts). URL: <https://www.ea.com/ru-ru/games/simcity/simcity-buildit>.

Библиографическая статистика знает все?

«Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а всё без толку:
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги;
И устарела старина,
И старым бредит новизна».

Александр Пушкин¹¹

«Нет-с, книги книгам рознь.

...

Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится».

Александр Грибоедов¹²

Столкнувшись с тем, что в научной литературе проблематика инновационного развития, становления экономики знаний предстает в многоликом виде, автор решил обратиться к статистике публикаций (не претендуя называть эту работу библиометрическим анализом) с учетом их проблемно-контекстуальной направленности для того, чтобы увидеть и понять, на каких аспектах рассматриваемой тематики в большей или меньшей степени акцентируется внимание отечественных и зарубежных авторов. Первоочередное внимание было уделено работам российских коллег, поскольку именно их исследования образуют научно-идейную базу для анализа процессов, происходящих непосредственно в российской экономике, подготовки рекомендаций по решению имеющихся проблем и построению прогнозов на будущее.

Круг наблюдений был ограничен статьями в научных журналах, индексируемых в РИНЦ (eLibrary), а также в системах Scopus и JSTOR, за период 2000–2019 гг. Поиск в базе РИНЦ проводился в апреле 2020 г., а запросы (по отдельным словам и словосочетаниям) задавались с учетом морфологии по следующим объектам: в названиях публикаций, в аннотациях, в ключевых словах (таким образом при поиске отсекались тематически нерелевантные

¹¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. 5. / А. С. Пушкин Полное собрание сочинений. Изд.-е. 4-е. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отд., 1978. Т. 5. С. 5–184 [С. 23].

¹² Грибоедов А. С. Горь от ума // А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений в 3 томах. Том 1. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Изд-во «Нотабене», 1995. 349 с. [С. 93, 15].

публикации со случайным нахождением искомых слов в тексте). Поиск в зарубежных базах индексирования был проведен в июле 2020 г. по такому же кругу публикаций и с использованием поисковых инструментов, аналогичных тем, что имеются в РИНЦ. Таким образом, полученные статистические результаты по разным источникам индексирования можно считать вполне сопоставимыми. И все это – в рамках тематики (проблематики) модернизации экономики, становления экономики знаний, инновационного развития, накопления человеческого капитала, развития информационных технологий, цифровизации экономики...

Результаты измерений по базе РИНЦ показывают, что в целом за указанный период имеет место явное преобладание публикаций, больше ориентированных на, так сказать, предметно-конкретные аспекты проблемы («инновационное развитие», «инновации и экономика», «модернизация экономики», «человеческий капитал», «цифровизация» и т.п.), нежели на теоретико-абстрактные («экономика знаний», «новая экономика», «информационная экономика», «постиндустриальная экономика», «4-я промышленная революция») (табл. 1). При этом можно отметить довольно узкую (специализированную) контекстуальную направленность публикаций по тематикам, которые тесно взаимосвязаны. Например, при поиске по запросу «человеческий капитал» в результатах по запросу «экономика знаний» за весь оцениваемый период обнаруживается всего 437 публикаций, что составляет 16% от общего числа публикаций с тематикой «экономика знаний» (2776) и менее 4% в отношении результатов по «человеческому капиталу» (12055).

В динамике за период с 2008 г. по 2019 г. обращают на себя внимание следующие моменты:

- «взрывной» рост числа публикаций по тематике «цифровизация» и «цифровая экономика», наблюдающийся в последние три года;
- устойчивый рост числа публикаций по тематике «инновации в экономике»;
- приближительная стабилизация (с тенденцией к затуханию) числа публикаций по тематике «человеческий капитал» и «модернизация экономики» (в 2016–2019 гг.);
- сокращение числа статей по тематике «экономика знаний», «новая экономика», «инновационная экономика», «инновационное развитие» (рис. 1).

Таблица 1. Количество журнальных статей, проиндексированных в РИНЦ, выявленное по результатам поисковых запросов в 2000–2019 гг., ед.

Поисковый запрос	Период публикации				
	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2015–2019	2000–2019
Экономика знаний	11	195	1245	1325	2776
Новая экономика	34	115	378	290	817
Постиндустриальная экономика	2	42	233	226	503
Постиндустриальное общество	22	121	740	732	1615
Человеческий капитал	59	853	4656	6487	12055
Инновации	582	7170	23396	44191	75339
Инновации & Экономика	55	764	3485	6365	10669
Инновационная экономика	9	291	2129	1962	4391
Инновационное развитие	27	927	7126	7998	16078
Информационные технологии	759	2955	9896	17008	30618
ИКТ	22	384	2384	4542	7332
Информационная экономика	8	84	377	419	888
Цифровизация	2	17	59	8522	8600
Цифровая экономика	–	1	14	6993	7008
НТП+НТР	115	407	1094	1738	3354
Технологическая революция	2	16	69	278	365
4-я промышленная революция	–	–	5	457	462
Модернизация	1470	9105	36956	39275	86806
Модернизация & Экономика	122	855	6491	6782	14250
Модернизация экономики	13	82	1106	563	1764

Примечание к табл. 1, рис. 1:

& – пересечение результатов запросов (результаты поиска с включением обоих ключевых слов);

+ – объединение результатов запросов (сумма результатов, полученных по каждому из поисковых запросов).

Итак, о чем свидетельствует отечественная библиографическая статистика? Вкратце, общий вывод состоит в том, что российские исследователи нацелены на изучение наиболее предметных проблем, имеющих не только теоретическое, но и очевидное прикладное (практическое) значение. В фокусе внимания в настоящее время оказываются инновации и человеческий капитал, модернизация и, естественно, цифровизация экономики. И этот вывод представляется важным с точки зрения экспертного моделирования прогнозов развития российской экономики.

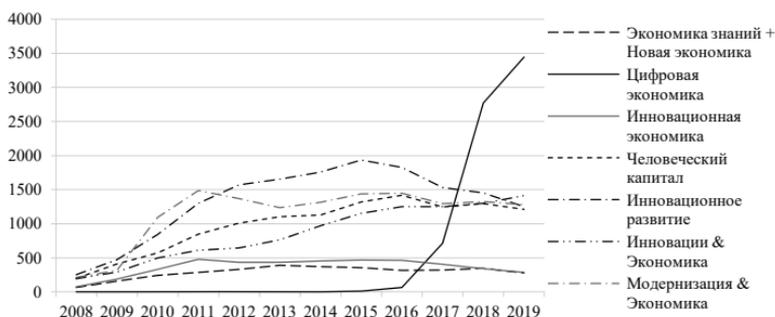

Рис. 1. Динамика числа журнальных статей, проиндексированных в РИНЦ, выявленного по результатам поисковых запросов в 2008-2019 гг., ед.

Сравнение же отечественной и зарубежной статистики баз индексирования, прежде всего, выявляет различия в общем числе публикаций. Так, общее число проиндексированных журнальных статей по рассматриваемой тематике в базе Scopus (около 300 тыс.) в 1,6 раза превышает количество публикаций в РИНЦ (около 190 тыс.), а в JSTOR (более 340 тыс.) – в 1,8 раза (табл. 2).

Таблица 2. Общее количество журнальных статей за период 2000–2019 гг., проиндексированных в системах РИНЦ, JSTOR и Scopus, выявленное по результатам поисковых запросов, ед.

Поисковый запрос	РИНЦ	JSTOR	Scopus
Экономика знаний	2776	4205	2855
Цифровая экономика	7008	1299	1279
Новая экономика	817	8499	1697
Информационная экономика	888	1572	453
Инновационная экономика	4391	141	246
Постиндустриальная экономика + общество	2118	1558	796
Технологическая революция	365	1635	675
Человеческий капитал	12055	36021	19457
Информационные технологии	30618	36668	57892
Цифровизация	8600	970	4302
Инновации	75339	158176	188210
Модернизация экономики	1764	1498	376
Инновационное развитие	16078	305	1634
Инновации & Экономика	10669	65698	14444
Модернизация & Экономика	14250	25581	2549
Всего	187736	343826	296865

При этом, например, бросается в глаза, что в зарубежных базах присутствуют более сильные акценты по направлениям «Инновации» и «Человеческий капитал», а в РИНЦ – по теме «Цифровая экономика». Но валовые показатели числа публикаций, индексируемых в различных базах, не вполне сопоставимы, поэтому имеет смысл посмотреть на их долевую тематическую структуру. Если отвлечься от разницы в общем числе научных статей (и вероятно, в их качестве), проиндексированных в РИНЦ и зарубежных базах, сравнение статистических результатов обнаруживает довольно любопытные различия в контекстуальной направленности публикаций. Чтобы более зримо представить эти различия, разобьем весь набор поисковых запросов на три сравнительно узкие по смыслу тематические группы «Тип экономики», «Технологическое развитие и человеческий капитал» и «Развитие экономики» (табл. 3).

Таблица 3. Тематическая структура журнальных статей за период 2000–2019 гг., проиндексированных в системах РИНЦ, JSTOR и Scopus, выявленная по результатам поисковых запросов, ед.

Поисковый запрос	РИНЦ	JSTOR	Scopus
<i>Группа «Тип экономики»</i>			
Экономика знаний	15,4	24,3	39,0
Цифровая экономика	38,9	7,5	17,5
Новая экономика	4,5	49,2	23,2
Информационная экономика	4,9	9,1	6,2
Инновационная экономика	24,4	0,8	3,4
Постиндустриальная экономика + общество	11,8	9,0	10,9
Итого:	100,0	100,0	100,0
<i>Группа «Технологическое развитие и человеческий капитал»</i>			
Технологическая революция	0,3	0,7	0,2
Человеческий капитал	9,5	15,4	7,2
Информационные технологии	24,1	15,7	21,4
Цифровизация	6,8	0,4	1,6
Инновации	59,3	67,8	69,6
Итого:	100,0	100,0	100,0
<i>Группа «Развитие экономики»</i>			
Модернизация экономики	4,1	1,6	2,0
Инновационное развитие	37,6	0,3	8,6
Инновации & Экономика	25,0	70,6	76,0
Модернизация & Экономика	33,3	27,5	13,4
Итого:	100,0	100,0	100,0

По запросам группы «Тип экономики» в РИНЦ выявляется значительное преобладание публикаций, соответствующих тематике «Цифровая экономика» (39%) и «Инновационная экономика» (24%), а в зарубежных базах лидируют работы по тематике «Экономика знаний» и «Новая экономика» (в JSTOR – в сумме 74%, а в Scopus – 62%). При этом, как показывают результаты индексирования, и отечественные и зарубежные авторы примерно одинаковое внимание уделяют социально-экономической проблематике постиндустриализма – на уровне 9–12% от общего числа публикаций.

Что можно сказать по поводу данных цифр? Напрашивается предположение, что зарубежные авторы в большей степени акцентируют внимание на теоретических, фундаментальных аспектах проблемы инноваций и экономики знаний (т.е. «фабуле»), тогда как отечественные – на прикладных, практических сторонах, увлекаясь современными «сюжетами» (цифровизацией). Эта же тенденция просматривается и при сравнении статистических результатов индексирования по тематической группе «Технологическое развитие и человеческий капитал»: в РИНЦ доля публикаций, находимых по запросу «Цифровизация», многократно выше, чем в Scopus и JSTOR. По индекслируемым же зарубежным источникам в целом выявляется преобладание (по сравнению с российской базой) работ с «тэгами» «Инновации» и «Человеческий капитал». Наконец, в группе «Развитие экономики» среди отечественных публикаций доминируют работы, имеющие контекстуальную направленность по тематикам, скорее, прикладного свойства («Модернизация экономики» / «Модернизация & Экономика», «Инновационное развитие»), тогда как зарубежная литература акцентируется на «Инновациях & Экономике» (71–76%), т.е. тематически имеется более широкий взгляд на проблему.

По мнению автора, представляют интерес и динамические различия в отечественной и зарубежной библиографической статистике. Для примера посмотрим, как меняется во времени число публикаций, индексированных в РИНЦ и в Scopus по запросам «Экономика знаний + Новая экономика», «Человеческий капитал», «Инновации & Экономика» и «Цифровая экономика» (рис. 2–5).

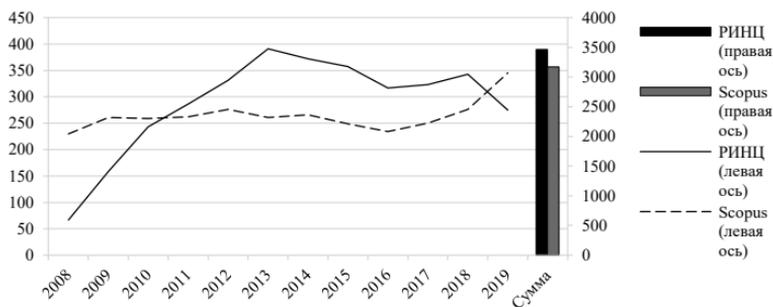

Рис. 2. Динамика числа журнальных статей, проиндексированных в РИНЦ и Scopus, выявленная по сумме результатов поисковых запросов «Экономика знаний» и «Новая экономика» в 2008–2019 гг., ед.

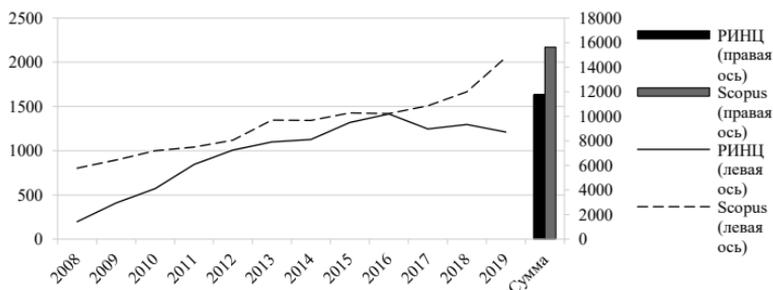

Рис. 3. Динамика числа журнальных статей, проиндексированных в РИНЦ и Scopus, выявленная по результатам поискового запроса «Человеческий капитал» в 2008–2019 гг., ед.

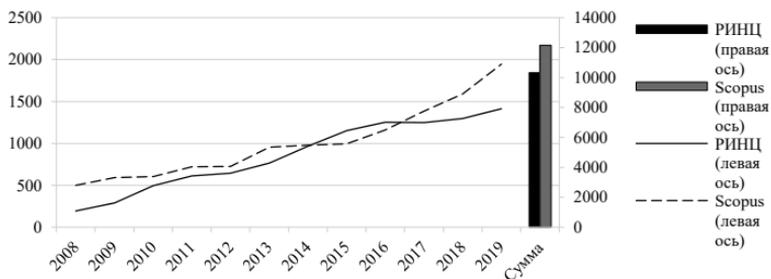

Рис. 4. Динамика числа журнальных статей, проиндексированных в РИНЦ и Scopus, выявленная по результатам поискового запроса «Инновации & Экономика» в 2008–2019 гг., ед.

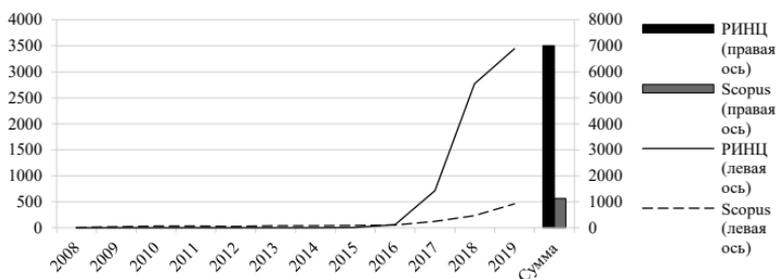

Рис. 5. Динамика числа журнальных статей, проиндексированных в РИНЦ и Scopus, выявленная по результатам поискового запроса «Цифровая экономика» в 2008–2019 гг., ед.

В базе Scopus число публикаций по всем тематическим запросам имеет тенденцию к увеличению, причем, как правило, довольно устойчивому, а в период 2016–2019 гг. наблюдается ускорение роста (особенно заметное для «Цифровой экономики»). По данным индексирования в РИНЦ, постоянный рост характерен только для количества статей, отвечающих запросам «Инновации & Экономика» и «Цифровая экономика» (по последнему – взрывной рост в 2016–2019 гг.), но при этом в последние годы наблюдается затухание интереса отечественных авторов к тематике «Экономика знаний + Новая экономика» и «Человеческий капитал». Во всех случаях, за исключением публикаций по «Цифровой экономике», наблюдается некоторое историческое отставание российского научно-литературного сегмента. Так, в Scopus первая индекс-запись, найденная по запросу «Экономика знаний», датирована 1989 г., а в РИНЦ – 2000 г. Еще больше временной разрыв в индексации статей, релевантных запросу «Человеческий капитал»: в Scopus отсчет идет с 1947 г., а в РИНЦ – с 1993 г. (тогда как в Scopus уже в 1990 г. ежегодное число публикаций перевалило за сотню). Поэтому рост числа индексаций в РИНЦ (да и самих публикаций) в период до 2013–2015 гг. можно в некоторой степени охарактеризовать как догоняющий.

Но кроме этого сама собой напрашивается и не слишком лестная для российской науки мысль о чрезмерном стремлении наших авторов-исследователей быть, что называется, в тренде, публиковаться по модной тематике. Похоже, не зря еще 200 лет

назад Пушкин написал, что «... Лихая мода, наш тиран, недуг новейших россиян»¹³. С появлением новых «модных» научных тем, как, например, «цифровизация», отечественные авторы резко переключаются на них, даже намного опережая своих зарубежных коллег, и теряют интерес к прежним («экономика знаний», «человеческий капитал»). Хотя, возможно, мы наблюдаем случайные совпадения или циклические колебания публикационной активности по отдельным темам.

**«А вот конец, хоть не трагичный,
но досадный...»¹⁴**

Приведенный выше довольно краткий анализ подходов (опирающийся в том числе на элементы библиографической статистики) к определению объекта исследования при изучении проблем современной экономики, в основе развития которой лежат знания и инновации, обнаруживает довольно неоднородную картину.

Попытка выделить фабулу и сюжетную окраску, понять разницу между ними, наводит на мысль, что фабула экономического развития, в сущности, не меняется на протяжении уже многих столетий: наука создает знания, знания являются источником инноваций, а инновации повышают общественную производительность, обеспечивают (поддерживают) рост экономики. Естественно допустить, что скорость инновационных процессов может меняться во времени, равно как могут меняться типы и формы инноваций. Ускорение, происходящее сегодня, с одной стороны, отражает объективную потребность, которая продиктована целями экономического роста, а с другой – сопряжено с новой сюжетной окраской инновационных процессов, которая выражается в цифровизации.

Это находит свое отражение и в научной литературе, определяя тематическую структуру индексируемых публикаций – в значительной степени общую для отечественного и зарубежного сегментов. Однако между ними есть и немалая разница. Интерпретация библиографической статистики, конечно же,

---

¹³ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. 5. / А. С. Пушкин Полное собрание сочинений. Изд.-е. 4-е. – Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отд., 1978. Т. 5. С. 5–184 (С. 102).

¹⁴ Высоцкий В. С. Песнь о вешей Кассандре // ЛитМир – Электронная Библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=101712&p=23> (дата обращения: 17.07.2020).

далеко не бесспорная, указывает на бóльшую приверженность русскоязычных авторов прикладным и практическим аспектам развития экономики знаний, его новым сюжетным проявлениям. Тогда как зарубежные исследователи в основном склонны заниматься теоретическими аспектами и фабульной стороной рассматриваемой проблемы.

Одна из главных тем в российской научной литературе – модернизация экономики, для осуществления которой необходимы знания, инновации и инвестиции. Как же это переключается с удивительно своевременной «заветной мыслью» великого русского ученого Д.И. Менделеева! «... *У нас свое сырье, свой хлеб и свои избытки нетребовательных рабочих, недостает же правильного понимания вещей и вызова прилива капиталов и знаний*» [Менделеев, 2008. С. 667]. А чтобы обеспечить «прилив знаний», конечно же, необходимо мощное развитие науки; государство и бизнес должны быть щедры по отношению к науке – ибо, как писал тот же автор, «*затраты на науку окупаются тем, что она видит много заранее, предупреждает, разбирает возможное, отбирает существенное из кучи практических подробностей*» [Менделеев, 1949. С. 97]. Ведь, действительно, в научном обосновании дальнейшего развития, модернизации российской экономики сегодня, как никогда, важно отличать главное от второстепенного, сущностное от поверхностного, уверенно придерживаться «магистральной» фабулы и не блуждать по сюжетным «проселкам»...

И наконец, в контексте развития экономики знаний очень важен вопрос выбора цели науки, процессов создания знаний и инноваций. Сама экономика знаний, как и любая другая, в конечном счете живет и растет, чтобы удовлетворять потребности людей. Но как и в любой другой экономике, в ней сохраняются разрывы (в пространстве и во времени) между производством и потреблением благ. Сохраняются, хотя и видоизменяются институты рынка и частной собственности; знания как были, так и остаются объектом коммерциализации, а их роль фактора, приносящего прибыль, многократно возрастает. Обостряется дилемма между пользой и выгодой от знаний и науки как их источника.

Вот весьма характерный и совсем свежий пример. Наши западные «партнеры» обвинили российских хакеров в попытке

кражи секретной информации о разработке вакцины от коронавируса¹⁵. Не важно, правда это или нет. Важно другое: почему в условиях пандемии разработка столь важного препарата, который может спасти жизни тысяч или даже миллионов людей, является, по меньшей мере, коммерческой тайной? Почему она не ведется в открытом режиме, чтобы ученые всего мира могли свободно обмениваться информацией и результатами и тем самым ускорить и (наверняка) удешевить создание спасительной вакцины? Это был бы прекрасный ответ современной экономики знаний на страшный вызов, брошенный человечеству природой! Наивный вопрос. В современной экономике знаний создаваемая вакцина предназначена для продажи (со всеми вытекающими отсюда последствиями), а прозрачность, открытость ее разработки лишит первооткрывателей той монопольной ренты, что приносит «пальма первенства». Всеобщая коммерциализация научных знаний, включая жизненно необходимые, вряд ли позволит миру избавиться от последствий библейского проклятия, о которых писал Бэкон: «После же потопа самым тяжелым наказанием, которое бог послал на людей за их гордость, было смешение (читай: разделение; прим. авт.) языков, *резко ограничившее свободное общение в науке и взаимный обмен знаниями среди ученых* (курсив наш)» [Бэкон, 1978b. С. 119].

Автор приносит извинения уважаемому читателю за обилие цитат, тем не менее, поднимая вопрос о роли науки, хотелось бы завершить статью еще одним отрывком из Бэкона: «... наиболее серьезная из всех ошибок состоит в отклонении от конечной цели науки. Ведь одни люди стремятся к знанию в силу врожденного и беспредельного любопытства, другие – ради удовольствия, третьи – чтобы приобрести авторитет, четвертые – чтобы одержать верх в состязании и споре, *большинство – ради материальной выгоды и лишь очень немногие – для того, чтобы данный от бога дар разума направить на пользу человеческому роду* (курсив наш)» [Бэкон, 1978b. С. 115–116].

---

¹⁵ См. например публикацию в Independent от 17 июля 2020 г: «Hackers linked to Russia trying to steal UK's secret coronavirus vaccine research, Cyber Security Centre says» (Хакеры, связанные с Россией, пытаются выкрасть секретные разработки британской вакцины от коронавируса, сообщает Центр кибербезопасности). URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/russia-hackers-state-intelligence-coronavirus-vaccine-uk-cyber-security-a9622506.html> (дата обращения: 19.07.2020).

Итак, материальная выгода или польза для человечества? Вопрос о цели науки остается открытым, как и четыре столетия назад. Более того, почему-то слабо верится, что в условиях современной экономики знаний, в том виде, в каком она формируется, удастся исправить ошибку, отмеченную Бэконом и состоящую в «отклонении от конечной цели науки».

Литература

Авдулов А. Н. Проблемы развития инновационной экономики в Российской Федерации // Россия и современный мир. 2004. № 1 (42). С. 25–42.

Авербух В. М. Шестой технологический уклад и перспективы России (Краткий обзор) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 71. С. 159–166.

Акбердина В. В. Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19. № 3. С. 82–99. DOI: 10.29141/2073–1019–2018–19–3–8.

Антонов А. В. «Экономика знаний»: метафора или реальность? // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 4. С. 50–55.

Берсенева Д. А., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд шестой // ЭКО. 2020. № 7. С. 44–74. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2020–7–44–74.

Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Роспись сочинения // Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 1. М.: Мысль, 1978а. С. 68–80.

Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 1. М.: Мысль, 1978б. С. 81–522.

Бэкон Ф. Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы // Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. М.: Мысль, 1978с. С. 5–214.

Карева Д. Е., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей» // ЭКО. 2014. № 9. С. 86–106.

Карева Д. Е., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд второй // ЭКО. 2015. № 12. С. 45–65.

Лаврова Н. А. Экономика знаний и факторы, ее определяющие // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 1 (40). С. 33–37. URL: [http://www.seun.ru/content/nauka/5/4/doc/1\(40\)_2012.pdf](http://www.seun.ru/content/nauka/5/4/doc/1(40)_2012.pdf) (дата обращения 31.03.2020).

Макаров В. Л. Экономика знаний: уроки для России // Россия и современный мир. 2004. № 1 (42). С. 5–24.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Часть вторая // К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. II. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 620 с.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 47. М.: Изд-во политической литературы, 1973. 660 с.

Менделеев Д. И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д. И. Менделеев. М.: Эксмо, 2008. С. 177–412.

Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. Л. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 17–244.

Михайловская Д.С., Трочинская Д.А., Шмат В.В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд третий // ЭКО. 2017. № 2. С. 36–62.

Михайловская Д.С., Шмат В.В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд четвертый // ЭКО. 2018. № 5. С. 110–138. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2018–5–110–138

Михайловская Д.С., Шмат В.В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд пятый // ЭКО. 2019. № 2. С. 74–103. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2021–2–74–103

Пилценко Е.В. Экономика знаний: мифы и реальность // Энергия: экономика, техника, экология. 2015. № 12. С. 54–60.

Фролов Д.П., Шелестова Д.А. Экономика знаний: траектория институциональной эволюции // Вопросы регулирования экономики. 2013. Т. 4. № 1. С. 87–95.

Carlaw K., Oxley L., Walker P., Thorns D. and Nuth M. Beyond the Hype: Intellectual Property and the Knowledge Society/Knowledge Economy. *Journal of Economic Surveys*. 2006. No. 20. Pp. 633–690.

Digital economy concept, trends and visions: towards a future-proof strategy. М.: World Bank Country Office / Russia, 2016, 11 p. URL: <https://www.worldbank.org/en/events/2016/12/20/developing-the-digital-economy-in-russia-international-seminar-1#4> (дата обращения: 30.04.2020).

Статья поступила 23. 07. 2020.

Статья принята к публикации 07.12.2020.

Для цитирования: Шмат В.В. Знания, инновации, «цифра», или от фанбулы к сюжету? // ЭКО. 2021. № 3. С. 140–166. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2021–3–140–166.

Summary

Shmat, V.V., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Novosibirsk State University, Novosibirsk

Knowledge, Innovation, ‘Digit’, or from Story Line to Narrative?

Abstract. The paper reviews some essential aspects of the Russian economy development at the present stage, i.e. in the context of an innovative “boom”, digitalization and increased attention to the accumulation of human capital. All of this is generally associated with the rise and development of the so-called “knowledge economy” or “new economy”. The author makes an attempt to identify the relationship between knowledge and economic development in terms of a ‘story line’ and ‘narrative’. It is directly connected to a definition of the object of research in the study of problems in the modern economy. An interpretation of bibliographic statistics is given based on results of scientific indexing in the RSCI, Scopus and JSTOR databases within the framework of journal publications on the topic of economic modernization, formation of knowledge economy, innovative development, human capital accumulation and digitalization of economy. The author reveals

differences in topical accents of publications in the domestic and foreign segments of scientific literature.

Keywords: *knowledge economy; innovation; digital economy; technological revolution; human capital; the Russian economy; innovative development; economic modernization; economic growth; scientific indexing; RSCI; Scopus; JSTOR*

References

Akberdina, V.V. (2018). The transformation of the Russian industrial complex under digitalisation. *Journal of the Ural State University of Economics (Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta)*. Vol. 19. No. 3. Pp. 82–99. DOI: 10.29141/2073–1019–2018–19–3–8. (In Russ.).

Antonov, A.V. (2013). The knowledge economy: a metaphor or reality? *Vestnik NSU. Series: Philosophy*. Vol. 11. Is. 4. Pp. 5–55. (In Russ.).

Avdulov, A.N. (2004). Problems of development of innovative economy in the Russian Federation. *Rossiya I Sovremennyy Mir (Russia and the contemporary world)*. No. 1 (42). Pp. 25–42. (In Russ.).

Averbukh, V.M. (2010). The sixth technological setup and perspectives of Russia (Abstract). *Stavropol State University's Vestnik*. No. 71. Pp. 159–166. (In Russ.).

Bacon, F. (1978a). *De Dignitate et Augmentis Scientiarum (The Advancement of Learning)* / F. Bacon. Works in two volumes. 2nd rev. Vol. 1. Moscow, Mysl'. Pp. 81–522. (In Russ.).

Bacon, F. (1978b). *Instauratio Magna. Distributio Operis (Great Instauration. Plan)* / F. Bacon. Works in two volumes. 2nd rev. Vol. 1. Moscow, Mysl'. Pp. 68–80. (In Russ.).

Bacon, F. (1978c). *Novum Organum, sive Indicia vera de Interpretatione Naturae (The Novum Organon, Or A True Guide To The Interpretation Of Nature)* / F. Bacon. Works in two volumes. 2nd rev. Vol. 2. Moscow, Mysl'. Pp. 5–214. (In Russ.).

Bersenyova, D.A., Shmat, V.V. (2020). The future of the Russian economy in the eyes of «fathers» and «sons». The sixth sight. *ECO*. No. 7. Pp. 44–74. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–7–44–74. (In Russ.).

Carlaw, K., Oxley, L., Walker, P., Thorns, D. and Nuth, M. (2006). Beyond the hype: intellectual property and the knowledge society/knowledge economy. *Journal of Economic Surveys*. No. 20. Pp. 633–690.

Digital economy concept, trends and visions: towards a future-proof strategy (2016). Moscow, World Bank Country Office / Russia, 11 p. Available at: <https://www.worldbank.org/en/events/2016/12/20/developing-the-digital-economy-in-russia-international-seminar-1#4> (accessed 30.04.2020).

Frolov, D.P., Shelestova, D.A. (2013). Knowledge economy: trajectory of institutional evolution. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki. Journal of Economic Regulation*. Vol. 4. No. 1. Pp. 87–95. (In Russ.).

Kareva, D.E., Shmat, V.V. (2014). The Future of the Russian Economy in the Eyes of “Fathers” and “Sons”. *ECO*. No. 9. Pp. 86–106. (In Russ.).

Kareva, D.E., Shmat, V.V. (2015). The Future of the Russian Economy in the Eyes of “Fathers” and “Sons”. The Second Sight. *ECO*. No. 12. Pp. 45–65. (In Russ.).

Lavrova, N.A. (2012). Knowledge economy and factors supporting it's development. *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. Issue 1 (40).

Pp. 33–37. (In Russ.). URL: [http://www.seun.ru/content/nauka/5/4/doc/1\(40\)_2012.pdf](http://www.seun.ru/content/nauka/5/4/doc/1(40)_2012.pdf) (accessed 31.03.2020). (In Russ.).

Makarov, V.L. (2004). Knowledge economy: lessons for Russia. *Rossiya I Sovremennyy Mir (Russia and the contemporary world)*. No. 1 (42). Pp. 5–24. (In Russ.).

Marx, K. (1969). Economic manuscripts of 1857–1859. Part Two. K. Marx, F. Engels, Op. Vol. 46. Part II. Moscow, Publishing house of political literature, 620 p. (In Russ.).

Marx, K. (1973). Economic manuscript of 1861–1863. K. Marx, F. Engels, Op. Vol. 47. Moscow, Publishing house of political literature, 660 p. (In Russ.).

Mendelev, D.I. (1949). Oil industry in the North American State of Pennsylvania and the Caucasus. Works. Volume X. Oil. Leningrad – Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences. Pp. 17–244. (In Russ.).

Mendelev, D.I. (2008). Treasured thoughts. Knowledge of Russia. Treasured thoughts / D. I. Mendelev. Moscow, Eksmo. Pp. 177–412. (In Russ.).

Mikhaylovskaya, D.S., Trochinskaya, D.A., Shmat, V.V. (2017). The Future of the Russian Economy in the Eyes of “Fathers” and “Sons”. The Third Sight. *ECO*. No. 2. Pp. 36–62. (In Russ.).

Mikhaylovskaya, D.S., Shmat, V.V. (2018). The Future of the Russian Economy in the Eyes of “Fathers” and “Sons”. The Fourth Sight. *ECO*. No. 2. Pp. 110–138. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-5-110-138

Mikhaylovskaya, D.S., Shmat, V.V. (2019). The Future of the Russian Economy in the Eyes of “Fathers” and “Sons”. The Fifth Sight. *ECO*. No. 2. Pp. 74-103. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-74-103

Pilipenko, E.V. (2015). Knowledge Economy: Myths and Reality. *Energy: economics, technology, ecology*. No. 12. Pp. 54–60. (In Russ.).

For citation: Shmat, V.V. (2021). Knowledge, Innovation, ‘Digit’, or from Story Line to Narrative? *ECO*. No. 3. Pp. 140-166. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-140-166.

Схоластическая риторика как метод производства текстов в сообществе экономистов-теоретиков

В.М. ЕФИМОВ, доктор экономических наук.

E-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

Независимый исследователь, Франция

Аннотация. Хотя новые идеи в науке вырабатывают индивиды, наука является коллективной деятельностью. Общение ученых – важная часть их работы. В естествознании исследователи общаются по поводу своих контактов с объектами исследования, которые принимают в естественных науках форму экспериментов. Один из основателей исходного американского институционализма, Джон Коммонс, обсуждал со своими коллегами и студентами факты, источником которых были контакты с экономическими акторами, контакты, которые были функциональным аналогом экспериментов в естествознании. Так как регулярности в социальной сфере проистекают из того, что акторы следуют в своем поведении определенным правилам, выявление этих правил здесь равносильно выявлению регулярностей, чему и служили контакты исследователей с акторами. Эта исследовательская традиция, активно практиковавшаяся в США между двумя мировыми войнами, была подавлена во времена маккартизма. Была восстановлена, усилена и технически (математически) усовершенствована старая традиция экономической науки, возникшая в университетах как продолжение и замена моральной философии, тесно связанной с теологией.

В рамках этой традиции общение между учеными происходит не по поводу контактов с объектами их исследования, а по поводу абстрактных теоретических конструкций. Это позволило таким рефлекслирующим о своей профессии экономистам, как Дейдра Макклоски и Арьо Кламер, утверждать, что экономическая наука есть не что иное, как разговор (conversation) или риторика. Продолжая эту мысль, я утверждаю, что при отсутствии у экономистов-теоретиков информации о контактах с их объектами исследования, общение между ними (conversation), которое, в частности, принимает форму публикации статей, неизбежно становится схоластической риторикой. В анализируемой здесь статье Н. А. Шапиро и проявился этот метод производства текстов.

Ключевые слова: контакты с акторами; Д. Макклоски; экономикс как риторика; А. Кламер; экономикс как разговор (конверсация); Р. Р. Харре; конверсация как первичная человеческая реальность; Н. А. Шапиро; схоластическая риторика; черная риторика

Исследование действием производства текстов в сообществе российских экономистов-теоретиков

Как изучать экономическую, и более широко – социальную реальность? Для меня, практически с самого начала исследовательской деятельности, ответ был очевиден: нужно вступить в контакт с участниками этой реальности, чтобы получить информацию о ней «из первых рук». Контакт может быть осуществлен в виде беседы-интервью, совместной деятельности (включенного наблюдения) или воздействия на эту реальность/ее участников (исследование действием).

Все эти виды контактов опосредуются языком, поэтому полученная в результате информация носит дискурсивный характер и представляет собой так или иначе составленные тексты. Результаты анализа таких текстов и являются результатами исследования.

Именно так было мною проведено исследование российской сельской реальности конца 1980-х и 1990-х годов [Yefimov, 2003; Ефимов, 2009; 2010]. Именно таким образом я исследовал функционирование сообществ экономистов-теоретиков в Западной Европе, США и в России [Ефимов, 2011b]. Позже я узнал, что у этой методологии есть философское обоснование, которое развивалось в многочисленных работах британского философа Рома Харре, одна из которых была переведена на русский язык [Харре, 1995]¹.

Публикация моей статьи «Анти-Аузан: критика одной социальной философии» [Ефимов, 2020a; 2020b] может рассматриваться как еще одно исследование действием социальной реальности сообщества российских экономистов-теоретиков, а статья Н.А. Шапиро «Институциональная экономика в современной экономической науке или по поводу всего в статье

---

¹ Хотя ранее я упоминал о необходимости изучения экономистами дискурсов акторов [Ефимов, 2007. С. 54–55], впервые мое понимание дискурсивной методологии на основе идей Рома Харре применительно к экономике я изложил в 2010 г. на семинаре Р. Харре в Лондонской школе экономики. Текст и презентацию этого моего доклада можно скачать здесь: URL: <http://institutional.narod.ru/lectures/lectures.htm> – Vladimir Yefimov. Towards Discursive Economics (Methodology and history of economics reconsidered) (текст и слайды). На русском языке расширенный вариант текста был опубликован годом позже [Ефимов, 2011a; 2011b].

В. М. Ефимова» [Шапиро, 2021] как текст, подлежащий анализу в этом исследовании.

Точно так же, как в конце 1980-х годов колхозно-совхозная система Переславского района Ярославской области реагировала на мою деятельность по организации семейных фермерских хозяйств, поставляя мне информацию, как она на самом деле работает, реакция на мою статью члена российского сообщества экономистов-теоретиков Н. А. Шапиро раскрывает, как же это сообщество на самом деле функционирует.

Аналогичное невольное исследование действием [Ефимов, 2020e] я провел, анализируя критику моих работ С. Г. Кирдиной-Чэндлер [Кирдина-Чэндлер, 2019]. Не затрагивая излагаемые мною факты, отражающие генезис и эволюции социальных порядков на Западе и в России [Ефимов, 2018a; 2018b; 2019], она критикует исключительно мою методологию. В этом отражается важная черта метода производства текстов экономистов-теоретиков: они не приучены обсуждать факты и их интерпретацию. Этим же пороком страдает и статья Н. А. Шапиро [Шапиро, 2021].

Д. Макклоски и А. Кламер как исследователи сообщества экономистов-теоретиков

Исследования сообществ экономистов-теоретиков на базе дискурсивного анализа проводились уже давно. Так, голландец Арьо Кламер стал известен публикацией цикла интервью с рядом известных экономистов [Klamer, 1984], а затем – великолепным описанием, как на самом деле функционирует международное сообщество экономистов, в книге, которая в русском переводе была озаглавлена «Странная наука экономика. Приглашение к разговору» [Кламер, 2015].

Его коллега из Америки Дональд (Дейдра) Макклоски в своей работе 1985 г. утверждает, что «экономисты – это стихийные поэты и рассказчики, но сами они не знают об этом. Экономисты – это философы, не изучающие философию. Экономисты – это ученые, которые до сих пор не подозревают,

что их наука превратилась в игру мальчишек в песочнице» [Макклоски, 2015. С. XXX]².

Однако дискурсивная методология для экономической науки в моем понимании не имеет почти ничего общего с «риторической» методологией Дейдры (Дональда) Макклоски и Арьо Кламера³, о чем я писал ранее [Ефимов, 2016. С. 53–54]. Эти авторы, блестяще анализируя дискурс влиятельных экономистов, показывая их незаинтересованность в понимании экономической действительности, считают эту ситуацию вполне нормальной. По сути, риторический подход у них заменяет необходимость методологического выбора.

Не случайно, в «десять заповедей» модернизма в экономической и других социальных науках, с которыми Макклоски призывает бороться [McCloskey, 1985. P. 7–8]⁴, не были включены такие важные постулаты модернистского представления о научном исследовании, как субъектно-объектный дуализм и приверженность к поиску причинно-следственных связей. Очевидно, эти постулаты, которым следуют все экономисты-ортодоксы и почти все экономисты-гетеродоксы, вполне приемлемы для автора. Но если Д. Макклоски и А. Кламер обращают внимание исключительно на дискурсы *экономистов*, то методология, которой я придерживаюсь, нацелена, прежде всего, на анализ

---

² Близкое утверждение содержится в статье израильско-американского профессора экономики Ариэля Рубинштейна [Рубинштейн, 2008]. Отмечу, что это – уважаемый в профессиональных кругах учёный, автор нескольких учебников и монографий, бывший президент Эконометрического общества. Статья, о которой идёт речь – переработанная версия его президентского доклада этому обществу в 2004 г. В ней он задаёт вопрос: «Ради чего работают экономисты-теоретики?» и сам же на него отвечает: «По сути дела, мы играем в игрушки, которые называются моделями. Мы можем позволить себе такую роскошь – оставаться детьми на протяжении всей нашей профессиональной жизни и даже неплохо зарабатывать при этом. Мы назвали себя экономистами, и публика наивно полагает, что мы повышаем эффективность экономики, способствуем более высоким темпам экономического роста или предотвращаем экономические катастрофы. Разумеется, можно оправдать такой имидж, воспроизводя некоторые из громко звучащих лозунгов, которые повторяются из раза в раз в наших грантовых заявках, но верим ли мы в эти лозунги?» [Там же. С. 62]. И далее еще более откровенно: «Я считаю, что как экономисту-теоретику мне почти нечего сказать о реальном мире и что лишь очень немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьёзных консультаций < ... >. Как экономисты-теоретики мы организуем наше мышление с помощью того, что мы называем моделями. Слово “модель” звучит научнее, чем “басня” или “сказка”, хотя большой разницы между ними я не вижу < ... >. Да, я действительно полагаю, что мы просто баснописцы, но разве это не чудесно?» [Там же. С. 79–80].

³ См. [Отмахов, 2000; Расков, 2005].

⁴ В переводе на русский язык второго издания книги Д. Макклоски под заглавием «Риторика экономикс», переведенного как «Риторика экономической науки» [Макклоски, 2015] эти десять заповедей модернизма указаны на с. 195.

дискурсов *акторов*. Д. Макклоски и А. Кламер вносят свой вклад в понимание реальностей сообщества экономистов, но их подход не помогает экономистам лучше понимать экономическую действительность. Риторика как искусство убеждения, безусловно, играет важную роль в *оформлении результатов исследования*, но она не поможет экономисту *понять* изучаемое явление. Для этого нужно исследовать правила, которым следуют акторы в своем поведении, причём исследовать их, вступая с этими акторами в непосредственный контакт, а не ограничиваться дедуктивными построениями без такого контакта и (или) анализом статистических данных.

Собственно говоря, Д. Макклоски и А. Кламер хорошо раскрывают «кухню» сообщества экономистов-теоретиков: они не заинтересованы в изучении реальности, а занимаются риторикой [Макклоски, 2015], ведя между собой разговоры (*conversations*)⁵, в которых истина играет второстепенную роль [Кламер, 2015. С. 3]. Отмечу, что эти разговоры ведутся по определенным, довольно жестким правилам, нарушение которых грозит отторжением (вплоть до исключения) из сообщества экономистов-теоретиков. Освоение этих правил происходит во время подготовки диссертации и работы в университете или исследовательской организации.

В своей книге я воспроизвожу советы Д. Норта молодым экономистам, высказанные одним из его ближайших сотрудников: «Норт советовал начать карьеру академического экономиста, готовя статьи, касающиеся небольших задач в рамках принятого направления исследований. “Постепенно <...> вы можете увеличивать масштаб задач и понемногу отклоняться в публикациях от принятого направления. После приобретения некоторого авторитета в профессии можно начать писать не только статьи, но и книги”» [Ефимов, 2016. С. 279]. Это полностью соответствует совету А. Кламера: «Не будьте слишком оригинальны (оставайтесь в границах разговора!)» [Кламер, 2015. С. XIX].

---

⁵ Интересно отметить, что при переводе книги А. Кламера перевели и слово *conversation*, а в переводе статьи Р. Харре ввели англицизм «конверсация»: «Я использую термин “конверсация” в широком смысле, включая сюда неизбежные интеракции, где значение обмена сигналами конвенционально по своей природе» [Харре, 1995]. При этом Харре утверждает, что «конверсация – это первичная человеческая реальность» [Там же. С. 76].

Я не являюсь единственным критиком подходов Д. Макклоски и А. Кламера. Российский энтузиаст данных авторов Д. Расков по этому поводу пишет следующее: «Из критических замечаний в адрес риторической программы остановимся подробнее на двух наиболее важных. Первое состоит в том, что фактически риторический подход усиливает позиции неоклассической теории и, по сути, является изощренным способом ее защиты. Второе... связано с релятивистским отношением риторической программы к понятию “истины”» [Расков, 2005. С. 26].

По поводу книги А. Кламера он пишет: «Кламер предлагает вовлечь нас в разговор о том, что экономическая наука – есть разговор⁶, или пространство разговоров <...> Безусловно, это маргинальная позиция, но в какой-то степени ее можно сравнить с позицией юридического – его приходится слушать и терпеть, поскольку за его странными выходами часто скрывается правда, в которой общество боится себе признаться» [Расков, 2015. С. XXI].

Кафедра политэкономии экономического факультета МГУ как школа схоластической риторики

Хочет того Н. А. Шапиро или нет, она в своей критической статье фактически следует риторическому подходу, нередко сбиваясь даже на «черную риторику». Последнее понятие К. Бредемайер определяет следующим образом: «*Черная риторика – это манипулирование всеми необходимыми риторическими, диалектическими, эристическими и рабулистическими приемами для того, чтобы направлять беседу в желательное русло и подводить оппонента или публику к желательному для нас заключению и результату*» [Бредемайер, 2002. С. 8]. В этом определении используется понятие «рабулистика», которое определяется так: «рабулистика – это искусство изощренной

---

⁶ Разговор является важной частью деятельности представителей естественных наук. Разница между ними и современными экономистами состоит в том, что «естественные науки опираются на эксперименты, они приходят к своим результатам в беседах людей, занимающихся ими и совещающихся между собой об истолковании экспериментов» [Гейзенберг, 2006. С. 277], а экономисты также беседуют между собой, но только не по поводу экспериментов, а абстрактных теорий, удаленных от реальности. Исследование на базе дискурсивной методологии, требующее непосредственного контакта с объектом изучения, а именно с вовлеченными во взаимодействие акторами, представляет собой *функциональный аналог* экспериментального исследования в естественности.

аргументации, *позволяющее выставить предмет обсуждения или последовательность чьих-либо мыслей в нужном свете, не всегда соответствующем действительности* (выделено В.Е.)» [Там же]. В свою очередь Р. Дэнсон пишет, характеризуя черную риторику: «Для того чтобы подвести человека к решению, изначально чуждому для него, потребуется немало манипуляций, аргументаций и уловок» [Дэнсон, 2016. С. 9].

Н. А. Шапиро и А. А. Аузан, которого она защищает, прошли хорошую школу схоластической риторики на кафедре политэкономии экономического факультета МГУ. Будущий декан факультета защитил в 1982 г. на этой кафедре диссертацию на тему «Развитие Лениным теории планомерности», а Н. А. Шапиро в 1984 г. стала кандидатом экономических наук, представив на кафедре своего научного руководителя Н. А. Цаголова диссертацию «Соотношение закона планомерного развития и закона стоимости в системе развитого социализма». В постсоветское время свой багаж риторики Н. А. Шапиро пополнила знаниями схоластических риторических конструкций западного экономического мейнстрима при подготовке своей докторской диссертации, защищенной в 2003 г. в Санкт-Петербургском госуниверситете низкотемпературных и пищевых технологий.

Про своего бывшего научного руководителя Н. А. Шапиро пишет следующее: «Еще при жизни Н. А. Цаголов и его научные воззрения воспринимались коллегами-экономистами других кафедр и вузов, а также более широкими политическими кругами далеко не однозначно. Одни видели в нем лишь поборника планомерности, другие – противника ТДО [товарно-денежных отношений], а третьи – теоретического схоласта» [Шапиро, 2015. С. 81]. Я лично полагаю, что все эти три характеристики верны, причем первая и вторая предполагают третью, но верная ученица не согласна с таким мнением о своем учителе: «практически мало кто видел научную и практическую продуктивность методологии и вариативность концепции соотношения плана и ТДО, которая была создана» [Там же].

Что это за «научная и практическая продуктивность методологии» можно догадаться из следующих слов авторов книги, изданной по случаю столетия со дня рождения Н. А. Цаголова: «Политическая экономия скользила по поверхности. Она не обладала адекватным методологическим инструментом, с помощью

которого могла бы анализировать не только видимые, но и невидимые на поверхности свойства социализма. Цаголов считал, что этого можно добиться путем применения к социализму методологии «Капитала». Методология с ее способностью представить все экономические явления и категории в виде определенной системы была для Цаголова тем же, что и телескоп для Галилея. В изображении Б. Брехта Галилей подводил к своей трубе не верящих в его объяснение Вселенной и просил через нее посмотреть на небо и самим убедиться в верности его слов. Подобным же образом Цаголов предлагал не верящим в его теорию посмотреть на экономические явления сквозь призму его методологических принципов, чтобы убедиться, что они действительно находятся в системной зависимости друг от друга» [Дзарасов и др., 2004. С 214–215].

Вот только в отличие от Галилея, предлагающего инструмент непосредственного контакта с реальностью, Н. А. Цаголов проводил свои исследования не на базе подобного контакта, а следуя методологии «Капитала», в соответствии с которой «при анализе экономических форм невозможно пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами: то и другое должна заменить сила абстракции» [Маркс, Энгельс, 1960. С. 6].

Как Н. А. Шапиро оправдывает свой переход от советской политэкономии к западному мейнстриму

В предисловии к русскому переводу своей книги А. Кламер пишет: «9 ноября [день падения Берлинской стены] стало одной из причин, побудивших меня написать эту книгу. В то время меня интересовало, каково всем тем, кто всю жизнь преподавал марксистскую политическую экономику и проводил исследования, используя в качестве главного источника «Капитал», ведь им пришлось столь внезапно и столь безвозвратно овладеть другим экономическим языком <...> Не могу себе представить, что чувствовал бы я, если бы был вынужден совершить подобную трансформацию. А как же моя честность? Как можно отречься от теории, которую я провозглашал истинной?» [Кламер, 2015. С. XXIII].

По-видимому, этот вопрос задавала себе и Н. А. Шапиро, а для ответа на него использовала следующий риторический

прием: «Признание изменений ценностей влечет за собой признание исторического релятивизма, в том числе и в интеллектуальной истории <...> Актуальность исторического релятивизма в истории экономической мысли проявляется всякий раз, когда появляются основания для преодоления ограниченности или замкнутости взглядов через сопоставление ныне существующих форм сознания с прежними. Расширение временных и пространственных границ дает повод для соответствующих сопоставлений теоретических концепций <...> Научное признание исторического релятивизма означает, что ни богатый исторический опыт, ни доскональные исторические исследования не могут избавить каждое последующее поколение на каждом новом этапе развития от решения задачи нахождения собственных исторических смыслов, так и определения своего собственного будущего. Поэтому время, сформировавшее новые ценности, рождает интерес постижения прошлого с новых позиций. Таким образом преодолевается замкнутость текущих обстоятельств в оценках того или иного события, факта или периода» [Шапиро, 2015. С. 79].

Это «постижение прошлого с новых позиций» Н. А. Шапиро производит и по отношению к Н. А. Цаголову, под руководством которого когда-то осваивала схоластическую риторику советской политэкономии. Делает она это, сопоставляя методологические исследования И. Лакатоса и Н. А. Цаголова: «И. Лакатос разработал предложенную Поппером методологическую исследовательскую программу с большим упором на рационально реконструированную историю <...> Сняв замкнутость интеллектуального пространства, нетрудно обнаружить, что методология системы экономических категорий Н. А. Цаголова была создана параллельно с западной концепцией исследовательских программ постпозитивистской философии и была тождественна ей по исходным положениям и основным выводам» [Шапиро, 2015. С. 80].

Вот как характеризует философское наследие Карла Поппера Ром Харре: «Он [Поппер. – В. Е.] являлся последним из великих логиков, который в наиболее систематичном, последовательном и безжалостном виде продвигал логическую программу философского исследования. Провал попперовских проектов драматическим образом показывает нам ограниченность рационалистического идеала, когда он разрабатывается в терминах логики. Я думаю, что человеческие существа используют рациональные процедуры,

но они должны быть поняты по отношению к значительно более богатым формам мысли и языка, чем может быть схвачено в формах традиционной логики истины и лжи» [Нагтэ, 1994].

Отвечая на вопросы, поставленные А. Кламером, нужно иметь в виду, что российские университетские экономисты, работающие на кафедрах политической экономии, переименованных затем в кафедры экономической теории, специализируются на преподавании утопий. В советское время это была коммунистическая утопия, а в постсоветское – каноны утопического капитализма⁷. Относительная безболезненность перехода от преподавания марксистской политической экономии на неоклассический экономикс именно этим и объясняется: базовый навык был сформирован, а какую именно утопию преподавать – это уже второй вопрос.

О дискурсивном анализе институтов в экономике и профессии экономиста-теоретика как социального института

Обновленная методология экономической науки должна сконцентрировать своё внимание не на процедурах построения теорий и способах их верификации или фальсификации, но на *способах организации экспериментальных ситуаций*, в которых объект и субъект исследования не отделены друг от друга, а активно взаимодействуют.

В вышеприведённом высказывании Рома Харре, являющегося сторонником философии позднего Витгенштейна, недаром упоминается язык. Методология экономической науки, которую я пытаюсь отстаивать, опирается на витгенштейнианское положение о проистекании социально-экономических регулярностей из того факта, что люди ведут себя в соответствии с определёнными социально сконструированными правилами (социальными институтами), которые объясняются, обосновываются и запоминаются с помощью рассказывания себе и другим неких историй. Если это положение принимается, мы должны согласиться и с тем, что для выявления социально-экономических регулярностей следует осваивать и анализировать эти истории.

---

⁷ Всеохватывающий, саморегулирующийся, гармоничный рынок является утопией, в разработку которой внесли вклад большое количество экономистов, и которую французский политолог Пьер Розанваллон назвал утопическим капитализмом [Розанваллон, 2007].

Это прекрасно выразил британский философ Дэвид Блур. То или иное правило как элемент института «существует внутри определённой практики, и через эту практику, путём цитирования этого правила, взывания к нему в процессе его освоения, получения удовлетворения при виде, когда другие ему следуют, и, указывая другим, что они ему не следуют или следуют недостаточно точно. Всё это говорится другим и себе, и всё это люди слышат от других < ... >. Таким образом, явление следования определённому правилу неотлично от описания, даваемого этому правилу» [Bloor, 1997. P. 33–34].

В этом смысле институт может быть охарактеризован как «самоотсылочная практика, объект разговора, и именно разговора, предоставляющего нам реальность, к которой он и отсылает»⁸ [Там же. P. 34], а «социальный объект» основывается на описаниях, которые акторы и участники этого объекта ему дают. Он не существует независимо от того, во что акторы и участники этого объекта верят и как они выражают это на словах. Таким образом, «социальный объект» не может быть описан «точнее», чем это уже сделано в этих описаниях [Там же. P. 35]. Исследователю остается только позаимствовать эти описания у акторов и участников. Если объектом исследования является социальный институт профессии экономистов-теоретиков, то описания, которые мы находим в текстах Н. А. Шапиро, в том числе и в тексте ее критики моей статьи [Шапиро, 2021], могут помочь выявить правила функционирования сообщества экономистов-теоретиков.

О риторических приемах Н. А. Шапиро

Проанализируем, какие риторические приемы использовала Н. А. Шапиро применительно к разным разделам и идеям моей статьи «Анти-Аузан: критика одной социальной философии» [Ефимов, 2020а; 2020b]. Одним из таких приемов является передергивание⁹. Возьмем для начала самый первый абзац ее статьи: «В статье “Анти-Аузан: критика одной социальной философии” г-н Ефимов, насколько удалось понять, рассуждает по факту не о социальной

⁸ “[A]n institution is a self-referring practice, the object of the talk, namely that which provides the reality to which it refers.”

⁹ Слово «передергивание» имеет следующие синонимы: извращение, искажение, подтасовывание, подтасовка, коверканье, переименование: *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Русский язык. 2001. С. 322, 156.

философии, а большей частью об институциональной экономике (новой институциональной теории)» [Шапиро, 2021. С. 176].

Введя в название статьи «социальную философию», я следовал тексту книги А. А. Аузана: «<...>Институциональная экономика мечтает не о господствующем положении в экономической теории, а о превращении в новую социальную философию» [Аузан, 2017. С. 9]. Некоторые известные современные экономисты не просто трактуют то, что они делают, как создание новой философии, но и открыто призывают академическое сообщество к содействию в создании «гражданской религии»: «[М]ы находимся на пути к зарождению новой “гражданской религии” – религии, которая отчасти возвратит нас к характерному для XVIII века скептическому отношению к политической деятельности и правительствам и которая, вполне естественным образом, сосредоточит наше внимание на *правилах, ограничивающих деятельность правительств*, а не инновациях, оправдывающих все возрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан. Наша нормативная роль, как *философов-обществоведов* [выделено мной. В.Е.], состоит в том, чтобы придать определённую форму этой гражданской религии» [Бреннан, Бьюкенен, 2005. С. 262].

Далее она приписывает мне мнение, что А. Аузан «пересказывает (выделено мною. В.Е.) монографию Т. Эггертсона «Экономическое поведение и институты» <...> Кого же критикует автор – Аузана или Эггертсона, остается не выясненным» [Шапиро, 2021. С. 176]. Я же, наоборот, подчеркиваю оригинальность книги А. А. Аузана, и при этом констатирую, что если большая часть российских учебников под названием «Институциональная экономика» взяла в качестве образца книгу Т. Эггертсона, то «книга А. А. Аузана, <...> хотя по структуре и идеям похожа на все остальные, однако сильно отличается от них по форме. Аналогично тому, как раньше поступали экономисты, работающие в области политэкономии социализма, А. А. Аузан пытается, в частности, интерпретировать уже постсоветский социальный порядок, но теперь, конечно, уже не опираясь на марксизм, а в терминах теоретических конструкций отражающих в наукообразном виде идеологию, послужившую возникновению этого порядка, а именно идеологию неолиберализма» [Ефимов, 2020а. С. 64].

Это практически все, на что Н.А. Шапиро обратила свое критическое внимание в первом разделе моей статьи «Колея (path dependence) профессии советского политэконома». Можно предположить, что Наталья Александровна согласна с основной идеей этого раздела, а именно, что А.А. Аузан в своей книге воспроизводит практики советских экономистов, работающих в области политэкономии социализма, практик, в которые непосредственно были вовлечены как сам А.А. Аузан, так и Н.А. Шапиро.

Продолжая обращение с моим текстом, которое трудно назвать корректным с чисто профессиональной точки зрения, Н.А. Шапиро пишет, что я, якобы считаю, что «началом институциональной экономики [при этом, конечно, имеется в виду “институциональная экономика”, преподаваемая в России, то есть Новая институциональная экономическая теория. В.Е.] являются работы авторов традиционного американского институционализма: Т. Веблена, Дж. Коммонса и У. Митчелла». Такая точка отсчета представляется ошибочной уже потому, что в основополагающей работе Р. Коуза “Природа фирмы” [Coase, 1937] нет никаких ссылок на взгляды традиционных институционалистов» [Шапиро, 2021. С. 177].

Я же в своей статье утверждаю: «Школа Коммонса исчезла на фоне послевоенного маккартизма <...> После этого, за редким исключением, практически все американские университетские экономисты стали, как выразился Джозеф Стиглиц, “самыми активными участниками группы поддержки капиталистического свободного рынка”. Перед ними встала задача исказить и дискредитировать наследие <...> исходного институционализма Джона Коммонса. Вот за эту задачу и взялись конструкторы Новой институциональной экономической теории. Исходный институционализм был намеренно негативно окрещен “старым”, термин, который можно трактовать как “отживший”. Если школы Шмоллера и Коммонса выводили свои теоретические положения из анализа истории, то Д. Норт перевернул этот подход с ног на голову, анализируя историю путем просвечивания ее через призму неоклассической экономической теории. Введенное Дж. Коммонсом понятие транзакции не просто исказили, сведя его к транзакционным издержкам, оно в таком виде стало центральным в Новой институциональной экономической теории, которая на этой базе продолжила дело Локка, Смита и армии

неоклассиков по легитимации монетарного социального порядка» [Ефимов, 2020а. С. 82]. Таким образом, утверждение Н. А. Шапиро, что факт того, что «одним термином “институционализм” обозначены различные по сути концепции, является “исторической случайностью”» [Шапиро, 2021. С. 177], оказывается ложным.

Видный представитель исходного институционализма Уолтер Гамильтон был первым, кто ввел в 1919 г. понятие институциональной экономики [Гамильтон, 2007]: «История экономической науки указывает, что выживание часто зависело от того, насколько доктрина соответствовала привычкам мышления своего времени. Если следующее десятилетие потребует формальной теории ценности, которая избежит дискуссий о том, чему подобен экономический порядок, институциональная экономика потерпит фиаско. Если же оно потребует *понимания наших отношений с миром* [выделено мною. В.Е.], в котором мы живем, то институциональная экономика выживет» [Там же. С. 117].

Слова У. Гамильтона оказались пророческими: исходная институциональная экономика не выжила именно потому, что экономическая дисциплина под давлением влиятельных сил «избежала дискуссий о том, чему подобен экономический порядок». Однако в первой половине XX века в США имелись академические центры, где такие дискуссии даже поощрялись, и не только среди профессоров, но и среди студентов. Это были центры развития институциональной экономики.

К двум таким центрам У. Гамильтон имел самое непосредственное отношение. Одним из них был Амхерстский колледж (*Amherst College*), частный гуманитарный университет, расположенный в штате Массачусетс, а другим – Брукингская школа (*Robert Brookings Graduate School of Economics and Government*), стартовавшая при Университете Вашингтона в Сент-Луисе, штат Миссури, но уже в 1924 г. переведенная в столицу США Вашингтон. В первом из них У. Гамильтон проводил свой эксперимент по экономическому образованию между 1916 и 1923 гг., а во втором – между 1923 и 1928 гг.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что У. Гамильтон отказывался рассматривать экономическое образование как «ритуал» освоения определенных теорий, а стремился к тому, чтобы образовательные процессы были бы для студентов «приключением» истинного интеллектуального расследования путем погружения

в существующие социальные и экономические проблемы и поиска их решений [Hamilton, 1923]. Первая книга под названием «Институциональная экономика» была опубликована Дж. Коммонсом в 1934 г.

Почти половина первого раздела моей статьи (С. 66–68) посвящена основным идеям счетно-долговой институциональной теории денег, мимо которых Н. А. Шапиро прошла, их совсем не замечая и не критикуя. Точно так же остался без ее внимания весь второй раздел «Монетарный социальный порядок и трёхсотлетнее противостояние двух теорий денег» (С. 69–76), а ведь именно в нем я предлагаю альтернативу как марксизму, так и неоклассике. Казалось бы – вот где разгуляться критике человеком, который начал свою карьеру с первого и продолжает ее, следуя второму направлению.

Очевидно, объясняется это небрежение тем, что экономисты-теоретики не очень интересуются реальностью, и точкой отсчета для них в составлении текстов является не реальность, а абстрактные теории. Именно так Н. А. Шапиро осуществляет анализ моей критики «отсутствия денег в логике институциональной экономики» (имеется в виду, конечно, Новая институциональная экономическая теория): «Восприняв ядро неоклассики, институциональная экономика использует такой инструмент, как деньги, экзогенно или эксплицитно. Неоклассическая теория построена так, что может обойтись без имманентной теории денег, потому что деньги не являются продуктом деятельности отдельных хозяйствующих субъектов. <...> Деньги признаются важнейшим фактором влияния, а не элементом, определяющим его сущность. В микроэкономике важны цены. Микроэкономика есть теория цены, а не денег. Для современной науки *деньги пока остаются феноменом* (выделено мною. В.Е.), несмотря на их практическую значимость <...> Деньги – это “большая тайна”, но не потому, как пишет В. Ефимов, что “...сильные мира сего, а также те, кто находится у них в услужении, стараются скрыть. И вот уже в течение 300 лет, это у них неплохо получается”, а потому, что это – *все еще феномен* (выделено мною. В.Е.), несмотря на то, что многие научились им умело пользоваться. Если бы экономическая теория располагала научно достоверной и продуктивной концепцией денег, *вписывающейся в микроэкономическую методологию* (выделено мною. В.Е.) это, возможно,

способствовало бы более глубокому и результативному анализу» [Шапиро, 2020. С. 183].

Свидетельством того, что для Н. А. Шапиро точкой отсчета является не реальность, а абстрактные теории, говорит и следующее ее заявление: «Критика г-на Ефимова построена так, будто бы он знает истинную и абсолютно верную теорию, на правомерность выводов которой не влияют ни время, ни цели, ни задачи исследования. Между тем по факту он бессистемно сопоставляет положения институциональной экономики [здесь имеется в виду, конечно, Новая институциональная экономическая теория. В.Е.] с разными теориями прошлого. Результатом критики “из прошлого” (выделено мною. В.Е.) стали некорректные выводы и оценки продуктивности институциональной экономики» [Шапиро, 2021. С. 177]¹⁰.

Вынужден напомнить, что счетно-долговая институциональная теория денег является результатом научных исследований, *тесно связанных с практикой*. Дж. Коммонс заимствовал ее у Г. Маклеода, который был профессиональным банкиром. Другой, мало кому известный, вклад в счетно-долговую институциональную теорию денег внес Й. Шумпетер [Schumpeter, 1970; Лакомски-Лагерр, 2020; Ефимов, 2020с], который имел опыт руководителя банка и министра финансов. И тот, и другой сами были экономическими акторами, которые отразили в теории свой личный опыт, а также опыт совместной деятельности с другими акторами, то есть фактически использовали метод включенного наблюдения, о котором говорилось в самом начале статьи.

Интересно, о какой практике говорит Н. А. Шапиро в следующем пассаже своей статьи: «Современный мейнстрим – это корпус наиболее апробированных практикой теоретических инструментов, представленных теорией общего равновесия, новой классической макроэкономикой, чикагской школой, некоторыми фрагментами кейнсианства и неокейнсианских теорий, новая институциональная теория (институциональная экономика) и поведенческая экономика» [Шапиро, 2021. С. 180].

Н. А. Шапиро четко сформулировала свою позицию, связанную с точкой отсчета в абстрактных теориях, а не в реальности,

---

¹⁰ В двух вышеприведенных цитатах из статьи Н. А. Шапиро курсивом мною выделены ключевые слова, используемые в ее риторике.

так: «Гетеродоксия или теоретический плюрализм, фрагментарность современной экономической науки, теоретическая и методологическая неоднородность, степень проникновения в сущность изучаемых явлений, различие исследовательских программ <...> являются неоспоримыми фактами <...> *исчез эталон теории, некая норма, опираясь на которую* [выделено мною. В.Е.], можно однозначно утверждать, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что нет» [Шапиро, 2021. С. 179].

В естествознании и в исходном институционализме Дж. Коммонса, разделяющим с естествознанием видение исследовательского процесса, утверждать, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что неправильно в оглашаемых учеными результатах, можно на *основании контакта с объектом исследования и получения реакции этого объекта на воздействие исследователя.*

Н. А. Шапиро подчеркивает, что «в статье г-на Ефимова используется модель знания экономической теории, сложившаяся к концу XIX в., когда все многообразие теории представлялось тремя течениями: неоклассика, марксизм и историческая школа. Это слишком просто для нынешнего времени, а потому не имеет отношения к действительному положению дел, иначе говоря, – не релевантно» [Шапиро, 2021. С. 179]. Тем самым она озвучивает миф об изменяющемся лице экономикс, в свое время провозглашенный американцами Д. Коландером, Р. Холтом и Б. Россером [Colander et al., 2004]. В качестве разделов экономикс, которые, по мнению авторов, и изменили ее лицо, называются следующие: поведенческая экономика (*behavioural economics*), агентное моделирование (*agent-based modelling*), эволюционная теория игр (*evolutionary game theory*) и экспериментальная экономика (*experimental economics*).

На первом месте в этом списке стоит поведенческая экономика, которую также называет и Н. А. Шапиро. Здесь мне хотелось бы опять предоставить слово уже упоминавшемуся Ариэлю Рубинштейну, одному из немногих экономистов, рефлекслирующих по поводу своей профессии: «Для меня экономикс является совокупностью идей и конвенций, с которыми экономисты согласны, и на основании которых они базируют свои рассуждения. Таким образом, экономикс – это определённая культура. Поведенческая экономика представляет собой преобразование этой культуры. Тем не менее <...> её методы в значительной степени

те же, что были привнесены в экономикс теорией игр. В центре большинства моделей поведенческой экономики те же самые агенты, которые максимизируют предпочтения на пространстве последствий, и искомое решение в большинстве случаев связано с использованием стандартных понятий равновесия. Однако поведенческие экономисты не связывают себя с тем, что обычно называют рациональными мотивациями. Экономическая басня (или модель, как мы её называем), которая бы имела в качестве своего ядра такие понятия, как справедливость (*fairness*), зависть (*envy*), смещение предпочтений в пользу настоящего (*present-bias*) и тому подобное, теперь не только позволительна, но даже и предпочтительна. Почему это произошло именно сейчас? Может быть, потому что экономисты, в конце концов, поняли: ортодоксальные экономические модели слишком нереалистичны и догматичны. А может быть, это было результатом нашего постоянного поиска новых направлений исследования. Напрашивается также вопрос, а почему другие идеи <...> не так радужно принимаются, как идеи поведенческой экономики? Я думаю, что это происходит потому, что профессия предпочитает прогресс, осуществляемый малыми шагами. Модели поведенческой экономики не так уж сильно отличаются от тех, которые используются в прикладном экономикс, и тем самым не воспринимаются как угроза» [Rubinstein, 2006. P. 246]. Мне кажется, что лучше не скажешь. Ключевыми словами в этой очень точной и тонкой характеристике экономической дисциплины являются «культура» и «угроза».

В заключении раздела «Критика и современная методология экономической науки» своей статьи Н. А. Шапиро пишет: «Границы критики теории заложены в самой теории, в ее картине мира, которую теория предполагает. *Критика конструктивна в заданных смысловых рамках текстов* [выделено мною. В.Е.], за границами этих рамок следуют уже мировоззренческие разногласия (т.е. оспаривание самих рамок) и предполагается предложение принципиально иной теории. *Если отсутствует универсальная теория, то следует исходить из того, что нет и универсальной критики* [выделено мною. В.Е.]» [Шапиро, 2021. С. 181].

Такая позиция очень удобна тем, кто рассматривает экономическую науку *только* как разговор или пространство разговоров. Разговор (конверсация) может происходить в рамках

близких теорий. Если теории сильно разнятся, разговор, в том числе и критика, между их представителями, следуя этой позиции, просто невозможен. То есть возможность дискутировать представителям двух разных направлений, апеллируя к опыту своих (или других исследователей) контактов с объектами исследования, априори отбрасывается, обрекая одного или обоих представителей на схоластику.

Почему Н. А. Шапиро воздержалась от критики большей части моей статьи

Помимо *половины* первого раздела моей статьи (С. 66–68), посвященной основным идеям счетно-долговой институциональной теории денег, и полностью второго раздела о монетарном социальном порядке (С. 69–76), Н. А. Шапиро оставила без своего внимания и критики весь третий раздел «Об эволюции экономического мейнстрима в университетском образовании как идеологического сопровождения монетарного социального порядка», и *всю вторую часть статьи* [Ефимов, 2020b]. *Что же это за критика текста, которая игнорирует его львиную долю?*

Могу предположить, что *на самом деле Н. А. Шапиро желала «опровергнуть» только два тезиса в моей статье*: «В 1917 г. большевики пришли к власти в России и <...> через двадцать с небольшим лет создали в стране новый социальный порядок, и для его легитимации требовалось идеологическое обоснование. Интерпретация советского социального порядка была осуществлена на базе марксистских понятий, так как лидеры партии посчитали, что деятельность по приходу к власти, а затем по политическому и экономическому строительству должна была быть обоснована на единой понятийной базе. Одной из важнейших задач экономического факультета МГУ (создан в 1941 г.) было развитие преподавания этого обоснования <...> В 1991 г. в России было осуществлено другое радикальное институциональное изменение, активные участники которого, не без внешнего иностранного влияния, черпали свое вдохновение в идеологии неолиберализма. К этому времени неолиберализм, требующий максимальной приватизации и минимального участия государства в экономике, получил наиболее полное идеологическое обоснование в так называемой Новой институциональной экономической теории (New Institutional Economics)» [Ефимов, 2020а. С. 63].

Эти два тезиса, по сути, объявляют приговор всей профессиональной деятельности моего оппонента, как в советское, так и в постсоветское время, фактически характеризуя ее как социально вредную, поэтому ее резко отрицательный настрой по-человечески понятен. Как уже отмечалось, оправдывая перипетии своей профессиональной деятельности, Наталья Александровна апеллирует к понятию «исторического релятивизма». Далее нужно было риторически развести неоклассику, к которой она примкнула, и неолиберализм, чем она и занялась в рассматриваемой здесь ее статье [Шапино, 2021].

Делает она это с помощью понятия «исследовательские программы», введенного И. Лакатосом, «Из сопоставления концепций институциональной экономики [опять здесь имеется в виду Новая институциональная экономическая теория. В.Е.] и неолиберализма как направлений экономической теории, можно сделать вывод, что их развитие не оказало прямого влияния друг на друга. У них *разные исследовательские программы* (курсив. В.Е.). Неолиберализм исследовал функции и место государства в современном рынке, а институциональная экономика изучает разнообразие экономических институтов, причины их эффективности и неэффективности, т.е. критикует отчасти тот порядок и те структуры, включая государство, которые сдерживают развитие рыночной экономики <...> Общими вопросами идеологии она не занимается и претензии к ней можно предъявлять только в том смысле, почему она вообще не выступает против рынка?! Таким образом, приписывание институциональной экономике характерных черт неолиберализма просто некорректно» [Шапино, 2021. С. 186]. Я предоставляю читателю самому оценить всю эту риторическую конструкцию.

Заключительный риторический аккорд статьи Н. А. Шапино

Наконец, заключительным риторическим аккордом статьи Н. А. Шапино, который я также предлагаю оценить читателю самому, является следующий: «Что касается “Анти – Аузана”, можно привести слова все того же Л. Роббинса о К. Поппере: “Поппер всегда излагает точку зрения, которую собирается раскритиковать, яснее, чем те, кого он критикует, и его описание ... заслуживает прочтения”. Эту характеристику без всяких оговорок

можно отнести к работе “Экономика всего” и ее автору – А. Аузану, которому удастся объяснять теории других лучше, чем это делают они сами. В работе “Экономика всего” [Аузан, 2017] доступно, не скучно и критически не вульгарно объяснены базовые концепции и понятия институциональной экономики. В этом смысле “Анти-Аузан” – это тот, кому трудно дается понимание и ясность изложения не своих идей» [Шапино, 2021. С. 189].

Литература

Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2017.

Бредемайер К. Черная риторика: Власть и магия слова. М.: Альпина Паблишер. 2002.

Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб.: Экономическая школа. 2005.

Гамильтон У.Х. Институциональный подход к экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 2. С. 110–117.

Гейзенберг В. Избранные философские работы. СПб.: Наука. 2006.

Дзарасов С., Меньшиков С., Попов Г. Судьба политической экономии и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс. 2004

Дэнсон Р. Черная риторика. Запрещенные приёмы ведения дискуссий. М.: «АБ Пабблишинг Трейд». 2016.

Ефимов В.М. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 49–67.

Ефимов В.М. Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. 2009. № 1. С. 74–116.

Ефимов В.М. Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // Вопросы регулирования экономики. 2010. № 3. С. 8–91.

Ефимов В.М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть I. Иная методология экономической науки // Экономическая социология. 2011а. Т. 12. № 3. С. 15–53.

Ефимов В.М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть II. Иная история и современность // Вопросы регулирования экономики. 2011б. Т. 2. № 3. С. 8–91.

Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иная методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М. 2016.

Ефимов В.М. (2018а). О двух типах социальных порядков. Часть 1. // Вопросы теоретической экономики, № 1. С. 7–25.

Ефимов В.М. (2018б). О двух типах социальных порядков. Часть 2–1. // Вопросы теоретической экономики, № 2. С. 28–46.

Ефимов В.М. (2019). О двух типах социальных порядков. Часть 2–2. // Вопросы теоретической экономики, № 1. С. 7–23.

Ефимов В.М. Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 1 // ЭКО. 2020а. № 9. С. 52–89.

- Ефимов В. М.* Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 2 // ЭКО. 2020b. № 10. С. 168–192.
- Ефимов В. М.* Необычный социолог Джеффри Ингем и два незнакомых знаменитых экономиста // Вопросы экономики. 2020c. № 6. С. 135–149.
- Ефимов В. М.* О политическом завещании Сталина // Journal of Economic Regulation. 2020d, Том 11. № 1. С. 6–35.
- Ефимов В. М.* Три видения социальных порядков, сложившихся на Западе и в России (ответ С. Г. Кирдиной-Чэндлер) // Вопросы теоретической экономики. № 1, 2020e. С. 31–45.
- Кирдина-Чэндлер С. Г.* О деньгах и социальных порядках (размышления над статьей В. М. Ефимова) // Вопросы теоретической экономики, 2019. № 2. С. 7–25.
- Кламер А.* Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М.-СПб.: Издательство Института Гайдара. 2015.
- Лакомски-Лагерр О.* Кредитная сущность денег глазами Йозефа Шумпетера: вклад в «монетарный анализ» капитализма // Journal of Institutional Studies, 2020. № 4. С. 86–99.
- Макклоски Д.* Риторика экономической науки. М.-СПб.: Издательство Института Гайдара. 2015.
- Маркс К. и Ф. Энгельс.* Сочинения. Изд. 2. Том 23. М.: Госполитиздат. 1960.
- Отмахов П. А.* «Риторическая» концепция метода в экономической теории // Истоки. 2000. Вып. 4. М.: ИД ГУ ВШЭ. С. 138–176.
- Расков Д. Е.* Экономическая теория как риторика // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 5. Вып. 3. С. 13–30.
- Роббинс, Л.* Истории экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики. М.: Инд. Института Гайдара. 2013.
- Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение. 2007.
- Рубинштейн Ар.* Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 62–80.
- Стиглиц Дж.* Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо. 2011.
- Харре Р.* Метафизика и методология; некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: Хрестоматия. М.: ИНИОН, 1995. С. 74–93.
- Шапиро Н. А.* Ценности и смыслы научной школы Н. А. Цаголова в контексте исторического релятивизма // Проблемы современной экономики. № 3. 2015. С. 78–83.
- Шапиро Н. А.* Институциональная экономика в современной экономической науке или по поводу всего в статье В. М. Ефимова «Анти-Аузан: критика одной социальной философии» // ЭКО. 2021. № 2. С. 176–92.
- Эгертссон Т.* Экономическое поведение и институты. М.: Дело. 2001.
- Bloor D.* Wittgenstein, Rules and Institutions. London; New York: Routledge. 1997.
- Coase R.* The Nature of the Firm // *Economica*, Vol. 4, No. 16, November. 1937. P. 386–405.

Colander D., Holt R. P. F., Rosser J. B., Jr. The Changing Face of Economics. Conversation with Cutting Edge Economists. Ann Arbor: University of Michigan Press. 2004.

Hamilton W. H. Education – Ritual or Adventure? // *The Nation*, 1923. No. 116 (June). P. 720–721.

Harré R. Obituary: Professor Sir Karl Popper // *The Independent*. 1994. 19 September. URL: <http://www.independent.co.uk/news/people/obituary-professor-sir-karl-popper-1449760.html>

Klamer A. The New Classical Macroeconomics. Conversations with New Classical Economists and their Opponents. Brighton, Sussex: Edward Elgar.

McCloskey D. The Rhetoric of Economics. Madison: University of Wisconsin Press. 1985.

Rubinstein A. Discussion of «Behavioral Economics» // Blundell R., Newey W. K., Persson T. (eds). *Advances in Economics and Econometrics. Theory and Applications. Ninth World Congress (Vol. 2)*. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. P. 246–254.

Schumpeter, J. A. *Das Wesen des Geldes*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1970.

Yefimov V. *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan. 2003.

Статья поступила 15.01.2021.

Статья принята к публикации 19.01.2021.

Для цитирования: *Ефимов В. М.* Схоластическая риторика как метод производства текстов в сообществе экономистов-теоретиков// ЭКО. 2021. № 3. С. 167-192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-167-192.

Summary

Yefimov, V.M., *Doct. Sci. (Econ., Development Studies), independent researcher, France*

Scholastic Rhetoric as a Method of Producing Texts in the Community of Theoretical Economists

Abstract. Although new ideas in science are developed by individuals, science is a collective activity. Scientists constantly communicate with each other. And this communication is an important part of their scientific activities. In natural science, researchers communicate about their contacts with objects of their research, contacts that take the form of experiments in natural sciences. One of the founders of the original American institutionalism, John Commons, discussed with his colleagues and students the facts, the source of which were contacts with the actors of the studied economic activity, contacts that were a functional analog of experiments in natural science. Since regularities in the social sphere arise from the fact that actors follow certain rules in their behaviour, the identification of these rules here is equivalent to the identification of regularities, which the contacts of researchers with actors targeted. This research tradition, which had been actively practiced in the United States between the two World Wars, was suppressed there during the time of McCarthyism. The old tradition of economics, which arose in universities as a

continuation and replacement of moral philosophy, closely related to theology, was restored, strengthened, and technically (mathematically) improved.

Within this tradition, communication between scientists is not about contacts between them and objects of their research, or about contacts made and described by someone else, but about abstract theoretical constructions. This allowed economists reflecting about their profession, such as Deirdre McCloskey and Arjo Klamer, to argue that economics is nothing more than a conversation or rhetoric. Continuing this thought, I argue that in the absence of information for theoretical economists about contacts with their research objects, communication between them (conversation), which in particular takes the form of published articles, inevitably ends up as scholastic rhetoric. The article by N. A. Shapiro, which is under our scrutiny here, revealed this method of producing texts.

Keywords: *contacts with actors; D. McCloskey; economics as rhetoric; A. Klamer; economics as conversation; R. R. Harré; conversation as primary human reality; N. A. Shapiro; scholastic rhetoric; black rhetoric*

References

- Auzan, A.A. (2014). Economics of everything. How institutions define our life. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.).
- Bloor, D. Wittgenstein, Rules and Institutions. London; New York: Routledge. 1997.
- Bredemeier, K. (2005). Schwarze Rhetorik. Macht und Magie der Sprache. Munchen: Goldmann Wilhelm GmbH (In Russ.).
- Brennan, G. and. Buchanan, J.M. (1985). The Reason of Rules. Constitutional political economy. Cambridge: Cambridge University Press. (In Russ.).
- Coase, R. (1937). The Nature of the Firm. *Economica*, Vol. 4. No. 16, November. Pp. 386–405.
- Colander, D., Holt, R. P. F., Rosser, J. B., Jr. The Changing Face of Economics. Conversation with Cutting Edge Economists. Ann Arbor: University of Michigan Press. 2004.
- Denson, R. (2016). Black Rhetoric: Unfair Methods of Conducting Discussions (In Russ.).
- Dzarasov, S., Menshikov, S., Popov, G. (2004). The fate of political economy and its Soviet classic. Moscow. Alpina Business Books. (In Russ.).
- Eggertsson, T. (1990). *Economic behavior and institutions: Principles of Neoinstitutional Economics*. Cambridge: Cambridge University Press. (In Russ.).
- Hamilton, W.H. (1923). Education – Ritual or Adventure? *The Nation*. No. 116 (June). Pp. 720–721.
- Hamilton, W.H. The Institutional Approach to Economic Theory. *The American Economic Review*. Vol. 9, No. 1, Supplement, Papers and Proceedings of the Thirty-First Annual Meeting of the American Economic Association (Mar., 1919), Pp. 309–318. (In Russ.).
- Harré R. Obituary: Professor Sir Karl Popper // The Independent. 1994. 19 September. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/people/obituary-professor-sir-karl-popper-1449760.html>

Harré, R. (1989). Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research. *European Journal of Social Psychology*, Vol. 19, Pp. 439–453 (In Russ.).

Heisenberg, W. (1969). *Der Teil und das Ganze*, R. Piper & Co. Verlag

Kirdina-Chandler, S.G. (2019a). About money and social orders (reflections on the article by V.M. Yefimov). *Journal of Theoretical Economics*. No. 2. Pp. 7–25. (In Russ.).

Klamer, A. (1984). *The New Classical Macroeconomics. Conversations with New Classical Economists and their Opponents*. Brighton, Sussex: Edward Elgar.

Klamer, A. (2007). *Speaking of Economics. How to get in the conversation*. London, New York: Routledge. (In Russ.).

Lakomski-Laguette, O. (2016). Joseph Schumpeter's credit view of money: A contribution to a "monetary analysis" of capitalism. *History of Political Economy*, 48(3). Pp. 489–514. (In Russ.).

Marx, K. and Engels, F. (1960). *Works*. Ed.2. Volume 23. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.).

McCloskey, D. *The Rhetoric of Economics*. Second Edition. Madison: The University of Wisconsin Press

McCloskey, D. *The Rhetoric of Economics*. Madison: University of Wisconsin Press. 1985. (In Russ.).

Otmakhov, P.A. (2000). "Rhetorical" concept of the method in economic theory. *Istoki*. Issue 4. Moscow: HSE Publishing House. Pp. 138–176. (In Russ.).

Raskov, D.E. (2005). Economic theory as rhetoric. *Bulletin of St. Petersburg University*. Series 5. Vol. 3. Pp. 13–30. (In Russ.).

Robbins, L. (2000). *A History of Economic Thought: The LSE Lectures*. Princeton, NJ: Princeton University Press. (In Russ.).

Rosanvallon, P. (1999). *Le Capitalisme utopique. Histoire de l'idée de marché*. Paris: Seuil. (In Russ.).

Rubinstein, A. Discussion of «Behavioral Economics». Blundell R., Newey W.K., Persson T. (eds). *Advances in Economics and Econometrics. Theory and Applications. Ninth World Congress* (Vol. 2). Cambridge: Cambridge University Press. 2006. P. 246–254.

Rubinstein, A. (2006). Dilemmas of an Economic Theorist. *Econometrica*. Vol. 74, No. 4. Pp. 865–883. (In Russ.).

Schumpeter, J.A. *Das Wesen des Geldes*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1970.

Shapiro, N.A. (2015). Values and meanings of the scientific school of N.A. Tsagolov in the context of historical relativism. *Problems of modern economics*. No. 3. Pp. 78–83. (In Russ.).

Shapiro, N.A. (2021). Institutional Economics in Modern Economic Science or about everything in the Article by V.M. Yefimov, «Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy». *ECO*. No. 2. C. 176–192. DOI: 10.30680/ECO 0131–7652–2021–2–176–192

Stiglitz, J. (2010). *Freefall: Free Markets and the Sinking of the Global Economy*. NY: W. W. Norton & Company.

Yefimov, V. (2003). *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan.

Yefimov, V.M. (2007). Subject and method of interpretative institutional economics. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. Pp. 49–67. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2009). Evolutionary analysis of the Russian agrarian institutional system. *Universe of Russia*. No. 1. Pp. 74–116. (In Russian)

Yefimov, V.M. (2010). Russian agrarian institutional system (historical-constructivist analysis). *Journal of Economic Regulation*. No. 3. С. 8–91. (In Russian).

Yefimov, V.M. (2011a). Discursive analysis in economics: methodology and history of economic science reconsidered. Part I. Other methodology of economic science. *Economic sociology*. Vol. 12. No. 3. Pp. 15–53. (In Russian).

Yefimov, V.M. (2011b). Discursive analysis in economics: methodology and history of economic science reconsidered. Part II. Other history and the present. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 2. No. 3. Pp. 8–91. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2016). *Economic science in question: other methodology, history and research practices*. Moscow. KURS: INFRA-M, 2016 (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2018a). On Two Types of Social Orders; Part 1. *Journal of Theoretical Economics*. No. 1. Pp. 7–25. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2018b). On Two Types of Social Orders; Part 2–1. *Journal of Theoretical Economics*. No. 2. Pp. 28–46. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2019). On Two Types of Social Orders; Part 2–2. *Journal of Theoretical Economics*. No. 1. Pp. 7–23. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020a). Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy. Part 1. *ECO*. No. 9. Pp. 52–89. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020b). Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy. Part 2. *ECO*. No. 10. Pp. 168–192. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020c). An unusual sociologist Geoffrey Ingham, and two unknown famous economists. *Voprosy Ekonomiki*. No. 6. Pp. 135–149. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020d). On Stalin's political testament. *Journal of Economic Regulation*. V. 11. No. 1. Pp. 6–35.

Yefimov, V.M. (2020e). Three visions of social orders in the West and in Russia (the answer to S.G. Kirdina-Chandler). *Journal of Theoretical Economics*. No. 1. Pp. 31–45. (In Russ.).

For citation: Yefimov, V.M. (2021). Scholastic Rhetoric as a Method of Producing Texts in the Community of Theoretical Economists. *ECO*. No. 3. Pp. 167–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-167-192.

В следующих номерах вы прочтете:

- Взаимодействие власти и бизнеса в долгосрочных проектах развития технопарковой инфраструктуры
- Невидимые убытки прибыльных предприятий
- Рынки земли в России и в Сибири: от ресурсов к активам
- Господдержка развития редкоземельной промышленности и модернизация экономики
- Стратегии городского развития в России и мире: сравнительный анализ
- Образовательные траектории трех российских поколений: от дошкольной подготовки к профессиональному образованию
- Роль энергетического сектора России в формировании бюджета страны
- Синергия поддержки государства и новых подходов к реализации стратегии диверсификации компаниями ОПК

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77 - 77209 от 20.11.2019

2021. № 3. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции и издателя: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2021. Выход в свет 31.03.2021

Формат 62x94. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 240. Заказ 30. Цена свободная

Отпечатано в типографии: ФГУП «Издательство СО РАН»
630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2